ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.М. Капицын
ИДЕНТИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ, СОСТАВ, ДИНАМИКА (ДИСКУРС И ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ)

М.Ю. Мартынова
ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Т.А. Яшкова
ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П.Л. Крупкин
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1
2014

Главный редактор

ШУМИЛОВ
Андрей Владимирович
кандидат политических наук, доцент

Ответственный секретарь

ЕРШОВА Ирина Владимировна

Перевод

ОРЛОВА Елена Геннадьевна

Дизайн

ПАВЛУНИН Дмитрий Олегович

Издатель

НИИ общественных и политических наук

Зам. главного редактора 16+

СКОВИКОВ
Алексей Константинович
кандидат политических наук, доцент

Научная редакция

БРОННИКОВ Иван Алексеевич
кандидат политических наук, доцент

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич
кандидат философских наук, доцент

КАСИМОВ Евгений Витальевич
кандидат исторических наук, доцент

МОИСЕЕВ Андрей Николаевич
кандидат политических наук, доцент

Председатель Редколлегии номера

КАПИЦЫН Владимир Михайлович
доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия

БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)
БАРАНОВ А.В. – доктор исторических наук, доктор полит. наук, профессор (Краснодар)
БУРЕНКО В.И. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)
ГЕРАСИНА Л.И. – доктор социологических наук, профессор (Харьков)
ГОРБАТЕНКО В.П. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
ДОНАЙ Л. – кандидат политики, PhD (Познань)
ЗЛАТАНОВ Б.Г. – кандидат философских наук, доцент (Москва)
ИВАНОВСКИЙ З.В. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)
КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)
КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)
КОНОНОВ И.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Луганск)
КОСТИНА А.В. – доктор философских наук, профессор (Москва)
КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Волгоград)
ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва),
доктор политики, PhD (Манчестер)
ЛИСЕЕНКО Е.В. – доктор социологических наук, профессор (Одесса)
ЛУКОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МАЙБОРОДА А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Киев)
МЕЖУЕВ В.М. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
НАГОРНЯК Т.Л. – доктор политических наук, доцент (Донецк)
НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)
ОМЕЛЬЧЕНКО А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Москва)
ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)
ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
УСМАНОВ Б.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ФИГУРА М. – доктор истории,
Dr. hab (Познань)
ХУДАВЕРДЯН В.Ц. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ЦВИХ В.Ф. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)
ШАБРОВ О.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ШАРКОВ Ф.И. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
ЩУДЛО С.А. – доктор социологических наук, доцент (Дрогобыч)
ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор (Симферополь)
ЯКОВЮК И.В. – кандидат юридических наук, доцент (Харьков)

PolitBook – 2014 – 1

Editor in Chief

SHUMILOV Andrei

Executive Secretary

ERSHOVA Irina

Translate

ORLOVA Elena

Design

PAVLUNIN Dmitriy

Deputy Editor

SKOVIKOV Alexey

Editors

BRONNIKOV Ivan

EFREMOV Oleg

KASIMOV Evgeniy

MOISEEV Andrey

Publisher

Institute of Social and Political Sciences

Chairman of the Editorial board

KAPITSYN Vladimir
Prof. (Yaroslavl)

Editorial Board

BOLSHAKOV A.
Prof. (Kazan)
BARANOV A.
Prof. (Krasnodar)
BURENKO V.
Prof. (Moscow)
VATYL V.
Prof. (Grodno)
DONAJ Ł.
PhD (Poznan)
GERASINA L.
Prof. (Kharkov)
GOLOVIN Y.
Prof. (Yaroslavl)
GORBOTENKO V.
Prof. (Kiev)
GRISHIN O.
Assoc. Prof. (Moscow)
ZLATANOV B.
Assoc. Prof. (Moscow)
IVANOVSKIY Z.
Prof. (Moscow)
ILMJARV M.
PhD (Tallinn)
KAPITSYN V.
Prof. (Moscow)
KERYAN G.
Prof. (Yerevan)
KHUDAVERDIAN V.
Prof. (Moscow)
KONONOV I.
Prof. (Lugansk)
KOSTINA A.
Prof. (Moscow)
KURILLA I.
Prof. (Volgograd)
LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester),
Prof. (Moscow)
LISEENKO E.
Prof. (Odessa)
LUKOV V.
Prof. (Moscowa)
MAYBORODA A.
Prof. (Kiev)
MEZHUEV V.
Prof. (Moscow)
MINEEVA E.
Prof. (Cheboksary)
NAGORNYAK T.
Prof. (Donetsk)
NASIMOVA G.
Prof. (Almaty)
OMELCHENKO A.
Prof. (Moscow)
PROROK V.
PhD (Prague)
FIGURA M.
Dr. hab. (Poznan)
SHABROV O.
Prof. (Moscow)
SHARKOV F.
Prof. (Moscow)
SHIROKOV O.
Prof. (Cheboksary)
SCHUDLO S.
Prof. (Drogobych)
TITOV V.
Prof. (Moscow)
TSVIKH V.
Prof. (Kiev)
TUROVSKY R.
Prof. (Moscow)
CHERNYSHOV Y.
Prof. (Barnaul)
USMANOV B.
Prof. (Moscow)
YURCHENKO S.
Prof. (Simferopol)
YAKOVYUK I.
Prof. (Kharkov)

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

От редакции
6

В.М. Капицын
ИДЕНТИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ, СОСТАВ, ДИНАМИКА
(ДИСКУРС И ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ)
8

М.Ю. Мартынова
ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
33

П.Л. Крупкин
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
61

Т.А. Яшкова
ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
88

А.Г. Караткевич
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
98

СТАТЬИ

З.В. Ивановский
КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)
111

М. Рахвал
ЯВКА ИЗБИРАТЕЛЕЙ И КАЧЕСТВО
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
141

Ф.И. Шарков
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА - ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
153

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Скиперских
ИННОВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Н. Козулин, Ю.Г. Чернышов
ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
172

Наши авторы
196

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook»

ОТ РЕДАКЦИИ

За последние 20 лет чрезвычайно активизировались исследования идентификационных процессов. Заметно появление специализации в исследованиях, в том числе взаимодействие гражданской и этнической идентичностей (М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, Д. Скирмер, В.А. Ядов и др.), цивилизационная и национально-государственная идентификация (Б. Андерсон, О.Ю. Малинова, И.С. Семененко, В.Г. Хорос, С. Шульман и др.), идеология и идентификация (О.Ю. Малинова, К. Калхун, М. Прайс, Дж. Най и др.), связь идентификационных процессов с внешнеполитическими стратегиями, международными отношениями, идентификация в глобальном управлении (И. Валлерстайн, Ф. Купер, Р. Кеохейн, Ю.В. Громыко, А.А. Казанцев, П.А. Цыганков, А. Мартинелли и др.). Замечания Р. Коулса, В. Маккензи, Р. Брубейкера, Ф. Купера о преувеличении значения проблем идентификации не ослабили стремление к их исследованию.

За ростом научного интереса стоит общественная потребность, которую С. Хантингтон выразил в формуле «Народы хотят самоопределиться, кто мы, куда идем?». Идентификационные процессы могут серьезно влиять на внешнюю и внутреннюю политику.

В современном мире усиливается взаимозависимость идентификационных процессов. Особенно наглядно значение идентификации как политического фактора показали процессы 1980-2000 гг. в Европе, США, СССР и на постсоветском пространстве. Свое влияние оказала информационная революция, появление универсального неконтролируемого коммуникативного пространства. Исследователи отмечают, что процесс глобализации приводит к возвышению таких факторов как самосознание людей, их самоидентификация, стремление к самоопределению и самоорганизации и т.д. Сложные, приобретающие глобальный характер идентификационные процессы внутри сообществ, в мировом пространстве, в отношениях США и Европы, НАТО и России, России и Евросоюза, США с КНР и Индией дают весомые основания для подобных выводов.

Для России, восстанавливающей активную роль во всех этих процессах, необходима выработка политической стратегии, учитывающей, как в глобальных процессах переплетаются внутреннее и внешнее аспекты идентификации, взаимодействуют этнические, гражданские, национально-государственные идентичности россиян с космополитическими идентично-

стями. По-прежнему актуальна проблема оптимизации политического участия, приемлемого уровня политической активности, завышение или значительное снижение которого угрожает потерей национально-государственной идентичности и эффективности политического управления.

В этой связи мы рады представить теоретические и прикладные исследования посвященные проблемам политической идентификации, дефиниции которой требуют уточнения, конкретизации для возможности операционализации, что в частности мы и попытались представить в работе под заголовком *Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации)*.

Несомненно, вопрос идентификации нового поколения лежит через плоскость образовательной политики и идентификации учащейся молодежи, свое видение конструирования идентичности в образовательном процессе представила *М.Ю. Мартынова*. Автор не склонен идеализировать современное российское образование, однако показывает, что оно остается важнейшим ресурсом формирования идентичностей у подрастающего поколения.

В настоящее время среди ученых идут острые дискуссии о природе формирования идентичностей и особенно коллективных идентичностей у россиян, в этом отношении на страницах журнала нашли место две принципиально важные работы *Т.А. Яшковой* и *П.Л. Крупкина* обсуждающие их природу и генезис. Как известно в конце 1990-х гг. российской общество ускоренно модернизировалась, ожидалось, что в процессах трансформации важную роль будет играть гражданское общество. Важный вопрос о ценностях гражданского общества и особенностях, в которых оно формируется, ставит *А.Г. Караткевич*.

Важной составляющей современной политики и общества является коммуникация и вопросы демократического переустройства, чему и посвящены исследования *Ф.И. Шаркова, З.В. Ивановского* и *М. Рачвал*.

Мы благодарны коллегам, которые поддержали идею темы номера журнала. Мы рады представить работы ученых из различных исследовательских центров.

Главный редактор
Шумилов Андрей Владимирович
кандидат политических наук

Председатель Редколлегии
Капицын Владимир Михайлович
доктор политических наук

ТЕМА НОМЕРА

В.М. Капицын

M. Kapitsyn

ИДЕНТИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ, СОСТАВ, ДИНАМИКА (ДИСКУРС И ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ)

IDENTITY: ESSENCE, STRUCTURE, DYNAMICS (DISCOURSE AND EXPERIENCE VISUALIZATION)

Аннотация

Автор использовал идентификационный метод, преодолевающий противоречие научного реализма и социологического конструктивизма, показал архитектонику «объединяющей» национально-государственной идентичности. В качестве её составляющих он выделяет «частичные» идентичности и их конфигурации – социальную и политическую. Социальная конфигурация включает «горизонтальные» идентичности повседневной жизни, мотивирующие людей на образы и ценности территориальности, телесности, духовности, агентности. Политическая идентичность отражает ценности представления и защиты интересов и прав; отсюда мотивации на процедуры и способы представления – индивидуальные, коллективные, государственные, интернациональные. На этой основе складываются «объединяющие» идентичности (национально-государственные и исторические). Автор выделяет ситуации, когда «частичные» идентичности под внешним влиянием порождают контр-идентичности, выступающие в виде альтернатив, разрушающих «объединяющие» идентичности. Одним из важных результатов исследования является визуализация, позволяющая наглядно объяснять такое явление как кризис национально-государственной идентичности.

Ключевые слова:

«частичные» идентичности, «объединяющие» идентичности, национально-государственная идентичность, историческая идентичность, контр-идентичности, визуализация.

Abstract

The author used the identificational method, overcoming the contradiction of scientific realism and sociological constructivism, showed architectonics «unifying» national-state identity. As it allocates its components «partial» identity and their configurations are social and political. Social configuration includes «horizontal» sameness of everyday life, motivating people on the image and values of territoriality, corporeality, spirituality, and agency. Political identity reflects the values represent the interests and rights of their protection, hence the motivation on the procedure and the method of presentation - individual, collective, national, international. On this basis develop a «unifying» identity (national-state and historical). The author distinguishes the «partial» identity under external influence generate counter-identity, bent in the form of alternatives, that destroy «unifying» identity. One important outcome of the study is visualization that allows to demonstrate manifestations of such phenomena as the crises of the national-state identity.

Key words:

«partial» identity, «unifying» identity, national-state identity, historical identity, counter-identity, visualization.

Об актуальности проблем идентичности в политическом процессе и их связи с состоятельностью государств свидетельствуют масштабные изменения современных политических режимов и государственных границ, рост сепаратистских настроений в разных странах. Идентификационные флуктуации выливаются в революции (Тунис, Египет), гражданские войны (Сирия), расколы (Крым и Юго-Восток Украины), изменения в Британии (самоопределение Шотландии) и Испании (самоопределение Каталонии), регионализм и сепаратизм во Франции (Корсика), Италии (северные области, Венето), Канаде (Квебек), КНР (Синьцзян, Тибет). Это далеко не полный перечень, но и он свидетельствует, что проблемы идентичности, особенно региональной и этнической, стали одними из самых острых в конце XX–начале XXI в.

Цель статьи – выявить сущность и динамику различных «частичных» идентичностей, которые могут «вплетаться» в «объединяющие» идентичности, например, национально-государственную и историческую, а могут поддерживать «разъединяющий» дискурс, способствуя расколу сообществ (наций). Показ их соотношения и динамики позволяет характеризовать состоятельность государства, возможности мобилизации граждан на поддержку государственного режима или, наоборот, на разрушение последнего.

Применяется идентификационный метод, разрабатываемый автором на основе трудов Э. Эриксона, Г. Тэджфела, И. Гоффмана, Дж. Мида, Ч. Кули, Б. Андерсона, З. Баумана, Э. Гидденса, И. Гофмана, П. Бергера, Т. Лукмана, А. Турена, Л.М. Дробижевой, И.С. Семененко, В.В. Лапкина, Ю.С. Пивоварова, С.П. Перегудова, Л.В. Сморгунова, В.А. Тишкова, Е.Б. Шестопал, В.А. Ядова и др. Идентификационный метод строится на примирении научного реализма и конструктивизма. В связи с этим автор, отдавая дань конструктивизму, включил в свой идентификационный метод схематическую визуализацию взаимосвязи «частичных» и «объединяющих» идентичностей. В то же время, отмечается влияние научного реализма (примордиализма, эссенциализма): «частичные» идентичности выявляются при анализе повседневных жизненных сфер.

Выдвигаемая гипотеза: люди в восприятии себя, общества, всего мира выстраивают универсальный набор «частичных» идентичностей,

который можно выявить аналитическим путём, обращаясь к повседневности. Однако, содержание этих идентичностей, их баланс или доминирование одних по отношению к другим у разных этносов и наций существенно различается. Отсюда уникальность «объединяющих» национальных идентичностей того или иного народа (государства). Это отражает также конструктивистское воздействие идеологов, политиков, политтехнологов.

С помощью схем это визуализируется, в том числе, взаимозависимость состояний «объединяющей» идентичности и состоятельности (целостности) государства. Идентичности тесно связаны с визуализацией (образами, схемами). Визуальные образы и символы в настоящее время все более доминируют в разных дискурсах [6, с. 125]. В этом направлении автор вёл исследование, опираясь, в том числе, на положения К. Шмитта, А. Шютца, Т. Лукмана, Э. Гидденса, Э. Дж. Нэтла, Х. Линца, А. Степана, Ю. Хабермаса, Д. Смита, Д.Н. Замятина, М.В. Ильина, Ю.Л. Качанова, О.Ю. Малиновой и др.

Споры об идентичностях

Вокруг понятия идентичности много споров. Этому немало причин. Гносеологическая причина отражает сложность постижения сущности через его явления. Идентичности – труднопостигаемое явление, сопровождающее всю нашу жизнь. Есть и логико-лингвистическая причина: разные подходы к объёму и содержанию понятия, проявлений идентичностей. Авторы словаря терминов и понятий идентичности дают более 40 определений и сочетаний с данным словом [13]. Множество сочетаний со словом «идентичность» приводится в работах Э.Г. Эриксона [18]. Кроме того есть и транзитологическая причина: идентичности соотносятся с социальными изменениями [20].

Отметим теоретические споры реалистов и конструктивистов. Постижение сущности, сходств и различий явлений с помощью терминов и понятий сопровождает переход от доксы к дискурсу. Другими словами, переход от не тематизированного опыта повседневности как части действительности – к артикуляции знания в социокультурном контексте и конструкциям объяснения. Реалисты (примордиалисты, эссенциалисты) [26, с. 36] считают, что идентичности являются манифестацией ценностей, выражающих состояния, тесно связанные с происхождением и ду-

хом того или иного народа. Термины теории идентичности должны передавать значения реально существующих объектов повседневной жизни. Конструктивизм исходит из «множественности» и «текучести» идентичностей, возможности конструировать идентичности, как это необходимо тем или иным субъектам [21, с. 188]. Положения реализма и конструктивизма могут быть положены в основания визуализации как сопровождения исследования идентичностей.

Спор этот затрагивает корень проблемы. При самом простом определении, идентичность человека – состояние, когда он из числа нескольких ценностных образцов (норма, «значимый другой») выделяет тот, ориентируясь на который, чувствует себя на «своём месте», «в ладу с самим собой» или находится на пути к этому. Так он относит себя к определённой группе, территориальному и культурному сообществу, одновременно отличая свое сообщество от других.

Такое состояние не может быть устойчивым и полным. Меняется мир и человек (этнос, народ), а, значит, изменяется и восприятие им себя и мира. Но человек, а тем более этнос, народ (нация), не могут полностью измениться и «отринуть» свои ценности. Становление идентичностей напоминает волновые колебания ментальности: от повседневности («почвы», «земли») к вечности («идее», «небу») и обратно. Людям необходимо сохранять ценностные образцы. Этот процесс особенно труден для молодежи. Изменяясь телесно, духовно, социально, молодые люди испытывают «кризис идентичности», т.е. теряют и мучительно ищут подходящие образцы как ориентиры развития, когда «мир детства сменяется идеологической вселенной» (Э.Г. Эриксон).

Что же такое идентичность? Э.Г. Эриксон выделяет такие её измерения: 1) оценка человеком (социальной группой) своего притязания на равенство с другими людьми (группами); 2) признание другими людьми («значимым другим») его равенство (неравенство); 3) осознание целостности («неразорванности») своей биографии, т.е. биографической памяти [19]. Ч. Кули, Дж. Мид, И. Гофман показали также, как само «Я» (человек, индивид) воспринимает свою же самооценку, с одной стороны, и признание (оценку) другими людьми притязаний «Я», с другой. Все эти оценки отражают потребности человека в установлении идентичности, а значит, степеней свободы (зависимости) и равенства (иерархии), доверия, безопасности, а в целом, признания своего достоин-

ства. Для чего и формируется нарратив – связный «рассказ» (история жизни), включаемый в контекст общего нарратива сообщества. Нарратив мотивирует мысли и действия человека и сообщества. Исторический нарратив – важнейшая, в том числе, образная и символическая, составляющая «объединяющей» идентичности.

Визуализация «частичных» идентичностей

Идентичности человека могут более успешно исследоваться благодаря стремлению преодолеть дихотомию «реализм – конструктивизм» [8, с. 119]. Для этого создадим модель визуализации (совокупность схем), сближающую два подхода. Модель показывает выделение «частичных» идентичностей, группировку их в двух конфигурациях: а) социальной – восприятия повседневности, например, языка, религии, культуры; б) политической – конструирование идентичностей гражданства, государственности. Модель, благодаря выделению знаков и символов, обозначает кодирующие ценности и смыслы, вкладываемые в идентичности. Деление на «частичные» и «объединяющие» идентичности просматривается в определении М.-К. Понторо: «Национальная идентичность основывается, с одной стороны, на объективных факторах, таких как язык, религия, культура, этническая группа, и, с другой, на субъективных факторах, в частности, на чувстве принадлежности, сопричастности и соотносится с гражданством, суверенитетом и государст-

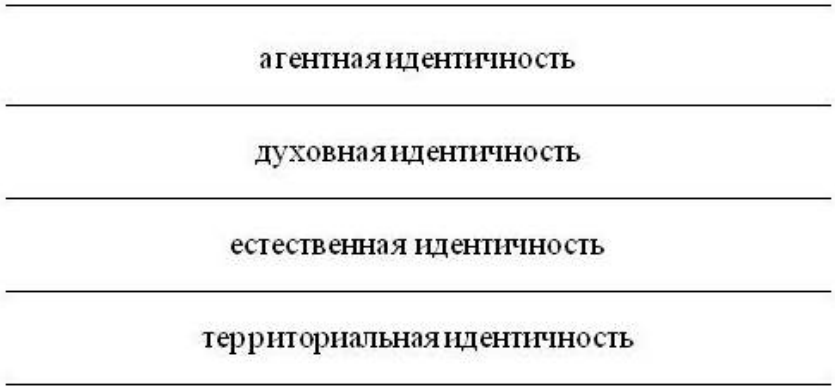


Рис. 1. «Горизонтальные» идентичности, формирующие социальную идентичность

венностью» [14, с. 147]. Интересен и труд К. Шмитта, рассмотревшего локализацию и порядок в «номосе земли» [16, с. 47-48].

Для визуализации «частичных» идентичностей используем образы «горизонтального» и «вертикального». «Горизонтальная» конфигурация (социальная идентичность) (рис. 1) включает элементы повседневного сознания людей и локальных сообществ. Это утверждение релевантно положениям П. Бергера и Т. Лукмана о создании идентичностей, благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, а также о взаимовлиянии процесса формирования идентичностей и социальной структуры [3, с. 279]. К таким идентичностям относятся: территориальная (природная), естественная (телесная), духовная (культурная), агентная (профессиональная). Территориальная выражается в ментальности людей через социально-географические образы (климат, ландшафт, пути сообщения), закрепляет ценности транспортной доступности и безопасности, природного своеобразия. Естественная идентичность проявляется в кухне (продукты, гастрономическая идентичность), жилье, быте, родительской и супружеской семье, телесности и здравоохранении (ценности: здоровье, любовь и взаимоуважение супругов, детей и родителей, соседство). Духовная идентичность выражена в почитании сакральных начал, образов учителя, школы, книги, музея (ценности – святыни религии, память о героях, история, знание). Агентная коренится в экономической жизнеспособности населения: народных промыслах, местной экономике, трудовых коллективах (ценности – трудолюбие, мастерство, соревнование).

Социальная идентичность отражает сети «горизонтальных» связей, скрепляющих общество. Эти образы и ценности через социальную идентичность включаются в «объединяющую» идентичность. Например, не может быть социальной и национально-государственной идентичности России без образов её пространных и самобытных территорий с неповторимыми ландшафтами, полями, лесами, реками. В поддержании территориальной, а вместе с ней и национально-государственной идентичности США важную роль сыграли скоростные хайвеи (носят имя президента Эйзенхауэра); они связывают всю страну и влияют на характер американцев [2, с. 30-43]. Также естественная и духовная идентичности зиждутся на образах и ценностях, создаваемых в семьях, школах, церк-

ви, СМИ, проводящих работу с детьми и родителями. На формирование агентной идентичности помимо семьи и школы влияли предприятия.

Но эти институты и идентичности не обходятся без взаимодействия с другой группой «частичных» идентичностей – «вертикальных». Как возникают «вертикальные» идентичности? Они интернализируют в сознание людей в виде образов и ценностей способы представления и защиты интересов и прав, каналы влияния на власть; через них «горизонтальные» идентичности выходят в область политики. Почему возникают эти «вертикали»? Ведь далеко не все люди стремятся идти в политику; большинство предпочитает спокойную повседневную жизнь. Тем более, люди разъединены «частоколом» частных интересов; это трудно преодолеть, чтобы начать политические действия. Но, если в повседневности ухудшается транспорт, экология, коммунальные услуги, медобслуживание, образование, трудоустройство и т.д., то люди, выходя за пределы повседневности, защищают нарушенные права. Социальная идентичность, не «удерживаясь» в рамках повседневности, выходит в область взаимодействия интересов (политическую жизнь), где функционируют вертикальные» идентичности с соответствующими ценностями и символами.

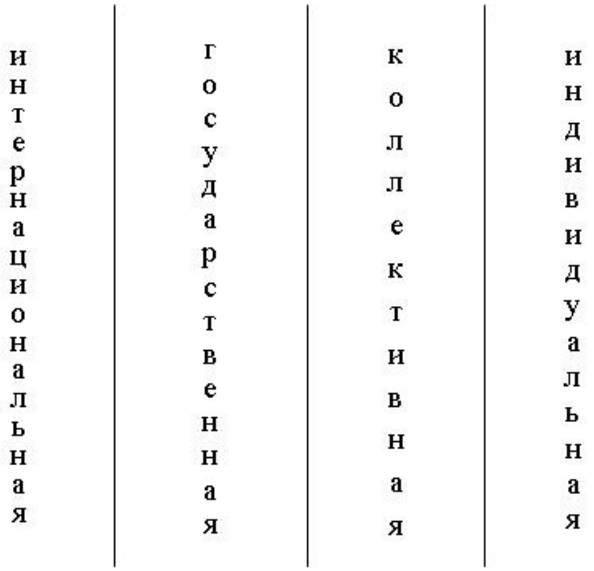


Рис. 2. «Вертикальные» идентичности, объединяемые в политической идентичности

Так воспроизводятся представления и навыки, как действовать, представляя и защищая свои права и интересы. Формируя способы представления своих претензий, люди действуют лично (индивидуально), а также путём объединения усилий индивидов и групп. Кроме того, обращаются за помощью к государству (главе государства, депутату, полиции, суду, трудовой инспекции и т.д.) и мировому сообществу (международным организациям). Каждый из таких способов формирует соответствующие образы, ценности, а соответственно, «вертикальные» идентичности – индивидуальные, коллективные (групповые), государственные, интернациональные. Они же объединяются в политической конфигурации (рис. 2).

С индивидуальной идентичностью (ценности – «свобода», «самостоятельность») человек (гражданин) осознаёт свои личные интересы и права, самостоятельно и мотивированно защищает их. Коллективная идентичность (ценности – «солидарность», «организованность») помогает защищать интересы с помощью общественных объединений. Государственная идентичность (ценности –равенство прав, национальная безопасность) обозначает защиту мирной жизни соотечественников, социальное обеспечение, служение национальным интересам. Данную «частичную» идентичность в представленной модели не надо отождествлять с «объединяющей» национально-государственной: она представляет властную «вертикаль», монополию на легитимное насилие и в ряде моментов расходится с «объединяющей» идентичностью. Интернациональная идентичность (ценности – международное сотрудничество, невмешательство во внутренние дела государств) предполагает поддержание определённого баланса сил и интересов разных государств, защиту мира, прав человека и народов с помощью международного сообщества.

«Объединяющая» идентичность

и н т	э г	с о	п р
агентная идентичность			
е р н	а л	л и	и в
духовная идентичность			
а ц и о	и т	д а	а
естественная идентичность			
н а л	а р	р и	т и
территориальная идентичность			
и з м	и з	з м	з м

Рис. 3. «Объединяющая» национально-государственная идентичность

Модель визуализации показывает соединение «частичных» идентичностей в «объединяющей» идентичности (рис. 3). Взаимодействие социальной и политической конфигураций «частичных» идентичностей ведёт к формированию консолидирующих «полей» национально-государственной идентичности – идентификации граждан с государственной властью, её институтами и символами (граница, армия, глава государства, гимн, герб, флаг и т.д.). Государство проводит политику идентичности, чтобы эти составляющие сближались, т.к. их сильное расхождение ведёт к кризису «объединяющей» идентичности и расколу нации.

К модели визуализации применима метафора: «объединяющая» идентичность «соткана» как «полотно». В нем «нити» («частичные» идентичности) сплетаются перпендикулярно друг другу: одни – «гори-

зонтально» (социальная конфигурация); другие – «вертикально» (политическая конфигурация). «Полотно» – национально-государственная идентичность – имеет неповторимый «узор», кодирующий ценности народа, воспроизводимые в системе символов. Применима также метафора «матрицы», с помощью которой «сканируются» и размножаются копии, внедряемые в сознание и подсознание людей.

Формирование и поддержание «объединяющей» идентичности в масштабах государства – работа эпохальная и постоянная. Сменяются поколения, и, если, в обществе не выстроена адекватная система трансляции исторической памяти, то в сознании молодёжи она может стереться. Отдельные люди могут терять свою индивидуальную идентичность, (личный нарратив), а вместе с ним имя, связи, друзей, семью, родину. Это обыгрывается в известном фильме «Идентификация Борна», где герой пытается восстановить память, искусственно «стёртую» секретными службами. Сделать что-то подобное с народом гораздо труднее. Однако, население целых регионов и даже наций становится объектом манипуляций с исторической памятью. Бывает, что часть народа чтит одну память, а часть – совсем другую, и в стране нет общего национального нарратива, что чревато несостоятельностью государства, экстремизмом и сепаратизмом. В Ливии в 2012 г. и в Сирии в 2011-2014 гг. шли даже кровопролитные гражданские войны.

На «объединяющую» идентичность влияют конструктивистские программы идеологов и политтехнологов, но она зависит и от примордиальных начал – «горизонтальных» идентичностей, запечатлённых в ментальности народа. Это подтверждает опыт взаимодействия идентичностей иммигрантов и принимающих сообществ. Переезжая из одного государства в другое, иммигранты «примеряют» на себя идентичности принимающего сообщества. Последние значительно отличаются от их прирожденных идентичностей, т.к. различны территория, природа, быт, семейные отношения, язык, культура, экономика. Чем больше люди жили с прежними идентичностями, тем труднее им принимать новые идентичности. Чаще иммигранты обретают «двойную идентичность»: публично стремятся соответствовать новым идентичностям, а «дома» переключается на прирождённые «частичные» идентичности (родной язык, пища, обряды, семейные отношения). Диаспоры могут поддерживать «двойную» идентичность, а могут вести к доминированию прежних

идентичностей и подрывать новую «объединяющую» идентичность, что во многом зависит от культурной дистанции и политики идентичности государств «исхода» и «приема».

Привитие иммигрантам новой национально-государственной идентичности – насущная проблема принимающих государств. Это – нелёгкая задача, особенно если иммигрантов много, тем более, когда они проживают компактно. Прирождённые «частичные» идентичности сопротивляется «растворению» в новой среде [22, с. 209]. Часть иммигрантов во втором и третьем поколении начинают враждовать с новой «объединяющей» идентичностью. Известны бунты детей и внуков бывших иммигрантов в Париже, Лондоне, Стокгольме. С другой стороны, в эмиграции из восточноевропейских стран в страны ЕС наблюдается тенденция реэмиграции. Например, в Польше, где после 2004 г. около 700 тыс. поляков выезжало в Великобританию; более 25% молодых поляков (в возрасте 25–34 года) работало за границей в основном в странах ЕС. Среди тех из них, кто возвращается в Польшу, сильны настроения реэмиграции в Великобританию [25, с. 27-28]. Культурная дистанция поляков и британцев менее значительна, чем у арабов и французов.

«Объединяющая» национально-государственная идентичность – понятие многомерное, захватывающее содержание понятий «историческая», «имперская» идентичности, «гражданство», «патриотизм», «национализм». Она имеет непосредственное отношение к целостности общества и состоятельности государства. Люди создают «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон) и «репертуар идентичностей» (Э.Г. Эриксон), т.е. находят общие образы, символы, ценности и смыслы, а также поддерживают воспроизводящие их институты. Людей объединяют представления об общей территории, преемственности поколений, традициях, культуре, законах. Эти представления закрепляются символами (образами) общности. Большинство граждан не встречается, не знает ничего друг о друге, но «в умах каждого из них живёт образ их общности» [1, с. 31]. Никто не видел России в целом, но карта, символы дорог, городов дают образ единой страны.

Такие «образы общности» реально влияют на отношение людей к государ-ственной политике. Социологи Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в 2006 г. по результатам мегаопросов в России показали влияние образа общности на территориальную целостность государства, когда

эта целостность осознаётся людьми как ценность [12]. С «образом общности» связаны национальные интересы. В марте 2014 г. совместный мегаопрос ФОМ и ВЦИОМ зафиксировал высокий уровень поддержки россиянами присоединения Крыма к России (91,4%), как отвечающего национальным интересам [15, с. 10]. В Крыму проявилась устойчивая идентичность, основанная на приверженности ценностям русского языка и культуры, российской государственности, сохранения военно-морского флота России [10]. 16 марта 2014 г. на общекрымском референдуме население полуострова проголосовало за воссоединение Крыма с Россией («за» – 96,77% из всех проголосовавших; голосовало 83,1% зарегистрированных избирателей Крыма).

Историческая идентичность

«Объединяющая» идентичность предполагает анализ исторической идентичности. Люди на совместно обжитой территории создавали религиозные и светские ценности, язык общения, обретающий статус государственного. Это помогало представлять контингентные взаимодействия множества людей как относительно однородное общество, имеющее свои национальные символы. Были государства, в которых такой процесс проходил по-особому в силу слабой связи территориальных частей, большей разнородности культуры этносов, что обусловливало специфику идеологии. Тогда вместо или наряду с национальным государством формировалась империя. Консолидация множества этносов требовала закрепления имперской (наднациональной) идентичности.

В империи появлялись символы возвышения народа, облеченного миссией покровительства по отношению к этнически разнородному населению территорий, куда распространялось идейно-политическое, военное, экономическое влияние центра. Так Французская республика в ходе войн Наполеона Бонапарта несла свои идеи в Европу, что усилило её притязание на статус империи. Формирование национального государства в Англии переросло в становление идентичности морской колониальной империи, в пределах которой «не заходило солнце». Появился гимн «Правь, Британия, морями»; в начале XX в. дредноут стал её символом, а королевский флот – частью самой британской идентичночти [24, с. 101]. В Германии имперская идентичность слагалась на основе традиций Священной Римской империи германской нации, унификации

языка, доминирования Пруссии, образов успешных государственных деятелей как символов служения национальным интересам (фельдмаршал Мольтке, канцлер Бисмарк).

Обсуждаемая нами выше модель визуализации подводит к характеристике некоторых произведений искусства, воспроизводящих «ось» исторической идентичности. Памятник 1000-летия государственности в Великом Новгороде – это сама по себе модель визуализации исторической идентичности, кодировки триады идей российской империи «Православие. Самодержавие. Народность». Возможна и современная интерпретация в терминах исторической идентичности. Изваян памятник в виде большого колокола. Колокол сам по себе – исторический символ повседневности (новгородское вече, приход, солидарная борьба с бедой – пожаром, нападением врага). Это – общий образ. В трехъярусном символьном комплексе повседневность, её «горизонтальные» идентичности представлены в нижнем ярусе множеством фигур представителей сословий и народов России. «Вертикальные» идентичности отражены в среднем и верхнем ярусах, где фигуры государственных и общественных деятелей (писателей, полководцев, патриархов, царей) на фоне шара-державы олицетворяют шесть выдающихся событий в истории государства. В верхнем ярусе ангел, поддерживающий крест, и коленопреклонённая женщина – образы, завершающие визуализацию исторической идентичности.

Историческая идентичность многих государств аккумулирует память о войнах, особенно за объединение, независимость, свободу, веру. Это выражает проявление в истории «вертикальных» идентичностей. Войны рождали героев, показывали коллективную связь населения с «землей» и государством, что укрепляло «объединяющую» идентичность в большей степени, чем другая деятельность. И не только триумфы имели значение для исторической идентичности. Э. Ренан не случайно писал: «Скорбь имеет большее значение для национальной памяти, чем триумф; она накладывает обязательства; она требует коллективных усилий» [17, с. 19]. Например, для австралийцев память об участии в Первой мировой войне, особенно в затяжном противостоянии австралийско-новозеландского корпуса (АНЗАК) с турками, способствовала формированию нации. Сражение началось 25 апреля 1915 г., когда бойцы АНЗАК высадились на участке побережья полуострова Галлиполи перед высотами, занятыми турецкими

частями. Более 8 месяцев АНЗАК вел здесь мужественную борьбу; остатки корпуса были эвакуированы в Грецию. Это – «осевое» событие для исторической идентичности Австралии.

Знаменательно это сражение и для турок. Ими тогда командовал полковник Мустафа Кемаль. Он стал потом президентом Турции, получил имя Ататюрк – символ исторической идентичности. 25 апреля каждый год турки отмечают героев сражений на этом полуострове. И тысячи австралийцев приезжают сюда к мемориалам героев, подкрепляя тем самым свою историческую идентичность. Как сказал один австралиец: «Отец моей бабушки воевал здесь. Для меня важно быть здесь, понимать, где солдаты АНЗАК высадились. Я считаю честью и своим долгом почтить память погибших…» [5, с. 35].

Историческая идентичность закрепляется в символах и ценностях нации, поддерживая целостность общества и состоятельность государства. Решение такой проблемы означает сближение эссенциализма и «эпохализма» [23]. Нации опираются на свой исторический нарратив, построенный на образах своих героев. И люди, задавая вопрос: «кто мы?», «откуда пошли?», находят весомый ответ. Это было важно и для старых наций и для новых, формировавшихся после Первой мировой войны с распадом Австро-Венгрии и России. После Второй мировой войны с распадом колониальных империй появилось 50 новых независимых государств. Позже, с распадом СССР и Югославии, разделением Чехословакии образовалось ещё 23 государства; кроме них возникло ещё 5 национально-территориальных образований, непризнанных или частично признанных как независимые. Новые государства искали национальные истоки в истории, создавали для этого новые мифы. Например, в Казахстане говорят о предках, начиная с Чингисхана, а в Узбекистане – с Тимура.

Историческая идентичность предполагает наличие устойчивого ценностного «ядра»; содержание его передаётся, прежде всего, понятием «патриотизм». Есть удачное определение у Гегеля: «патриотизм – это такое умонастроение, готовность отдать свое достояние и жизнь ради целого в народе тем более, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия он испытывает к государству» [4, с. 70]. Гегель отмечает две составляющих патриотизма – политическую («доверие к государству») и социальную («ради целого в народе» – любовь к своей

культуре, земле, родине). Он подводит исследователей к выделению патриотизма как ценностного «ядра» национальной идентичности [11, с. 38–40]. «Ядро» исторической идентичности с консолидирующими «полями» идентичностей (рис. 4).

Рис. 4. Ценностное «ядро» (консолидирующие «поля») исторической идентичности

Рассмотрим «частичные» идентичности, отнесённые к этому «ядру» (рис. 4). Естественная идентичность включена в «ядро», исходя из того, что патриотизм воспитывается, прежде всего, в семье. Недаром говорят о «семейном» и «женском» патриотизме – преданности отцов и особенно матерей государству, которое помогает растить и образовывать детей. Говоря о включении в «ядро» духовной идентичности, отметим значение воспитания патриотизма в школе. Молва приписывает Бисмарку слова, что франко-прусскую войну выиграл прусский учитель. Даже если это говорил не Бисмарк, а другой человек, тем не менее, это означает, что мы имеем дело с легендой, интересной для понимания ис-

торической идентичности. Во-первых, эти слова общая память вложила в уста легендарной личности, способствуя закреплению «объединяющего» мифа. Во-вторых, это – свидетельство реального значения школы: победа в войне была достигнута во многом благодаря патриотизму, воспитанному прусской гимназической системой, охватившей большинство детей и молодёжи.

«Вертикальные» частичные идентичности «коллективизм», «солидарность», «эгалитаризм», «державность» включёны в это «ядро», поскольку отражают значение общих усилий (коллективных и государственных) соотечественников, равенства их относительно тягот по охране национальных интересов, самопожертвования в защите своей земли, поддержании целостности государства. Особую роль в формировании патриотизма и исторической идентичности России играл институт ратной деятельности: службы в армии в разных её видах (стрелецкой, рекрутской, основанной на всеобщей воинской обязанности), реестрового казачества и офицерства. А также такие проявления солидарности и державности как народные ополчения – наборы в ратные дружины из дворян, крестьян, мещан. Известны в России первое и особенно второе ополчения 1612–1613 гг. (в честь последнего учреждён государственный праздник 4 ноября). Мужество и самопожертвование проявляли ополченцы в Крымской войне 1853–1854 гг., Отечественной войне 1812 г., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Патриотизм в СССР и России со второй половины 1980-х подвергался сильной диффамации в либерально-демократическом дискурсе. Тогда параллельно в союзных республиках СССР усилился свой негативистский патриотизм, принявший форму этно-национализма, направленного против СССР и России. В 1990-е гг. эти процессы продолжались. С 2000 г. в России началась системная работа по восстановлению патриотизма как ценностного «ядра» исторической идентичности. Важнейшую роль играют символьные комплексы. Были утверждены государственные символы (гимн, герб, флаг), приняты программы воспитания патриотизма и популяризации государственных символов в школах, библиотеках, СМИ, укрепления позитивных образов России и её регионов в общественном сознании. Возобновились парады на Красной площади в День Победы. Оформлен масштабный символьный комплекс Победы на Поклонной горе в Москве, в том числе, комплекс, компенсирующий сим-

вольные потери после взрыва Мемориала Славы в 2009 г. в Кутаиси (Грузия). В России проводилась корректировка националистических настроений; пресекались попытки посеять национальную рознь.

«Объединяющая» идентичность и контр-идентичности

Приведённая модель визуализации «объединяющей» идентичности помогает выявить и другие сложные конфигурации «частичных» идентичностей. Рассмотрим взаимодействие их с «внешними» (инокультурными) идентичностями (космополитическими, транснациональными, универсалистскими и т.д.). Могут образовываться конфигурации «внутренних» и «внешних» идентичностей, разрушающие «объединяющую» идентичность, а вместе с ней управляемость в обществе.

Такие конфигурации мы назвали негативными контридентичностями. Как они формируются? Во-первых, в результате принятия зарубежного реального мира в качестве «значимого другого». Во-вторых, этот желанный мир запечатлевается в сознания людей (группы, слоя) как реально достижимый и воплощаемый «здесь» (на отечественной почве) за возможно более короткое время. В-третьих, этот мир представляется как неизбежная альтернатива отечественному порядку. Если отвлечься от чисто организационных и технических моментов, то усиление таких контр-идентичностей – основа технологий, разрушающих «объединяющую» идентичность [7, с. 78–80]. На этой парадигме построен механизм «цветных» революций, как его сконструировал Джин Шарп [23].

Технические моменты только усиливают процесс принятия альтернативных контр-идентичностей, отрываемых от реальности. Легитимация и институционализация таких изменений в восприятии мира открывает «ящик Пандоры» – конструирование контр-идентичностей вне связи с реальным контекстом. Такое состояние, названное альтернацией [3, с. 257–258], «захватывает» часть населения, верящее, что для лучшей жизни, как на Западе, необходима альтернатива существующему строю, для чего достаточно «развалить» свои государственные институты. Этим людям очень трудно объяснить, что на самом деле желаемый альтернативный порядок остаётся безмерно далёк от воплощения, что в ряде развивающихся стран невозможно быстрое движение к американской или западноевропейской демократии и соответствующему уровню

жизни. И велика цена даже начала такого транзита – это отказ от ряда темпоральных отечественных ценностей.

Общество, осуществляющее такую болезненную трансформацию, идёт к «сдвигу сознания», когда начинается частичная институционализация набора контр-идентичностей, и зависает в «подвешенном» идентификационном состоянии. Это чревато срывами модернизации, которые не могут страховать даже мощные акторы, ранее усиленно внедрявшие такие контр-идентичности в обществах социального транзита.

Наблюдаются даже состояния, когда формальная и неформальная институционализация альтернатив на основе контр-идентичностей приводит к вражде регионов и элит несостоятельного государства (Сербия, Молдавия, Грузия, Украина, Ливия, Сирия). В некоторых регионах в качестве общего нарратива населению (народу, этносу) вместо их исторического нарратива предлагалась альтернативная историческая память. Так было с сербами, жившими в Косово и Метохии, а также с русскоязычным населением Приднестровья и Крыма. Антиконституционный переворот в Украине 22 февраля 2014 г. создал угрозу насильственной реконструкции исторического нарратива крымчан со стороны радикальных сил.

Перечисленное, с одной стороны, подтверждает значение этноса и территории в формировании «частичных» идентичностей, идёт в унисон с утверждением примордиалистов (эссенциалистов). С другой, в качестве «частичных» идентичностей могут выступать ролевые идентичности – конструкты искусственно встраиваемые в восприятие реальности. Для этого используются образы, символы, мифы, тиражируемые с помощью митингов, фильмов, СМИ, рекламы. Контр-идентичности как политико-мифологические построения включаются в дискурс и программы, корректируют исторический нарратив (long narratives). При широком их распространении «институциональный порядок в целом принимает характер сети взаимных манипуляций» [3, с. 278], что облегчает противопоставление «частичных» идентичностей («горизонтальных» и «вертикальных») «объединяющим» идентичностям конкретного общества.

В СССР с середины 1980-х гг., а далее и в России с начала 1990-х гг. существенные ошибки государственной политики прямо способствовали формированию таких контр-идентичностей. Россия сталкивалась с острым кризисом «объединяющей» идентичности. «Волны» сепаратизма прошли по территориям страны. Так, с развалом СССР в сознании части

чеченцев возник сильный кризис «объединяющей» российской идентичности, чем воспользовались местные экстремисты, сепаратисты, международный терроризм. Сепаратизм проявился и в ряде других регионов России. Возник также осетино-ингушский конфликт территориальных идентичностей. Похожий конфликт возник перед развалом СССР, когда крымские татары вернулись в Крым, а российские немцы в Поволжье. Сейчас в некоторых регионах России конфликты идентичностей проявляются в недовольстве принимающего населения мигрантами, противостоянии молодёжных групп националистов и мигрантов, акциях Движения против незаконной миграции, в том числе, выступлениях на Манежной площади (2011 г.), в Бирюлёво (2013 г.). Происходили и менее масштабные социальные столкновения в Кандопоге, Сагре, Пугачеве и других местах.

Приведём примеры контр-идентичностей, разрушительных для «объединяющей» идентичности России. Некоторые государственные деятели и идеологи США заявляли, что несправедливо, когда одна страна владеет Сибирью, и что для России не страшно терять некоторые территории. Появляется дискурс о независимости Сибири; кое-где даже проводятся тренинги по образованию Сибирской республики. Так пытаются формировать территориальную идентичность как основу региональной контр-идентичности, подрывающую состоятельность государства. Или в качестве универсальной ценности ПАСЕ представляет отказ от представлений о родителях («отце» и «матери»), якобы, ведущих к гендерной дискриминации, ущемлению статуса гомосексуальных семей, их права усыновлять и воспитывать детей. России также в ПАСЕ рекомендовали разрешить гейпарады и регистрацию гомосексуальных пар. Но это разрушительно влияет на такую «ось» телесной идентичности как стремление рожать и воспитать детей, т.е. формировать их как биологически и этически связанных со своими родителями. Внедряется ряд процедур ювенальной юстиции, касающихся прав родителей и детей в семье, что также приходит в столкновение с традициями России. С такими влияниями коррелирует снижение брачности, низкая рождаемость, рост разводов. В сочетании с большим притоком инонациональной иммиграции (при всей её необходимости) это способствует усилению контр-идентичностей.

Другая рекомендация ПАСЕ касается таких идентичностей, как духовная и государственная. Рекомендуют отказаться от праздников (вы-

ходит, также и памятников), прославляющих советское («тоталитарное») прошлое*. Так получается, что под вопрос ставятся чествование героев Великой Отечественной войны, трудовых успехов индустриализации и восстановления народного хозяйства после войны, а, следовательно, важные элементы исторической идентичности народов России. В этом направлении действуют также девальвация ценности национально-государственного гражданства, фиктивные браки с иностранцами.

На разрушение агентной идентичности россиян и формирование негативных контр-идентичностей вместе с безработицей влияют и непрерывная оффшоризация огромных финансовых средств. В сознании россиян внедряются модификации гедонизма, консюмеризма, партикуляризма, ведущие к имитации агентности, «играизации» реальности [9], что множит поиски быстрых доходов с помощью игр, мошенничества, но не постоянной и последовательной трудовой деятельности. Непотизм и коррупция снижают доверие россиян к государственной власти, что также затрудняет формирование «объединяющей» идентичности.

Аномия в обществе – питательная среда для таких контр-идентичностей. Люди, разуверившись в государстве, пренебрегают национальными интересами ради личных, семейных, групповых (корпоративных, этнических), замыкаются в приватной жизни, избегают исполнения обязанностей (служба в армии, уплата налогов). Растет партикуляризм, образуется «разреженное пространство», где исчезает доверие, «буксует» применение норм морали и права, разрастаются «теневые» отношения, даже формируются структуры, подменяющие функции государственных органов. С другой стороны, проекцией таких процессов могут стать индивидуальные и групповые идентичности, обесценивающие национальное гражданство, ориентированные как на эмиграцию, так и на сепаратистские требования.

Кого непосредственно используют в сценариях «слома» «объединяющей» идентичности? Восприятие контр-идентичностей накладывается чаще всего на максимализм и радикализм молодёжи. В апреле 2009 г. молдавская молодежь, увлечённая идеей транснационализма (юниониз-

* 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ «Воссоединение разделённой Ев-ропы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» рекомендовала полностью избавиться от структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приук-расить тоталитарное правление, попытаться к нему вернуться или же стремиться продолжить его существование и в будущем, препятствуя полной демократизации.

ма – вхождения в состав Румынии), собранная с помощью флэш-моба, в течение нескольких часов разгромила в Кишинёве резиденцию Президента Молдовы, устроила символьный государственный переворот, заменив молдавские флаги на румынские. Это стало началом перехода в наступление либеральной и националистической оппозиции, пришедшей к власти после ряда манипуляций. Подобное происходило в Сербии, Грузии, Украине, Египте. Иногда в качестве таковых «первопроходцев» могут выступать движения футбольных фанатов. Но за спиной радикальной молодёжи стоят другие силы. Они отражают какие-либо партикулярные интересы, начиная от существующих вполне легитимных (элит регионов, национальных меньшинств, общественных объединений) до «теневых» сил и даже криминальных корпораций, коррупционных сетей, экстремистских сил. Но есть и конструкторы контр-идентичностей, которые могут всеми этими силами управлять дистанционно.

Для диагностики и предотвращения таких состояний общества необходим идентификационный анализ. Одно из важных условий профилактики (кроме противодействия бюрократизму и коррупции) – проведение последовательной работы по воспитанию патриотизма, нейтрализующего разрастание влияния негативных контр-идентичностей. Помимо анализа ошибок политики необходимо изучение деятельности некоторых групп и объединений граждан, находящихся под воздействием НПО, возможной корреляции их деятельности с формированием разрушающих контр-идентичностей.

Приведённая модель визуализации может быть полезна для проведения мониторинга «частичных» и «объединяющих» идентичностей, а также ситуационного анализа. Мониторинг может отследить усиление и расширение дискурса, ведущего к политизации «частичных» идентичностей, в том числе, территориальных, телесных (этнических), духовных (языковых, литературных, конфессиональных), агентных. Необходимо изучение связей таких идентичностей, ведущих к активизации дискурса и оппозиционных сил, мобилизации молодёжных групп и радикальных объединений, изменений в программах оппозиционных сил, научных фондов и политизированных НПО.

В идентификационном анализе важно исследовать, какие образы и символы конструируются и в каком контексте. Например, конструируются вымышленные события и образы, усиливающие «разъединяющую» и

«мобилизационную» роль «частичных» идентичностей. Выдвигаются также образцы контр-идентичности, которые не только разрушают историческую и национально-государственную идентичности конкретного государства, но и претендуют на роль альтернативной «объединяющей» идентичности. Пример такой альтернации – выбор контр-идентичности, в соответствии с которой Украина интегрируется в Европейский Союз вместо традиционной «объединяющей» идентичности Украины, кооперирующей экономику с Россией и странами СНГ. Или националистическая контридентичность самостийной Западной Украины, не только противостоящая прежней национально-государственной и другим региональным идентичностям и мотивирует на радикальные антиправительственные действия, но и представляется как всеукраинская. Ситуации в Молдавии и Украине свидетельствуют, что такой этно-национализм, особенно в начальных стадиях флуктуаций, причудливым образом совмещается с космополитизмом и транснационализмом.

Центральным в таких альтернативных «объединяющих» идентичностях, сконструированных из контр-идентичностей, может стать образ «врага». Чаще всего за образ «врага» выдаётся «объединяющая» идентичность другого народа, региона, доминирующей партии. Такие контр-идентичности могут ситуационно презентироваться, прежде всего, в студенческих аудиториях, программах ток-шоу в СМИ и Интернете, на митингах. А в более долгосрочном плане используются как основа для конструирования событий, включаемых в учебники истории, экспозиции музеев, т.е. в исторический нарратив народа. Эту динамику также помогает отследить приведённая в статье визуализация.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

2. Байер А. Соединяя Штаты // GEO. Непознанный мир. Земля. 2013. Октябрь.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.

4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 Т. М.: Мысль. Т. 2. 1971.

5. Грушина А.Ф. На берегах Дарданелл // Московский журнал. История Государства Российского. 2013. №8(272).

6. Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении. Вып. 3 (41). М.: Научный эксперт, 2011.

7. Капицын В.М. Глобализация и управление идентификациями: пролегомены к стратегии развития России // Ценности и смыслы. 2010. №5(8).

8. Качанов Ю.Л. Дихотомия «социологический конструктивизм – научный реализм» и её преодоление // Личность. Культура. Общество. 2005. Том VII. Вып. 1(25).

9. Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. №6.

10. Крымский республиканский институт политических и социологических исследований. 16 марта 2014 г. URL: http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/11-03-2014/1198533-scrutin-0/ (дата обращения 29.03.2014)

11. Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд. Таганрог, 2013.

12. Ослон А.А. Мегаопросы населения России. Проект «Георейтинг» // Полис. 2006. № 6.

13. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х том. / Под ред. И.С. Семененко. Т. 1. М., 2012.

14. Понторо М.-К. Европейская Конституция и национальные конституционные идентичности (Реферат) // Конституционная культура. Универсальные ценности и национальные особенности. Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2011.

15. Российское общественное мнение о Крыме. Телефонный мегаопрос 48590 россиян в 83 регионах РФ. 14-16 марта 2014 г. URL: fom.ru/Mir/11401 (дата обращения 30.03.2014)

16. Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europeaum / Пер. с нем. СПб: Владимир Даль, 2008.

17. Bhabha H.K. (Ed.) Nation and Narration. London: Routledge, 1990.

18. Erikson E.H. Yanger Man Luter. A Study in Psychoanalysis and History. N.Y., London: W.W. Norton, 1962.

19. Erikson E.H. Identität und Lebensziklus. Frankfurt: Suhrkamp, 2003.

20. Gallois A. Occasions of Identity: A Study in the Metaphysics of Persistence, Change, and Same-ness. Oxford: Oxford University Press, 2003.

21. Handfield-Amkhan A. British Foreign Policy, National Identity and Neo-classical Realism. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2010.

22. Helen B. Marrow Assimilation in New Destination // Daedalus. Journal of American Academy of Arts and Science. 2013. Sumer.

23. Smith D.J. Minority Rights, Multiculturalism and EU Enlargement: the Case of Estonia // Journal of Ethnopolitic and Minority Issue in Europe. 2003. Issue 1.

24. Weight R. Patriots: National Identity in Britain 1940-2000. L.: Macmillan, 2002.

25. White A. Polish Return and Double Return Migration // Europe – Asia Studies. 2014. January. Vol. 66. №1.

26. Zimmer U. Ethnic Belonging Gender and Cultural Practices. Youth Identities in Contemporary Russia. Stuttgart: Ibidem Verlag. 2011.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. M.: Kanon-Press-Ts, 2001.

2. Baier A. Soedinyaya Shtaty // GEO. Nepoznannyi mir. Zemlya. 2013. Oktyabr'.

3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya / Per. s angl. M.: Medium, 1995.

4. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: V 2 T. M.: Mysl'. T. 2. 1971.

5. Grushina A.F. Na beregakh Dardanell // Moskovskii zhurnal. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo. 2013. №8(272).

6. Zamyatin D.N. Geokratiya. Evraziya kak obraz, simvol i proekt rossiiskoi tsivilizatsii // Gosudarstvennaya ideologiya i tsennosti v gosudarstvennoi politike i upravlenii. Vyp. 3 (41). M.: Nauchnyi ekspert, 2011.

7. Kapitsyn V.M. Globalizatsiya i upravlenie identifikatsiyami: prolegomeny k strategii razvitiya Rossii // Tsennosti i smysly. 2010. №5(8).

8. Kachanov Yu.L. Dikhotomiya «sotsiologicheskii konstruktivizm – nauchnyi realizm» i ee preodolenie // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2005. Tom VII. Vyp. 1(25).

9. Kravchenko S.A. Igraizatsiya rossiiskogo obshchestva (K obosnovaniyu novoi sotsiologicheskoi paradigmy) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. №6.

10. Krymskii respublikanskii institut politicheskikh i sotsiologicheskikh issledovanii. 16 marta 2014 g. URL: http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/11-03-2014/1198533-scrutin-0/ (data obrashcheniya 29.03.2014)

11. Lysak I.V., Nalivaichenko I.V. Patriotizm: otzhivshaya tsennost' ili aktual'nyi trend. Taganrog, 2013.

12. Oslon A.A. Megaoprosy naseleniya Rossii. Proekt «Georeiting» // Polis. 2006. № 6.

13. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2-kh tom. / Pod red. I.S. Semenenko. T. 1. M., 2012.

14. Pontoro M.-K. Evropeiskaya Konstitutsiya i natsional'nye konstitutsionnye identichnosti (Referat) // Konstitutsionnaya kul'tura. Universal'nye tsennosti i natsional'nye osobennosti. Sb. nauch. trudov. M.: INION RAN, 2011.

15. Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie o Kryme. Telefonnyi megaopros 48590 rossiyan v 83 regionakh RF. 14-16 marta 2014 g. URL: fom.ru/Mir/11401 (data obrashcheniya 30.03.2014)

16. Shmitt K. Nomos zemli v prave narodov jus publicum europeaum / Per. s nem. SPb: Vladimir Dal', 2008.

17. Bhabha H.K. (Ed.) Nation and Narration. London: Routledge, 1990.

18. Erikson E.H. Yanger Man Luter. A Study in Psychoanalysis and History. N.Y., London: W.W. Norton, 1962.

19. Erikson E.H. Identität und Lebensziklus. Frankfurt: Suhrkamp, 2003.

20. Gallois A. Occasions of Identity: A Study in the Metaphysics of Persistence, Change, and Sameness. Oxford: Oxford University Press, 2003.

21. Handfield-Amkhan A. British Foreign Policy, National Identity and Neoclassical Realism. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2010.

22. Helen B. Marrow Assimilation in New Destination // Daedalus. Journal of American Academy of Arts and Science. 2013. Sumer.

23. Smith D.J. Minority Rights, Multiculturalism and EU Enlargement: the Case of Estonia // Journal of Ethnopolitic and Minority Issue in Europe. 2003. Issue 1.

24. Weight R. Patriots: National Identity in Britain 1940-2000. L.: Macmillan, 2002.

25. White A. Polish Return and Double Return Migration // Europe – Asia Studies. 2014. January. Vol. 66. №1.

26. Zimmer U. Ethnic Belonging Gender and Cultural Practices. Youth Identities in Contemporary Russia. Stuttgart: Ibidem Verlag. 2011.

М.Ю. Мартынова

ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ*

Аннотация

По мнению автора, образовательная политика является одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности. Она может преследовать различные цели: интеграцию представителей различных этнических и конфессиональных групп в единое общество гражданского типа, основанное на признании культурного плюрализма, или решать задачу автономизации этнокультурных и этноконфессиональных общностей, превращения их в культурные анклавы. Промежуточное положение занимает тип образования, целью которого является культурное обособление меньшинства по отношению к большинству в сфере языка общения, семейных традиций и т.д. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией в целом. В наибольшей степени это касается школьного образования. В статье поднимается проблема роли образования в формировании идентичности молодого человека. Сквозь эту призму формулируется вопрос о соотношении гражданской (государственной) и этнической идентичностей. Анализируются модели поликультурного и полилингвального школьного образования на примере российского опыта.

Ключевые слова:

идентичность гражданская и этническая, нация, этничность, образование, мультикультурализм, миграции.

M. Martynova

EDUCATION AS RESOURCE OF DESIGNING OF IDENTITY OF YOUTH. RUSSIAN EXPERIENCE

Abstract

According to the author, the educational policy is one of the most effective instruments of social designing of identity. She can pursue various aims: integration of representatives of various ethnic and confessional groups into the uniform society of civil type based on recognition of cultural pluralism or to solve a problem of autonomism ethnocultural and an ethnogame-fessionalnykh of communities, their transformations into cultural enclaves. Intermediate position is held by education type which purpose is cultural isolation of minority in relation to the majority in the sphere of language of communication, family traditions, etc. That people belong to different cultural traditions is caused, first of all, by education and socialization in general. Most it concerns school education. In article the education role problem in formation of identity of the young man rises. Through this prism the question of a ratio of civil (state) and ethnic identichnost is formulated. Models of polycultural and polilingvalny school education on the example of the Russian experience are analyzed.

Key words:

identity civil and ethnic, nation, ethnicity, education, multiculturalism, migrations.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (Проект №14-18-03090).

Понятие гражданская нация, национальная (общегосударственная) и гражданская идентичность достаточно новое явление в политическом лексиконе России. Исторически сложилось, что в нашей стране нацию толковали как этнокультурную общность, хотя и существовало понятие «советский народ», которое объединяло граждан одного государства. В постсоветское время в России все активнее стало внедряться понимание нации как граждан государства, аналогично тому, как это существует во многих странах мира, например, во Франции, Великобритании, США. Это толкование нации у нас в стране до сих пор имеет своих оппонентов, которые полагают, что гражданская идентичность формируется в ущерб этнической.

Сторонники понимания нации как согражданства говорят о возможности сосуществования у одного человека нескольких идентичностей, о совместимости гражданской и этнокультурной идентичностей. Принципиальной является убежденность в том, что единство нации и, в частности, российского народа на общегосударственном уровне, историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования может и должна сочетаться с культурным (этнокультурным) многообразием, культурной сложностью гражданской нации. Это подтверждает как российский, так и зарубежный опыт. Практически все современные нации поликультурны (или в отечественной терминологии полиэтничны). Культурная сложность современного мира еще более возрастает под влиянием миграционных процессов и притока новых жителей. В этом можно видеть положительность явления. Нельзя не согласиться с тем, что «культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества» [24, с. 247].

Один из наиболее ярких примеров культурного многообразия в рамках одного государства воплощает в себе Россия, где практически нет регионов с моноэтничным составом населения. В последние десятилетия в результате роста миграций этнический состав ее жителей еще более усложнился, что делает для России проблему идентичности особо актуальной не только в теоретическом смысле, но и в практическом плане. Правильно ли при этом говорить о существовании общей культуры России и единой для всех жителей страны идентичности как комплексе общеразделяемых ценностей, типа поведения и мышления? Что такое общегражданская, общегосударственная или национальная идентичность? И в ка-

ких формах эта идентичность существует сегодня? Если мы все россияне, означает ли это, что нужно забыть о том, что мы русские, татары или якуты? Насколько значима этническая идентичность в России? Какой идентичности отдать предпочтение – общегражданской или этнической? Должны ли мы намеренно спонсировать воспроизводство этнической идентичности? Этнокультурное многообразие Земли или отдельного региона это хорошо или плохо? Как найти баланс между этнокультурными потребностями того или иного гражданина страны и задачами консолидации населения в интересах единого государства? На этот счет, как Вы знаете, нет единого мнения. Свои сторонники есть у каждого варианта, как на уровне отдельных политиков, так и целых государств.

Новый подход к проблеме нашел воплощение в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 годы, которая была утверждена Правительством России 25 августа 2013 г. В этом документе сформулированы следующие цели внутренней политики России:

– воспитание общероссийской гражданской идентичности;

– поддержка этнокультурного развития народов, населяющих нашу страну;

– укрепление межнационального мира и согласия;

– обеспечение прав гражданина в области удовлетворения национальных потребностей;

– содействие адаптации и социальной интеграции мигрантов [38, с. 1].

Я хочу акцентировать внимание на том, что есть множество рычагов, благодаря которым могут как конструироваться различия в обществе, так и наоборот, нивелироваться. Одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией в целом. В наибольшей степени это касается школьного образования. Именно в детском возрасте люди, как правило, получают представление об этнически кодируемых различиях. Этому способствует не только личный опыт социальных отношений, но и целенаправленные усилия педагогов. Школьная программа в значительной степени актуализирует различия, делая их предметом изучения. Поэто-

му всяческие манипуляции с педагогическими системами отнюдь не безобидны и имеют далеко идущие последствия.

Образовательная политика предполагает отбор вполне определенных культурных ценностей для их распространения по тем или иным каналам. И это то общее, что свойственно политике всех государств во все исторические эпохи. Но между образовательными политиками различных государств можно обнаружить и некоторые принципиальные различия. Она может быть ориентирована на максимальное удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа субкультур, может быть ориентирована на модернизацию или, наоборот, на консервацию традиций. На практике все общественные системы используют комбинации из описанных видов [17, с. 236-243].

На новые задачи и тенденции государственной политики в социальной сфере не могла не отреагировать педагогика. Все чаще можно услышать, что ключевой целью общего образования является формирование гражданской идентичности подрастающего поколения [36]. Понятие «идентичность» включено в Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения. В стандарте подчеркивается, что он, в частности, «направлен на обеспечение:

– формирования российской гражданской идентичности обучающихся;

– сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России;

– воспитания и социализации обучающихся, их самоидентификации посредством личностно и общественно значимой деятельности, социального и гражданского становления, в том числе через реализацию образовательных программ, входящих в основную образовательную программу».

Однако практическое воплощение поставленных задач требуют разработки подходов и методов формирования мировоззрения и выстраивания российской идентичности в образовательном процессе и определения ее места среди других идентичностей.

«Дружба народов» и язык обучения

Если говорить о российском опыте подходов к этническому многообразию населения, то замечу, что в советский период истории нашей страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике.

На формирование идентичности оказывают влияние разные учебные предметы, прежде всего гуманитарной направленности – язык, литература, история, география, религиоведение, история родного края, обществознание. Мы в первую очередь остановимся на проблеме языка преподавания. Тем более, что вопрос о выборе языка школьного обучения для России в настоящее время является одним из принципиальных. Язык обучения – возможность, гарантируемая Конституцией РФ.

На протяжении истории нашей страны ситуация с языковым многообразием не оставалась неизменной. Наивысший расцвет образования на родных языках в советский период приходился на 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. В 1939-40 годы был взят курс на процесс русификации, в связи с чем в 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей». Он был направлен на двуязычное образование. В 1938 г. русский язык стал обязательным предметом во всех школах страны. Постепенно происходил отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. После 40-х годов XX века в начальных классах национальных школ преподавание шло на родном языке, в средних - на двуязычной основе, в старших - на русском языке.

Были введены (1952 г.) новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка. Реальным поворотом к утрате двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей, это привело к тому, что русский язык как язык обучения стал доминировать. В 1960-е годы основным типом национальной школы в РСФСР становится школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в

качестве учебных предметов. К концу 1970-х годов образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР, а число языков, изучавшихся в школах, снизилось до 44 [18, с. 1].

К середине 1980-х годов национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве. В 1989 г. в СССР среди украинцев и белорусов русский язык как родной использовали 20,6% (в РСФСР – 58,9%), как второй – 55,9% (37,5%), в совокупности – 76,5% (96,4%). В неславянском населении СССР русским как родным владели 8,8% (в РСФСР – 19,5%), как вторым – 44,5% (66,5%), в совокупности - 53,3% (86,0%) [12, с. 1].

И тем не менее, несмотря на целенаправленные и масштабные усилия по интеграции языкового пространства, которые внедряло государство через школу в 1960-х - 80-х годах XX в., в целом следует констатировать, по-видимому, фактическую остановку в 1980-е гг. процесса расширения зоны русского языка и культуры в ряде союзных республик. Это имело глубинные основания в реальных этносоциальных, этноязыковых и этнокультурных процессах, определявших формирование и развитие идентичности граждан страны.

Активизация этнического фактора и образование

Принятый в 1992 г. закон РФ «Об образовании» в качестве приоритетных зафиксировал две цели педагогики: защита и всемерное развитие культур народов России и сохранение единства культурно-образовательного пространства страны. Вслед за ст. 43 Конституции РФ статья 6 «Язык (языки) обучения» упомянутого выше закона №3266-1 «Об образовании» от 10 июля 1992 г. утверждает, что «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования». При этом изучение государственного русского языка является обязательным и регламентируется государственными образовательными стандартами [37, с. 1].

В начале 90-х годов XX столетия обучение на разных языках стало возрождаться во всех субъектах Российской Федерации. С чем это связано? После создания новой России, распада Советского Союза перемены в сфере образования оказались радикальными. Важнейшим инновационным моментом последнего десятилетия XX века стала вариатив-

ность развития педагогических систем и содержания образования. Этот процесс шел в условиях активного поиска Россией путей становления гражданского общества. Одной из характерных черт этого времени стало то, что в посткоммунистических странах повсеместно наблюдалась активизация этнического самосознания, что сопровождалось формированием организаций и движений, в том числе и тех, которые заботились о путях этнокультурного развития, о сохранении своих языков и культур. Для образовательной политики идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала в эти годы одной из базовых. В новой России, судя по принятым в конце XX – начале XXI в. документам – законам «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др. на том этапе этническая политика все больше стала определяться как политика мультикультурализма.

Принятый в 1996 г. Закон РФ «О национально-культурной автономии» поощрил создание общественными объединениями негосударственных дошкольных, общеобразовательных и профессиональных учреждений образования с обучением на национальном (родном) языке. В законе отмечено, что национально-культурные автономии вправе вносить в федеральные и местные органы исполнительной власти предложения о создании классов и учебных групп с обучением на национальном (родном) языке в государственных образовательных учреждениях или отдельных государственных, муниципальных образовательных учреждений с обучением на русском языке и углубленным изучением национального (родного) языка, национальной истории и культуры [20, с. 87, 93-96].

Сегодня в системе государственного образования работает около 9 тыс. «национальных» школ, изучается уже 89 языков народов России. Как правило, школы с родным (нерусским) языком обучения ориентированы на обучение детей разных национальностей в первую очередь в регионах их компактного проживания. В 1990-е годы школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтничного окружения. Например, в Оренбургской области родной язык, как предмет, изучался в 146 школах. А с учетом факультативов и кружков этнокультурный компонент образования использовали более 200 школ, в том числе с татарским языком - более 90, казахским - 55, башкирским

- 47, мордовским - 17, чувашским - 6. Количество детей, охваченных всеми видами обучения, составляет более 14 тыс.

Интересен в этом отношении опыт Москвы. Этнокультурная ситуация, сложившаяся к концу 80-х годов XX века в России и в Москве, в частности, привела к тому, что в городе стали создаваться школы с обучением детей на разных языках, с включением в программу предметов по истории и культуре того или иного народа. Первые такого рода учебные заведения были созданы для детей-мигрантов. В 1988-1989 гг. в Москву на реабилитацию прибывали группы молодежи из Армении, которая пострадала от землетрясения. Таким образом, с конца 1980 годов в Москве стала складываться особая этнокультурная подсистема образования в условиях многоэтничного города. В этот период темпы роста числа таких школ был очень высоким.

В соответствии с программой «Столичное образование-1», принятой в 1994 г., были разработаны Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным компонентом образования и Программа развития этнокультурного образования на 1994-1998 г. Главной задачей сферы этнокультурного образования в то время столичным властям и педагогам виделась потребность «выстроить такую образовательную подсистему, которая с максимально возможной полнотой в реальном масштабе времени начала бы удовлетворять самые насущные этнокультурные и этнообразовательные потребности жителей столицы» [11, с. 5-16]. В 1997 г. были утверждены Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным (национальным) компонентом образования и Положение о дошкольном образовательном учреждении с этнокультурным (национальным) компонентом образования. Программа развития этнокультурного образования в Москве на 1998-2000 г. вошла составной частью в программу «Столичное образование-2». К 1998 г. в мегаполисе насчитывалось уже 47 школ с этнокомпонентом [10, с. 21], то в соответствии с ней в Москве было открыто еще 15 учреждений этнокультурного образования, в том числе несколько школ и детских садов с русским этнокомпонентом.

Принятый в 2004 г. закон «Об общем образовании в г. Москве» утвердил принципы создания и функционирования государственных образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования. Согласно этому закону, такие школы – один из видов «государственных

образовательных учреждений, реализующих общеобразовательные программы» (ст. 5) [35].

В Москве сегодня Программы этнокультурного компонента применяет более 70 образовательных структур. В учреждениях Москвы, реализующих этнокультурный компонент образования, на сегодняшний день обучается свыше 20 тыс. детей. Позитивен или негативен опыт подобного рода учебных заведений? Нужны ли они городу? Однозначного ответа на эти вопросы нет. Двадцатилетний срок их существования в столице показал как заслуги, так и недостатки этнокультурного обучения, что позволяет разрабатывать модель их функционирования на основе накопленного опыта.

Успеху работы образовательных учреждений с этнокультурным компонентом в значительной степени способствует то, что в них работают высококвалифицированные специалисты, энтузиасты своего дела. Поэтому образовательные стандарты в школах с этнокомпонентом часто выше, чем в других школах. Дети попадают в них после конкурсного отбора. Классы меньше по численности. Следовательно, есть возможность уделить каждому ребенку больше внимания, чем в обычных школах. Образовательные программы учебных заведений с этнокультурным компонентом нацелены на приобщение учащихся к этническим культурным и нравственно-этическим ценностям. Они имеют ярко выраженную гуманитарную ориентацию. Коллективы этношкол, как детские, так и педагогические, оказались высоко востребованным ресурсом для проведения всевозможных городских, федеральных и международных проектов по внедрению инновационных методов обучения, интернациональному воспитанию, проведению фольклорных фестивалей и праздников. Т.е. по крайней мере, часть учреждений с этнокомпонентом можно отнести к числу нерядовых и престижных образовательных центров.

От этнокультурного к поликультурному образованию

Вводя этнокультурный компонент, мы можем преследовать различные цели: интеграцию представителей различных этнических и конфессиональных групп в единое общество гражданского типа, основанное на признании культурного плюрализма, или решать задачу автономизации этнокультурных и этноконфессиональных общностей, превращения их в культурные анклавы. Промежуточное положение занимает

тип этнокультурного образования, целью которого является культурное обособление меньшинства по отношению к большинству в сфере языка общения, семейных традиций и т.д.

Как показывает контент-анализ содержания школьных программ, их направленность, в том числе в части этнокультурологической составляющей, во многом зависит от типа учебного заведения и преподаваемых там предметов. Например, по данным доцента Пензенского госуниверситета О.В. Черновой, проводившей свое исследование до упразднения национально-регионального компонента в школьном образовании, в общеобразовательной школе («обычной») дополнительные курсы и факультативы нацелены преимущественно на углубленное изучение стандартных учебных программ. В лингвистической гимназии, где основательно изучаются западноевропейские языки, а также культуры народов этих стран, программы культурологического цикла составляют 80%. При этом обширные знания о зарубежной культуре наряду с недостаточными знаниями о своей, по мнению автора, способствуют формированию «комплекса неполноценности» в отношении своей страны и культуры. В школе, работающей по программе «Русская школа», культурологические программы нацелены на четкое осознание учащимися своей этнокультурной идентичности, принадлежности к российской цивилизации, включающей много народов [26, с. 356-357].

На определенном историческом этапе школы с этнокомпонентом оказались востребованными, это - социальный заказ жителей страны. Одним из адресатов учебных заведений с этнокомпонентом являются старожительская часть представителей этнических меньшинств, которая заинтересована в сохранении определенных этнических традиций и родного языка. Ряд языков, преподаваемых в этих школах (например, корейский) не является разговорным для семьи школьника и изучается практически как иностранный. Наряду с этим, важная и достаточно новая проблема для российских школ – адаптация мигрантов. И именно их изоляция в условиях раздельного обучения может повлиять на дальнейшую социализацию ребенка. В ряде российских школ ведется серьезная работа по преодолению недавно приехавшими детьми адаптационного порога. В то же время пришло время принимать меры, препятствующие созданию в недалеком будущем этнокультурных и этноконфессиональных анклавов в столице.

Интеграционные процессы современности, миграционные и социальные особенности страны конца 1990-х годов – начала XXI века, во многом изменили ситуацию. В Концепции дальнейшего развития этнокультурного образования в Москве отмечены следующие присущие ей, по мнению экспертов, черты: нарастание различий между москвичами разных национальностей и новыми мигрантскими, в том числе диаспорными группами и сообществами, не интегрированными в московский социум, возникновение в результате этого заметных социокультурных барьеров между москвичами-старожилами и мигрантами, ставшими жителями Москвы в конце 1990-х – начале 2000-х годов; существенное изменение мотиваций и целей миграций в Москву: падение роли образовательно-культурных мотиваций за счет чисто экономических мотиваций, стимулирующих приток трудовых мигрантов; появление в некоторых сообществах недавних мигрантов тенденции к формированию замкнутых корпоративных групп по этническому признаку в качестве ответной реакции на случаи этнической дискриминации мигрантов; снижение уровня толерантного восприятия культурных и конфессиональных различий и соответственно распространение ксенофобских настроений, граничащих с экстремизмом…» [14, с. 472-508].

Новые тенденции, как считают авторы Концепции, снижают традиционно высокий уровень межкультурной интеграции в Москве, разрушают традиционные образы общемосковской идентичности и ценности единой московской соционормативной культуры. Московская идентичность начинает противопоставляться идентичности этнических меньшинств. Оценивая накопленный опыт, было принято решение о том, что в условиях появления в Москве больших групп неадаптированных инокультурных мигрантов, этнокультурное образование ни по содержанию, ни по функциональному назначению не может ограничиваться воспроизводством этнокультурного многообразия. Кроме того, такие программы реализуются в небольшом по московским меркам количестве школ, не затрагивая в целом образовательное пространство массовых школ. Это привело к корректировке целей и задач этнокультурного образования в Москве в направлении поликультурного просвещения всех участников образовательного процесса – учеников, учителей и родителей в масштабах всей сети образовательных учреждений столицы [10, с. 41].

В соответствии с новой Концепцией дальнейшего развития этнокультурного (поликультурного) образования в Москве, «цель этнокультурного образования в современных условиях – воспитание российской и московской идентичности, гражданственности и патриотизма независимо от национальной принадлежности учащихся. Этнокультурная составляющая образовательного процесса должна быть нацелена на формирование позитивной этничности, межкультурной компетентности и толерантности учащихся, воспитание личностных установок культуры мира, межнационального диалога и согласия» [10, с. 40].

Идентичность мигрантов и образование

В последнее десятилетие культурное многообразие России стало еще более сложным, т.к. она стала страной, чрезвычайно привлекательной для мигрантов. Хотя контекст внешних миграций для России – достаточно новое явление, сегодня она вышла на второе место в мире по объемам иммиграции после США [9, с. 5]. Актуальными стали проблемы социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей зарубежных мигрантов и для школьного образования, их острота нарастает по мере поступления в российские школы все большего числа детей, ассоциирующих себя с другими языками и культурами.

Миграционная нагрузка на образовательную систему значительно увеличилась с конца XX века не только вследствие роста зарубежной миграции, но и за счет того, что многие ранее прибывшие мигранты, в течение нескольких лет адаптировавшиеся в новых условиях, стали массово привозить свои семьи из мест «исхода». Около трети мигрантов сегодня приезжают с детьми. Желание взять их с собой, невзирая на многочисленные трудности, часто является косвенным свидетельством намерений мигрантов в дальнейшем переехать в Россию жить постоянно. По исследованиям Центра миграционных исследований, именно дети мигрантов, выросшие в России, имеют гораздо больше шансов интегрироваться в российское общество, чем их приехавшие на работу родители. Более того, как правило, и родители, чьи дети живут с ними в России и посещают здесь школы и детские сады, легче преодолевают трудности интеграции и в большей степени ориентируются на постоянное проживание в России. Среди них хотели бы навсегда остаться в России,

получив гражданство больше трети (36%), тогда как среди всех мигрантов эта доля не превышает 25-26% [39, с. 1].

Мигранты распределяются по стране неравномерно. По данным Департамента образования г. Москвы в школах столицы в 1999/2000 учебном году обучалось более восьми тысяч детей, прибывших из зарубежных стран, в 2000/2001 году их было уже свыше одиннадцати тысяч, а в 2004/2005 г. - 25 тысяч. Итоги мониторинга показали, что к 2007 г. число школьников – недавних мигрантов возросло в столице до 30 тысяч [35]. Сегодня по экспертным оценкам в столичных школах обучаются около 70 тыс. детей, приехавших в столицу из российских регионов и зарубежья. Хотя точных данных по количеству детей мигрантов в школах нет. Называются разные цифры: в Москве их от 4 до 10 процентов учеников, в Подмосковье - даже до 12 процентов. Официальная цифра по Санкт-Петербургу - 3 процента таких школьников. По другим данным в Москве уже есть школы, где число приехавших из других государств учеников составляет до 70%, и районы, где до 25% населения не говорит по-русски. В Петербурге количество детей мигрантов только за последние 5 лет выросло вдвое.

При сравнении данных по составу учеников, прибывших из стран ближнего и дальнего зарубежья, за последние годы наблюдается значительный рост (на 37%) числа школьников, переселившихся в Москву из дальнего зарубежья, и небольшой рост (на 3%) – ребят, прибывших из стран «ближнего» зарубежья [35]. Если в конце 80-х –90-х годах наблюдался устойчивый приток мигрантов из стран закавказского региона (вынужденная миграция из Нагорного Карабаха, Абхазии), то в начале 2000-х годов произошло смещение акцентов в сторону трудовой миграции из Молдовы и стран Центральной Азии. Численность зарубежных мигрантов с Кавказа осталась примерно на том же уровне и даже немного выросла (Азербайджан, Армения) [35].

Сказывается и иное демографическое поведение новых жителей. За последние десять лет число детей, родившихся у некоренных москвичей, выросло почти в пять раз и их доля среди всех новорожденных Москвы увеличилась до 13,5%. В настоящее время в московских роддомах каждый седьмой ребенок рождается у женщин, не являющихся постоянными жительницами столицы. В СМИ приводятся данные о том, что уже сегодня каждый третий ребенок, родившийся в Москве, воспитыва-

ется в семье иногородних граждан. Предполагается, что большинство из перечисленных категорий детей останутся жить в России, вольются в ее социум. Каким он будет, во многом зависит от образовательной и социальной политики, избранной теми людьми, в компетенции которых находится этот вопрос.

Отечественный и мировой опыт показывает, что при закономерности значительных миграционных потоков только сфера образования и воспитания способна обеспечить социокультурную и, прежде всего, языковую адаптацию детей мигрантов и тем самым в значительной мере предотвратить маргинализацию этих слоев общества. Важным компонентом при реализации проектов интеграции мигрантов является обучение детей-мигрантов русскому языку, поскольку знание языка является первым шагом к их успешной адаптации, позволяет контактировать не только внутри своей этнической общины, уменьшает чувство беспомощности и зависимости. Целями обучения, наряду с образовательной задачей, является включение детей мигрантов в новое для них социальное и культурное пространство, воспитание установок уважения к российским традициям, создания возможности реального участия этой части молодежи в жизни страны.

В соответствии с п. 3 ст. 62 действующей Конституции РФ иностранные граждане и лица без гражданства наделены в РФ правами и обязанностями наравне с гражданами Российской Федерации. В образовательном контексте это означает, что, исходя из ратифицированной Россией Международной конвенции ООН по защите прав ребенка, других международно-правовых документов, российского законодательства, в частности, Федерального Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Устава города Москвы, обучению в образовательных учреждениях подлежат все проживающие в Москве дети, в т.ч. дети мигрантов школьного возраста, независимо от правового статуса пребывания в мегаполисе их родителей.

В этом отношении российская образовательная политика соответствует международным стандартам. Сам факт необходимости внимания к образованию мигрантов мало у кого сегодня вызывает сомнение. Она не раз становилась предметом обсуждения на совещаниях разных уровней. Например, этому был посвящен ряд заседаний Коллегии Департамента образования г. Москвы. Накопленный опыт нашел свое отражение в це-

левых программах Правительства Москвы по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики. Более того, именно усилиями Департамента образования г. Москвы одной из задач Московской городской миграционной программы на 2008-2010 годы, утвержденной Постановлением Правительства Москвы от 21.08.2007. № 711-ПП., стала «адаптация и интеграция иммигрантов на основе взаимоуважения к культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу жителей города».

Социальная коммуникация мигрантов и интеграционные программы

Недостаточное владение русским языком является одной из проблем, с которой сталкиваются дети иммигрантов, прибывших из других государств, в т.ч. входивших в состав СССР. Как отмечают эксперты, для большинства мигрантов «новой волны» характерно слабое знание государственного русского языка, а многие из вновь прибывающих детей не владеют им вообще. У прибывающих учеников отсутствуют также достаточные для социализации знания об основах российского законодательства, культуры и истории, традиций и норм поведения в быту, т.е. они не интегрированы в российское общество.

Опыт других стран, принимающих мигрантов, показывает, что организация широкой сети бесплатного обучения государственному языку детей и взрослых способствует включению мигрантов в процесс социальной коммуникации, преодолению их групповой замкнутости. Поэтому одним из путей решения этой проблемы в России стали специальные программы обучения мигрантов русскому языку на базе средних школ с тем, чтобы они в дальнейшем имели возможность свободно обучаться в общеобразовательных школах.

С 2000 г. в московских школах ведется обучение по программе «Русский как иностранный». В одной из московских школ тогда был организован подготовительный класс для детей 6,5-8 лет, не говорящих по-русски. Первыми учениками его стали дети из семей беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана, Ирака и ряда африканских стран. Методическое сопровождение осуществляла кафедра международного образования Московского института открытого образования (создана в 1999 г. на базе Центра межнационального образования), ныне кафедра ЮНЕСКО. Ею подготовлены учебные пособия и методические комплекты.

Стал преподаваться курс переподготовки учителей-словесников по программе преподавания русского языка как иностранного. В 2000 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между Правительством Москвы и российским представительством УВКБ ООН, закрепивший это начинание. Его поддержало и ЮНЕСКО [10].

С января 2003 г. участниками проекта были уже пять школ г. Москвы. Эти образовательные учреждения стали инновационными площадками по социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей зарубежных мигрантов. К 2006 г. проектом было охвачено около 3 тыс. детей мигрантов, что по имеющимся официальным данным составляет примерно восьмую часть всех детей мигрантов школьного возраста, проживающих в столице [15]. Открыто 243 группы по изучению русского языка как иностранного (РКИ) на базе 152 образовательных учреждений всех учебных округов. Используется также практика проведения летних лагерей русского языка и система дополнительного образования.

На протяжении пяти-шести лет в рамках международного проекта отрабатывались подходы к системной подготовке к обучению детей мигрантов в русскоязычной школе. В марте 2006 г. Департаментом образования г. Москвы утверждена «Программа интеграции детей зарубежных мигрантов в московскую образовательную среду и их социокультурной адаптации к условиям столичного мегаполиса». Ее ноу-хау стало создание сети школ русского языка – базовых центров, которые призваны решать задачи как разноуровневого обучения русскому языку по методике РКИ, так и стать интеграционными курсами, обучающими основам российского законодательства, истории, культуры, способствовать формированию у вновь прибывших детей российской идентичности, оказывать психологическую поддержку, проводить информационную работу с родителями. В 2006/2007 г. в Москве в экспериментальном режиме начали работать 10 таких школ в разных округах в режиме полного дня. Продолжительность обучения – один год. Затем дети продолжают обучение в обычных школах по месту жительства. Сейчас в Москве 12 школ русского языка для нерусских детей. В 68 школах Москвы ведутся дополнительные занятия по обучению русскому языку. Переняли опыт Москвы и школы Санкт-Петербурга [15].

В целом, применение подобного рода адаптационных программ соответствует международным стандартам. Об их воздействии на этно-

культурную составляющую России можно будет судить спустя какое-то время. Но и сейчас уже очевидно, что задачи адаптации мигрантов и их интеграции в культурное пространство страны наиболее эффективно решаются путем организации системного образовательного воздействия на детей и подростков, которым гораздо легче воспринять традиции и правила социальной жизни на новом месте, нежели старшему поколению мигрантов. В след за развитием сферы этнокультурного образования, отечественные педагоги приступили к созданию сети учреждений, осуществляющих комплексную языковую и социально-культурную адаптацию детей мигрантов [14; 15; 16].

Поликультурный подход к обучению молодых россиян

Как показывает мировая практика, для успешной интеграции мигрантов немаловажным фактором является обучение и адаптация наряду с вновь прибывшими группами местного населения. Складывающаяся в настоящее время в стране ситуация вокруг миграционной проблематики и развернувшаяся в обществе дискуссия по данному вопросу требуют комплексного подхода к организации работы как с семьями зарубежных мигрантов, так и с коренными жителями в целях повышения атмосферы толерантности и этно-культурной компетентности.

Педагогами обращается внимание на целый ряд учебных предметов. Среди них одно из первых мест принадлежит межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией обычно понимают процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия между выходцами из разных культурных сред. Временем рождения межкультурной коммуникации как научной дисциплины считается 1954 г., когда была опубликована книга Э. Холла и Д. Трагера «Culture as Communication» («Культура как коммуникация»), в которой авторы впервые предложили для широкого употребления этот термин. Позднее основные положения и идеи межкультурной коммуникации были развиты Э. Холлом в известной работе «The Silent Language» (Немой язык), в которой автор показал тесную взаимосвязь между культурой и коммуникацией. Холл пришел к выводу о необходимости обучения культуре («если культура изучаема, то она может быть и преподаваема»). Тем самым Холл первым предложил сделать проблему межкультурной ком-

муникации не только предметом научных исследований, но и самостоятельной учебной дисциплиной.

Впоследствии многие западные ученые предложили свои модели организации межкультурного обучения, среди которых наиболее известными являются концепции Д. Хупса и М. Беннета [32; 29; 22; 30; 31; 33; 34]. Бестселлером, как в мире, так и в России стал учебник по кросс-культурной психологии (он недавно переведен на русский язык), написанный авторским коллективом под руководством канадского ученого Дж. Берри [4].

В отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков. Учебные программы лингвистических ВУЗов стали дополняться дисциплиной, призванной знакомить учащихся со спецификой межкультурного общения, прививать практические навыки межкультурной коммуникации. Особо отмечу книгу профессора МГУ С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» [23], учебные пособия по этому предмету с ориентацией на студентов-филологов изданы в Воронеже. Опубликован и учебник для вузов «Основы межкультурной коммуникации» [5].

Вероятно, было бы полезно расширить круг лиц, которым преподаются знания о межкультурной коммуникации. Начинать обучение навыкам межкультурного общения необходимо уже в детском возрасте. Впрочем, о параметрах обучения межкультурной коммуникации в средней школе уже задумываются педагоги [3]. На учителей и учащихся средних школ рассчитано пособие М.Ю. Мартыновой «Мир традиций и межкультурное общение» [13]. На наш взгляд, самым важным фактором успешности межкультурного общения является межкультурная или поликультурная коммуникативная компетентность контактирующих личностей, с тем, чтобы всяческое сравнение чужой культуры со своей основывалось на знаниях, а не на эмоциях.

Идея поликультурного образования вводится в практику путем преподавания нескольких дисциплин. Все больше энтузиастов-педагогов выступает в поддержку преподавания этнологии не только специалистам, желающим связать свою судьбу с этой наукой, но и более широкой аудитории. По мнению многих педагогов, знания об истории формирования этнического состава населения региона, этнодемографи-

ческой ситуации и других культуре народов мира способствуют складыванию хороших межэтнических отношений в молодежных коллективах. Как отмечал, например, заведующий кафедрой этнологии Башкирского государственного университета профессор Р.З. Янгузин, на примерах из истории этнокультурного взаимодействия студенты убеждаются во взаимообогащении культур, понимают, как те или иные культурные достижения становились частью их собственных традиций. В частности, что распространением земледелия башкиры обязаны пришлому русскому населению, опыт башкир по организации зимней тебеневки лошадей широко использовали русские крестьяне, взаимодействие башкир с переселенцами из Поволжья особенно ярко отразилось в женской одежде и украшениях [27, с. 100].

Пока еще с трудом находит себе место в школьных программах такой предмет как этнология или народоведение. Введение этой дисциплины в общеобразовательный процесс находится в стадии эксперимента, она преподается, как правило, факультативно. Недооценка значимости народоведения вызывает сожаление. Его рассматривают, как предмет, апеллирующий к прошлому культурному наследию, а ведь в исследовательскую сферу этнологии входит и современное общество. И это как раз те знания, которые могут дать максимально много для полноценной социализации личности и воспитания у детей правильной стратегии поведения в сфере межнациональных отношений.

Отрадно, что коллектив педагогов разработал пособие по ознакомлению дошкольников и младших школьников с народами и культурами России «Я, ты, он, она - вместе целая страна» (руководитель творческого коллектива – зав. лаб. МИОО, Е.А.Найденова). Вышел в свет подготовленный преподавателями кафедры этнологии исторического факультета МГУ под редакцией профессора В.В. Пименова учебник по народоведению для старших классов в двух томах [19]. Продолжая обзор учебных пособий по этнологии, отмечу, что в Санкт-Петербургском государственном университете доцентом В.С.Бузиным написан учебник, рассчитанный, как и московский, на двухлетний срок обучения в старших классах школы. Он содержит три части. Первая посвящена теории этнографической науки, вторая – народам Российской Федерации (при этом значительное внимание уделено культуре русского народа), третья – населению зарубежных стран, но материал в ней дается выборочно.

Назову также некоторые книги, которые могут быть использованы педагогами в качестве дополнительных пособий. Среди них изданные в виде брошюр и видеозаписей в Свободном гуманитарном университете циклы лекций по этнографии. В Санкт-Петербургском государственном педагогическом университете профессором Е.А. Окладниковой разработаны и изданы учебно-методические материалы по курсам «Культурная антропология», «Обряды, обычаи и праздники народов мира». Ею же написано «Занимательное народоведение», пособие по предмету «Мировая художественная культура» «Америка, Австралия. Океания, Азия, Африка». В Государственном педагогическом университете переизданы «Очерки истории мировой культуры», где наряду с материалами по искусству, есть и главы по традиционной культуре ряда регионов мира. В рамках общего направления «Экология человека» Международного независимого эколого-политологического университета написан цикл лекций по этнической экологии в электронном и типографском вариантах.

Можно позаимствовать опыт и других регионов России. Например, в Свердловской области этнокультурное образование охватывает весь период школьного обучения и делится на три этапа, преподаются такие предметы, как «Народное творчество» (с 1 по 4 класс), «Традиционная культура» (5-9 класс), «Этнокультурология» (10-11 класс). В то же время, в краях и областях используются краеведческие материалы. Не остаются без внимания дисциплины, посвященные культуре и традициям местного населения, и в школах Ставропольского края, где, например, преподаются такие предметы, как «Литература Ставрополья и Северного Кавказа», «Фольклор народов Ставрополья», «Культура и обычаи народов Ставрополья» и др.

Этнокультурные модули включаются в образовательные программы многих дисциплин. Для этого используются, прежде всего, уроки литературы, истории, географии, мировой художественной культуры. В частности, в издательстве «Интербук» опубликованы имеющие гриф Министерства образования программы и комплект учебников по МХК для 5-9 классов. Их авторы - профессора Т.И. Бакланова и Н.М. Сокольникова в основу курса положили этнокультурные и культурно-исторические традиции России. Учебник для 5 класса имеет подзаголовок «Художественная культура России: живая старина». Школьникам предлагается совершить виртуальное путешествие по музеям-

заповедникам деревянного зодчества, побывать в русской избе, православном храме, узнать об обычаях и народных праздниках.

Даже на уроках физики и математики талантливые учителя находят возможность реализовывать идеи «культуры мира». Так, например, в одной из школ (№ 1016) знакомство с понятием «отрезок» происходит в форме виртуального путешествия по Кремлю, а дроби объясняются в форме ролевой игры «Встреча на Египетской земле» (знакомясь с культурой Египта и изготовляя макет долины Гиза дети решают старинную египетскую задачу на нахождение числа по значению дроби) [8].

Перспективы российской идентичности и образование

В последние годы отечественными педагогами все больше внимания уделяется методике формирования идентичности молодежи, его гражданской позиции и патриотизма. Например, Федеральным институтом развития образования под руководством А.Г. Асмолова подготовлены «Учебно-методические материалы для педагогов различных ступеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности личности учащихся в рамках социального партнерства семьи и школы» [2] и «Программы психолого-педагогической подготовки родителей по формированию гражданской идентичности личности в рамках социального партнерства семьи и школы» (М., 2012). Подспорьем для учителя может стать книга академика В.А.Тишкова, выпущенная издательством «Просвещение» и адресованная преподавателям общественных дисциплин «Российский народ» [25]. О том, как сформировать у молодежи гражданскую идентичность защищаются диссертации и публикуются научные работы. Проводятся методические семинары и конференции. В октябре 2012 г. в Общественной палате прошли слушания на тему «Формы и способы работы с идентичностью: язык, образование, культура».

В заключение хотелось бы отметить, что последние исследования российских социологов показывают, что российское самосознание у современной молодежи является доминирующим [6; 7]. Примерно 80-95% опрашиваемой молодежи заявляют, что считают себя россиянами и ощущают свою связь с Россией, до 70% ответили, что ощущают сильную связь с гражданами России. Это очень высокий показатель, если учесть, что в 1992 г. по опросам Института этнологии и антропологии РАН в Мо-

скве – столице государства – лишь четверть населения идентифицировала себя как россиян [21, с. 19].

Замеры социологов также показывают, что в сознании наших граждан прекрасно уживаются несколько идентичностей (истолкований себя). Государственная, гражданская и этническая идентичности совмещаются у большинства граждан. Опрос 2011 г. показал, почти полное совпадение принятия государственно-гражданской и этнической идентичностей (95% и 90%) [6; 7]. Хотя в реальности эти идентичности по разному интерпретируются и понимаются респондентами, очевидно, что формирование представлений о национально-гражданской идентичности для жителей России уже стало значимым социальным фактором. Вместе с тем, в целом по стране этническая идентичность не утратила своей значимости и несколько доминирует над национально-гражданской. «Насколько эффективно гражданская российскость в будущем будет сочетаться с этнической русскостью, башкиркостью, якутскостью и т.д.»? Можно согласится с мнением, что «государственная политика по поддержке и развитию этнокультурного разнообразия должна быть ориентированной не только на укрепление этнического самосознания граждан, но и на укрепление народов России и межэтнической солидарности, на интеграцию граждан различных национальностей в единое согражданство, формирование единой гражданской идентичности» [25].

Все выше сказанное касается и системы образования, которая играет важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании гражданина. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к российской нации вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона.

Литература

1. Артеменко О.И. Удовлетворение этнокультурных образовательных по-требностей народов России: государственность, этническая идентичность// ЕврАзийский Юридический журнал. 2011. №8(39).

2. Асмолов А.Г. Учебно-методические материалы для педагогов различных ступеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности личности учащихся в рамках социального партнерства семьи и школы. М.: ФИРО, 2012.

3. Барышников Н.Ф. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе. 2002. №2.

4. Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д, Садохин А.П. Основы межкультурной ком-муникации». М., ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

6. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.

7. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве России. М.: Новый хронограф, 2013.

8. Жулева А.С. Народоведение. 8-11 кл. М.: Мирос, 1998.

9. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. М.: Фонд «Новая Евразия», 2011.

10. Интеграция мигрантов средствами образования (отв. ред. Ю.А. Горячев). М.: «Этносфера», 2008.

11. Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным (национальным) компонентом образования // Состояние и перспективы развития учреждений национального образования г. Москвы. Информационно-методический сборник. Вып. 2. М.: Этносфера, 1995.

12. Кузьмин М.Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. Часть 2. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28-82 (дата обращения: 11.04.2014).

13. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю. М.: РУДН, 2004.

14. Мартынова М.Ю. Поликультурная Москва и этнокультурные аспекты модернизации школьного образования // Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности. М.: РУДН, 2007.

15. Мартынова М.Ю. Московский опыт адаптации мигрантов средствами образования // Молодые москвичи. Кросскультурное исследование. Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2008.

16. Мартынова М.Ю. Этнокультурное многообразие москвичей и школьное образование // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. Ежегодный доклад EAWARN. М.: ИЭА РАН, 2010.

17. Мартынова М.Ю. Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад EAWARN. М.: ИЭА РАН, 2012.

18. Мартынова М.Ю. Многокультурность россиян и школьное образование // Вестник российской нации. 2013. №1-2.

19. Народоведение. Том 1, 2. М.: Просвещение, 2002.

20. Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. М.: ИЭА РАН, 1998.

21. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: МАКСпресс, 2009.

22. Сойсал Я. «Космополитизация» нации и гражданина: европейская дилемма // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.: Издательство ИКАР, 2011.

23. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2001.

24. Тишков В.А. О культурной сложности современных наций // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.: Издательство ИКАР, 2011.

25. Тишков В.А. Российский народ. М.: Просвещение, 2010.

26. Чернова О.В. Некоторые аспекты контент-анализа программ этнокультурного компонента школьного образования // Реальность этноса. Спб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.

27. Янгузин Р.З. Этнокультурное взаимодействие народов Башкортостана – пример дружбы и согласия // Традиционная культура как действенное средство воспитания. Пятигорск: ПГЛУ, 2003.

28. Banks J. Educating Citizens in a Multicultural Society. N.Y. 1997.

29. Bennet M. Towerds Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience. Intercultural Press, 1993.

30. Education: A Cross Cultural Training Approach. Intercultural Press, 1980.

31. History. Programme of study for key stage. London, 2007. URL: http://curriculum.qea.org.uk/key-stages-3-and-4/subjects/history/index.aspx (дата обращения: 11.04.2014).

32. Hoopes D. Intercultural Communication Concepts and the Psychology of Inter-cultural Experience // Multicultural Education: A Cross Cultural Training Approach. Intercultural Press, 1980.

33. Programmes du collège 2008: 3. Programmes de l'enseignement d'histoire-gèographie èducation civique. Bulletin official special. №6. 2008. URL: http://www.education.gov.fr/cid22116/mene0817481a.html (дата обращения: 11.04.2014).

34. The International Encyclopedia of Education. Vol.7. Oxford: Pergamon Press, 1994.

35. Департамент образования г. Москвы. URL: http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986 (дата обращения: 14.04.14).

36. Круглый стол «Новый стандарт общего образования: стартовал пилотный проект». URL: http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331 (дата обращения: 11.04.2014).

37. Министерство образования и науки РФ. URL: http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986/ (дата обращения: 14.04.14).

38. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL: http://www.minregion.ru/consol-unity?locale=ru (дата обращения: 14.04.14).

39. Центр миграционных исследований, Данные опросов 2010 г. URL: http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page797/ (дата обращения: 14.04.14).

References

1. Artemenko O.I. Udovletvorenie etnokul'turnykh obrazovatel'nykh potrebnostei narodov Rossii: gosudarstvennost', etnicheskaya identichnost'// EvrAziiskii Yuridicheskii zhurnal. 2011. №8(39).

2. Asmolov A.G. Uchebno-metodicheskie materialy dlya pedagogov razlichnykh stupenei sistemy obshchego obrazovaniya po formirovaniyu grazhdanskoi identichnosti lichnosti uchashchikhsya v ramkakh sotsial'nogo partnerstva sem'i i shkoly. M.: FIRO, 2012.

3. Baryshnikov N.F. Parametry obucheniya mezhkul'turnoi kommunikatsii v srednei shkole // Inostrannye yazyki v shkole. 2002. №2.

4. Berri Dzh. i dr. Kross-kul'turnaya psikhologiya. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2007.

5. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D, Sadokhin A.P. Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii». M., YuNITI-DANA, 2002.

6. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki). M.: Novyi khronograf, 2011.

7. Drobizheva L.M. Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii. M.: Novyi khronograf, 2013.

8. Zhuleva A.S. Narodovedenie. 8-11 kl. M.: Miros, 1998.

9. Zaionchkovskaya Zh.A., Tyuryukanova E.V., Florinskaya Yu.F. Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she. M.: Fond «Novaya Evraziya», 2011.

10. Integratsiya migrantov sredstvami obrazovaniya (otv. red. Yu.A. Goryachev). M.: «Etnosfera», 2008.

11. Kontseptsiya soderzhaniya obrazovaniya moskovskikh shkol s etnokul'turnym (natsional'nym) komponentom obrazovaniya // Sostoyanie i perspektivy razvitiya uchrezhdenii natsional'nogo obrazovaniya g. Moskvy. Informatsionno-metodicheskii sbornik. Vyp. 2. M.: Etnosfera, 1995.

12. Kuz'min M.N. Natsional'naya shkola Rossii v kontekste gosudarstvennoi obrazovatel'noi i natsional'noi politiki. Chast' 2. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28-82 (data obrashcheniya: 11.04.2014).

13. Martynova M.Yu. Mir traditsii i mezhkul'turnoe obshchenie. V pomoshch' shkol'nomu uchitelyu. M.: RUDN, 2004.

14. Martynova M.Yu. Polikul'turnaya Moskva i etnokul'turnye aspekty modernizatsii shkol'nogo obrazovaniya // Molodezh' Moskvy. Adaptatsiya k mnogokul'turnosti. M.: RUDN, 2007.

15. Martynova M.Yu. Moskovskii opyt adaptatsii migrantov sredstvami obrazovaniya // Molodye moskvichi. Krosskul'turnoe issledovanie. Otv. red. M.Yu. Martynova, N.M. Lebedeva. M.: RUDN, 2008.

16. Martynova M.Yu. Etnokul'turnoe mnogoobrazie moskvichei i shkol'noe obrazovanie // Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2009 g. Ezhegodnyi doklad EAWARN. M.: IEA RAN, 2010.

17. Martynova M.Yu. Shkol'noe obrazovanie kak resurs kul'turnoi i natsional'noi identichnosti // Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2011 g. Ezhegodnyi doklad EAWARN. M.: IEA RAN, 2012.

18. Martynova M.Yu. Mnogokul'turnost' rossiyan i shkol'noe obrazo-vanie // Vestnik rossiiskoi natsii. 2013. №1-2.

19. Narodovedenie. Tom 1, 2. M.: Prosveshchenie, 2002.

20. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya: problemy i suzhdeniya. M.: IEA RAN, 1998.

21. Rossiiskaya identichnost' v Moskve i regionakh / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: MAKSpress, 2009.

22. Soisal Ya. «Kosmopolitizatsiya» natsii i grazhdanina: evropeiskaya dilemma // Gosudarstvo, migratsiya i kul'turnyi plyuralizm v sovremennom mire. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2011.

23. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo, 2001.

24. Tishkov V.A. O kul'turnoi slozhnosti sovremennykh natsii // Gosudarstvo, migratsiya i kul'turnyi plyuralizm v sovremennom mire. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2011.

25. Tishkov V.A. Rossiiskii narod. M.: Prosveshchenie, 2010.

26. Chernova O.V. Nekotorye aspekty kontent-analiza programm etnokul'turnogo komponenta shkol'nogo obrazovaniya // Real'nost' etnosa. Spb: RGPU im. A. I. Gertsena, 2002.

27. Yanguzin R.Z. Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Bashkortostana – primer druzhby i soglasiya // Traditsionnaya kul'tura kak deistvennoe sredstvo vospitaniya. Pyatigorsk: PGLU, 2003.

28. Banks J. Educating Citizens in a Multicultural Society. N.Y. 1997.

29. Bennet M. Towerds Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity. Education for the Intercultural Experience. Intercultural Press, 1993.

30. Education: A Cross Cultural Training Approach. Intercultural Press, 1980.

31. History. Programme of study for key stage. London, 2007. URL: http://curriculum.qea.org.uk/key-stages-3-and-4/subjects/history/index.aspx (data obrashcheniya: 11.04.2014).

32. Hoopes D. Intercultural Communication Concepts and the Psychology of Inter-cultural Experience. Multicultural Education: A Cross Cultural Training Approach. Intercultural Press, 1980.

33. Programmes du collège 2008: 3. Programmes de l'enseignement d'histoire-gèographie èducation civique. Bulletin official special. №6. 2008. URL: http://www.education.gov.fr/cid22116/mene0817481a.html (data obrashcheniya: 11.04.2014).

34. The International Encyclopedia of Education. Vol.7. Oxford: Pergamon Press, 1994.

35. Departament obrazovaniya g. Moskvy. URL: http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986 (data obrashcheniya: 14.04.14).

36. Kruglyi stol «Novyi standart obshchego obrazovaniya: startoval pilotnyi proekt». URL: http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331 (data obrashcheniya: 11.04.2014).

37. Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF. URL: http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986/ (data obrashcheniya: 14.04.14).

38. Federal'naya tselevaya programma «Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii». URL: http://www.minregion.ru/consol-unity?locale=ru (data obrashcheniya: 14.04.14).

39. Tsentr migratsionnykh issledovanii, Dannye oprosov 2010 g. URL: http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page797/ (data obrashcheniya: 14.04.14).

П.Л. Крупкин

P. Krupkin

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

POLITICAL COLLECTIVE IDENTITY IN THE POST-SOVIET RUSSIAN FEDERATION

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению существующих политических коллективных идентичностей на территории Российской Федерации, и развитию соответствующего понятийного языка описания в рамках институционального обществоведения и социального номинализма. Представлена модель психики человека, допускающая солидарное коллективное действие, со всеми механизмами взаимодействия соответствующих подсистем. Показано, как в данной модели реализуются институты и социальный контроль. Рассмотрены возможные политические коллективные идентичности, способные задавать общую институциональную рамку общества. Разработанная теоретическая парадигма применена к постсоветской РФ с вычленением различных коллективных идентичностей, которые обеспечивают существование сообществ, способных на коллективное действие. Дан анализ состояния проекта формирования «гражданской нации» на территории РФ, запущенный российским правящим классом. Показано, что назначенная к формированию «гражданская нация» отличается от классических наций развитых стран, и связана именно что с коллективной идентичностью корпоративно-державного типа.

Ключевые слова:

коллективные идентичности, политические социальные агенты, социальные институты, политические корпорации, российская гражданская нация.

Abstract

Article is devoted to consideration of the existing political collective identity in the territory of the Russian Federation, and to development of the corresponding conceptual language of the description within institutional social science and social nominalism. The model of mentality of the person allowing solidary collective action with all mechanisms of interaction of the corresponding subsystems is presented. It is shown how in this model institutes and social control are realized. Are considered possible political collective identity, capable to set the general institutional frame of society. The developed theoretical paradigm is applied to the Post-Soviet Russian Federation with exarticulation of various collective identity which provide existence of the communities capable of collective action. The analysis of a condition of the project of formation of "the civil nation" in the territory of the Russian Federation started by the Russian ruling class is given. It is shown that the "civil nation" appointed to formation differs from the classical nations of developed countries, and is connected that with collective identity of corporate and majestic type.

Key words:

social identity, political social agents, social institutes (institutions), political corporations, russian civil nation.

Принятие в конце 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которая провозгласила в качестве одной из своих целей «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)» [27], актуализировало проблематику «построения гражданской нации» в общественном сознании «говорящего класса» Российской Федерации (РФ). Наличие классического корпуса научных текстов по теории нации [1, 4, 6, 23] к сожалению не очень помогает отечественной мысли в работе по поводу данной проблемы, поскольку в габитусе «образованного класса» все еще сильна марксистская традиция мышления о предмете [25, 26]. Отвлекаясь от общей истории вопроса в отечественной мысли, которая сама по себе при раскрытии в хоть какой-то своей полноте вывела бы статью за пределы установленных лимитов по тексту, в настоящей работе я ограничусь представлением оригинальной интерпретации научных теорий, позволяющей увидеть «гражданскую нацию» в ряду других коллективных идентичностей[*], таких как «этнос», «сословие», «локальная / региональная идентичность», «корпорация», etc. Методической базой последующего рассмотрения является институциональное обществоведение в его «социально-номиналистическом» варианте[**].

Поскольку темой статьи являются прежде всего коллективные политические агенты, т.е. сообщества, объединенные солидарностью такого качества, что они способны осознавать свои групповые интересы, ставить общие цели, и проявлять коллективную волю в достижении общего желаемого, то прежде всего следует посмотреть, к каким «необходимостям» в понятийном аппарате приводит требование возможности коллективного действия. Этому посвящен следующий раздел статьи.

Затем в тексте представлена общая модель психики человека, допускающая возникновение групповой солидарности, и показывается механизмы с этим связанные. При этом оказывается, что социальные институты и свя-

[*] Понятие «коллективная идентичность» определено в следующем разделе статьи, и детально рассмотрено далее по тексту.

[**] Социальный номинализм – метод теоретизирования, который «выводит» все социальные объекты и эффекты только из людей и их взаимодействия между собой. В рамках номиналистических теорий – в отличие от развиваемых на основе социального реализма – нет места, например, понятию эмерджентности социальных систем. Логически можно показать, что номиналистические теории всегда могут быть переинтерпретированы в реалистические, но не наоборот.

занный с ними социальный контроль должны быть обязательно обеспечены какой-то солидарностью / коллективной идентичностью, и то, как это может «работать», также представлено в настоящем тексте*.

Развитая теоретическая парадигма апробируется далее на субъектных сообществах РФ, с перечислением и рассмотрением различных политически интересных классов сообществ, и завершающим анализом состояния «национального проекта» по развитию в стране «гражданской политической нации». Показано, что в РФ за таковую выдается корпоративно-державная идентичность, в рамках которой такое важное качество нации, как изономия – стремление каждого индивида из сообщества к равноправию, просто «выведено за скобки».

Коллективное политическое действие и связанные с ним понятия

Самое общее рассмотрение политических агентов (т.е. тех субъектов, которые участвуют в политической жизни страны, отдельных регионов, других больших сообществ людей) выделяет класс солидарных сообществ, способных на общее действие, или так называемых субъектных сообществ. В самом общем случае такие сообщества опять же делятся на два больших класса: (1) короткоживущие сообщества, объединенные ситуационной солидарностью, которая порождена конкретной проблемой, задевшей интересы всех индивидов, объединенных этим вызовом, и (2) долговременных сообществ, объединенных постоянными солидарностями разных видов. В данной статье я буду в основном говорить о последних.

Возможность коллективного политического действия порождает проблему понимания того, как «я» каждого индивида взаимодействует в своем сознании с образами «мы» своего сообщества и различных образов «они» сообществ-противников. Ведь именно этими взаимодействиями структур сознания индивида определяется и его эмоциональное отношение к своему содружеству и к противникам, и его склонность к объединению своих ресурсов с ресурсами партнеров для достижения

* «Институтами … обычно называют всю совокупность правил и норм, которые определяет поведение человека, как формальных (конституции, законы, стандарты, нормы), так и неформальных (обычаи, привычки, «понятия», традиции, внутренние системы мотивации людей).» [8, с. 71] «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике.» [21, с. 17.].

общих целей. Дальнейший анализ «составных частей» солидарного политического действия группы людей приводит к необходимости: (1) различать вокруг тех, кто суть «мы», «свои»; (2) отличать их от тех, кто суть не «мы»; (3) договариваться среди «своих» о том, чего «мы» хотим, и кто из «нас» какие действия для этого должен совершить; (4) делить затраты / ущерб от общего действия; (5) делить приобретенные выгоды, как материальные, так и статусные. Кроме того «мы» должны: (6) уметь принимать иных в «свои»; (7) воспитывать тех из «своих», кто отклоняется от принятого у «нас»; (8) наказывать / исключать из «своих» нарушителей принятого. Необходимость понимания функционирования образа «мы» в головах участников сообщества с указанным «функционалом» сразу приводит нас к рассмотрению такого объекта социальной психологии, как «коллективная идентичность».

Коллективная идентичность (social identity) – это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе/общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой/чужой» для данной группы. [8, с. 122] В группе с коллективной идентичностью (далее – КИ) определяющий данную КИ комплекс должен присутствовать в психике каждого ее участника, будучи согласовываемым между членами группы во внутригрупповой коммуникации. Из общих соображений понятно, что каждый индивид имеет в общем-то «пучок» коллективных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества, к которым он имеет отношение. Обычно здесь можно выделить семью, расширенную семью / родню, круг друзей, коллег по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу). Бывает также «подключение» индивида к профессиональным ассоциациям, соседской общине, территориальным (локальным и региональным) общностям, партии, этносу, нации. Могут существовать также важные для индивида сообщества и других типов, чем перечисленные[*].

[*] Развитие концепции КИ, введенной в социальную психологию авторами работы [31] в 70-х гг XX века, привело к следующим представлениям ее взаимодействия с персональной идентичностью (ПИ) индивида: (1) ПИ может быть описана без связи с какими-либо КИ, (2) КИ важна в описании ПИ, поскольку ПИ может меняться вместе с КИ, (3) КИ является одним из аспектов ПИ [28]. При этом представление о том, что в рамках одной ПИ могут сосуществовать несколько разных КИ [8, с. 46; 28] оказалось довольно свежей идеей, которая в силу своей продуктивности и была положена в основание настоящей работы.

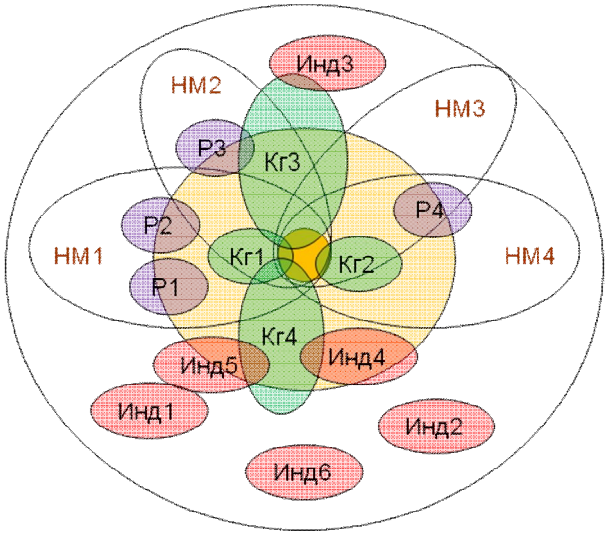
Для лучшего понимания феномена КИ рассмотрим вариант того, как КИ может быть «размещена» в психике индивида.

Модель психики человека в психосоциальном контексте

Для выработки языка описания психосоциальных феноменов в желаемом аспекте оттолкнемся от положения, что каждый индивид имеет свою уникальную личность, которая складывается в течение всей его жизни, и определяется наличествующими в его психике наборами ментальных структур (МС) [8, с. 45-47]. Такая «атомно-молекулярная» гипотеза структуры психики позволяет понимать все известные психические феномены как результат функционирования ментальных структур, их взаимодействия между собой и внешней средой, причем как на осознанном, таки на неосознаваемом индивидом уровнях (Рис.1).

В плане взаимодействия с внешней средой имеет смысл положить, что МС когнитивной сферы индивида среди прочего также и формуют обрабатываемый мозгом информационный поток, определяя МойМир человека (Umwelt), т.е. то, как человеку оказываются данными для представления и планирования своей деятельности его внутренняя и внешняя «среды обитания», его индивидуальная «картина мира». [8, с.46] МойМир – это «жизненное поле» человека, в котором он «разворачивает» и осмысливает свою жизненную активность, свою биографию. В частности, среди опорных МС каждого индивидуального МойМира можно различить и мотивационные модели важных для человека других людей (theory of mind), которые определяют прогнозы индивида по реакции социальной среды на производимые им действия.

Затронутые в предыдущем разделе КИ тоже будут определяться конкретными наборами МС. Тем самым четко полагается, что все социальные аспекты личности обусловлены подсистемами в психике человека, и то общее у множества индивидов, что определяет их КИ, – оно «впечатано» в психику каждого члена соответствующего сообщества. Вследствие этого для любой КИ имеет смысл говорить о Мы-концепции как об осознанной части соответствующих МС личности, и о групповом габитусе в их неосознанной части. Все вовлеченные МС порождают НашМир группы [8, с. 46] как некую одинаковую часть МойМиров каждого из ее членов.



То, как разные классы МС могут размещаться в психике по отношению друг к другу, представлено на Рис. 1*.

Еще одно интересное различение среди МС можно вывести из факта, что в предложенной модели нет ограничений на образование некоторых МС на стадии формирования человеческого эмбриона. Так выявляется место для свойств психики и социума, которые обусловлены биологически, – для так называемых архетипов Юнга [9], одним из важ-

* Рис. 1. Общее представление ментальных структур (МС) индивидуальной психики. Здесь центральный круг представляет собой МС родного языка человека, обще-коммуникативной его части; второй концентрический круг – зону осознанного и одновременно понимаемые человеком дополнительные знаковые системы; зона между вторым и третьим кругами – область неосознаваемого человеком. Эллипсы, обозначенные буквами «НМ», задают МС различных КИ человека: один индивид участвует сразу в нескольких важных для себя группах. МС из неосознаваемой части КИ задают групповой габитус. Буквы «Кг» помечают различные когнитивные комплексы, включая знания разного рода, мотивационные модели других, etc. Неосознаваемые части когнитивных комплексов образуют так называемое «неявное знание». «Р» представляют социальные роли, которые, будучи согласованными в своем понимании по неким сообществам, должны быть целиком размещены внутри соответствующих эллипсов. То же справедливо и для институтов сообществ. Ну и все МС, расположенные вне эллипсов КИ, задают индивидуальные МС человека, капитализируя его опыт и личное знание. Эллипсы «Инд» отмечают индивидуальные комплексы человека.

Замечу, что представленная модель явно содержит в себе подсистему, обеспечивающую свободу воли индивида. В ее рамках нет места контексту «абсолютно все в личности определено окружающим социумом», который наличествует во многих теориях из класса социального реализма.

нейших свойств которых является широкая универсальность: соответствующие феномены должны наличествовать практически у всех людей на Земле. В качестве модельного психосоциального архетипа можно взять родной язык: по данному социальному феномену существует достаточно много опытных данных, позволяющих понять общие моменты его функционирования (см., например [3]. В развиваемой здесь системе понятий это можно представить следующим образом: родной язык в виде некой врожденной «формы» обусловлен биологически[**], и эта «форма» заполняется конкретным содержанием – обусловливающим владение индивидом конкретным языком как родным – при социализации ребенка[*]. При этом, если «заполнение» данной «архетипической формы» не началось до 3-х лет, то ребенок остается без языка (см. «дети-маугли»).

Наряду с родным языком из имеющихся в нашем распоряжении опытных данных можно выделить и другие архетипы социальности, включающие в себя архетипы структурирования: «свои» / «мы и они», «авторитет», «ценность детей», «ценность женщин», «молодые мужчины как расходный материал»; архетипы коммуникации: «язык», «знаки взаимодействия», «тяга к касаниям»; когнитивные архетипы: «подражание», «ценность опыта», «традиция»; а также такие ментальные комплексы, как «справедливость», «права требования», «вопрошание пределов» [12], и «сакральность» [14].

Еще одно интересное следствие из развиваемого представления можно получить на основе переинтерпретации гипотезы Данбара. Р. Данбар обнаружил у обезьян положительную корреляцию между размером коры больших полушарий мозга и размером стаи. На основе данной корреляции получилось, что размер типовой группы людей должен

[**] «Гены, которые контролируют образование структур мозга, необходимых для обучения речи, существуют. Один из них нашли при исследовании семьи, где часто встречались нарушения речи. Этот признак передавался как болезнь с определенным типом наследования, больные члены этой семьи не могли освоить правила грамматики, они не могли научиться правильно говорить, и у них была легкая степень умственной отсталости. У больных нашли мутацию в гене, который называется FOXP2. Потом было показано, что люди отличаются от обезьян по этому гену. <…> выяснили, что он работает во время эмбрионального развития в определенной зоне мозга, регулирует работу других генов, определяя какой из них включается в работу на данном этапе эмбрионального развития. Руководит работой генов, которые участвуют в формировании зон мозга.» [2].

[*] Так проявляется в качестве общего механизм межпоколенческой передачи навыков и умений (фактически – МС), в котором наряду с потоком чисто биологической информации генов существенную роль играет и поток социокультурной информации – мемов [5, гл. 11].

бы составлять 150 индивидов [20, с. 237-239]. И хотя в действительности типовые группы охотников-собирателей составляют обычно 15-30 взрослых особей, можно предположить, что в мозгу человека имеется ограниченное количество мест для «размещения» мотивационных моделей значимых для него других. А это значит необходимость экономии таких мест для «дальних»: если близкие к индивиду и важные для него люди могут быть смоделированы в его голове один к одному, по одной модели-образу на каждого, то дальние по отношению к себе круги каждый вынужден различать уже не индивидуально, а по группам в соответствии с какими-то выбранными на основе опыта категориями. Так проявляется причина для выработки стереотипов в моделях других – это просто способ адаптации врожденных когнитивных способностей каждого индивида к изменившимся условиям жизни с включением в МойМир больших масс людей. И, поскольку стереотипы встречаются у всех людей, то следует признать такой метод адаптации индивида к наличествующему в настоящее время социальному порядку – архетипическим.

Коллективная идентичность и связанные с ней институты

Как было сформулировано выше, каждая коллективная идентичность (КИ), обусловливающая взаимодействие индивида и важной для него сплоченной группы, имеет в психике индивида соответствующий набор ментальных структур (МС), задающий НашМир рассматриваемой КИ. МС каждого НашМира индивида согласуются с другими участниками выбранного сообщества в групповой коммуникации и деятельности*, и именно в НашМире оказывается место общегрупповым стереотипам / фреймам и поведенческим паттернам, а следовательно и его, сообщества, институтам. Т.е. именно сообщества, объединенные общей КИ, являются носителями любого социального порядка, а также социального контроля за девиациями, и данный контроль в ненасильственной своей части оказывается действенным лишь в той мере, в которой сообщество значимо для индивида-нарушителя.

Анализ социального контроля в сообществе выявляет в качестве важной его части групповое негодование всех членов сообщества по поводу девиаций от принятых в сообществе порядков, и данное негодо-

* Именно поэтому МС языка общения должны обязательно входить в НашМир сообщества.

вание указывает на важность участия в социальном контроле сакральной сферы индивида, которая «опредмечивает» / конкретизирует его чувства, связываемые с сакральными переживаниями. В число последних обязательно входит негодование от профанации считаемого святым / священным, чувство благостности / благодати вследствие удачно совершенного сакрального ритуала, переживаемые аффекты от того, что обозначается словами «осквернение» / «скверна».

Очевидно, что функционирование сакральной сферы обеспечивается архетипически. Это следует хотя бы из того, что в настоящее время неизвестны примеры сообществ, которые обошлись бы в своей эволюции без той или иной формы наполнения сакральных переживаний каким-то вполне конкретным содержанием[**]. Кроме того, уже появились философские осмысления результатов эпохи секуляризации, в рамках которых сакральные переживания человека рассматриваются в числе необходимых для ощущения индивидом полноты своей жизни (см., например [32]. По аналогии с родным языком можно предположить, что каждый индивид в качестве основы для своей сакральной сферы имеет некую врожденную «форму», которая заполняется конкретным содержанием уже при его социализации. Объекты из содержимого персональной сакральной сферы могут быть идентифицированы достаточно надежно всплеском эмоций индивида при внешнем небрежении данными объектами. Проясняющим примером здесь может послужить чувствительный для практически каждого человека образ матери, для многих людей таковым также являются и символические репрезентации их страны / их народа. По всем своим видимым свойствам социальные институты в части социального контроля также «внедрены» в сакральную сферу всех членов сообщества – носителя института, т.е. соответствующие МС входят и в НашМир группы, и в сакральные сферы всех составляющих данную группу индивидов.

[**] В дополнении к сказанному можно также указать работу [29], где приводятся данные об обнаружении зон мозга, активация которых была связана с сакральными чувствами испытываемых индивидов. При этом оказалось, что участки коры мозга, ответственные за веру и любовь к Богу (то есть позитивные с Ним отношения) и за страх перед Богом, – находятся в разных полушариях. Интенсивность любви к Богу находится с возбуждением соответствующего участка коры в положительной связи, а интенсивность страха перед Богом – в отрицательной. Участки коры, ответственные за любовь к Богу, в то же время отвечают и за интимную эмпатию к значимым другим для индивида людям. Участки, ответственные за страх перед Богом, – участвуют также в поддержании мотивационных моделей других людей (Theory of Mind).

Сообщества – носители институтов обычно являются долговременными, и потому каждое из них с необходимостью обладает двумя обязательными целями (1) стремлением к воспроизводству себя во времени, (2) увеличение своих мощи и могущества, что обычно представляют в виде накопления разных форм капиталов. В КИ таких сообществ также наблюдаются инварианты: у них обычно есть «сакральный центр», где наличествуют «боги» сообщества / его ценности (т.е. все то, что «вплетено» в сакральную сферу каждого участника сообщества); интериоризованные участниками ритуалы, одним из которых является «вклад в пользу богов»; сообщества структурированы по типу гетерогенных групп; и т.д. [9] Например, для семьи центральным местом является «семейный очаг», в число «богов» входят исключение адюльтера, забота членов семьи друг о друге, и о семейном преуспеянии, среди семейных ритуалов обычно находится место регулярной семейной трапезе, семейным праздникам, родители образуют ядро группы, дети – периферию. В части нации центральным местом является столица и другие сакральные места «национального духа», в число «богов» входит Родина, а также установки на суверенитет и на равноправие, «национальный дух» крепится участием в различного рода гражданских праздниках и ритуалах, ядро нации образует пантеон ее героев, а периферию – рядовые сограждане.

Примеры представления КИ некоторых других типов сообществ по указанным аналитическим компонентам можно найти в [17]. Локальные идентичности ряда городов России аналогичным образом представлены в [18].

Детальная «прорисовка» механизмов принятия института сообществом показывает, что наряду с вне-сознательной передачей институтов / поведенческих паттернов между индивидами посредством зеркальных нейронов, которая вследствие основных параметров передачи не может претендовать на выход за пределы локальных сообществ, возможен также и сознательный прием индивидом какого-либо института «к исполнению». В последнем случае человек сначала сознательно контролирует свое поведение, обеспечивая соответствие его институту, и доводя данное соответствие до автоматизма. В завершение же усвоения получившийся поведенческий паттерн может быть даже вытеснен в подсознание.

Во втором механизме исходной точкой принятия института к усвоению является его легитимация – формирование у индивида убеждения, что институт полезен / необходим / лучше его принять, а то слишком велика цена уклонения. В подобной легитимации институциональных изменений очень большую роль играет то, что можно назвать «формующими принципами» [15], примером которых может служить общее благо того сообщества, куда себя включает индивид с необходимой степенью своего конформизма. И действительно, соотнесение института с моделью общего блага вполне может легитимировать институт, стимулировать его усвоение членами соответствующего сообщества.

Формующие принципы по типу «общего блага» характерны для сообществ, организованных «снизу-вверх». Обычно это сообщества равных, вследствие чего в таких сообществах при оценивании института очень важна низовая делиберация, ведь недаром самые первые политические философы обсуждали политику как прежде всего свободное общение субъектных людей в публичном пространстве. Люди «примеривают на себя» принятое к оценке, обсуждают между собой различные несоответствия в своих «реакциях морального чувства», делятся своими ощущениями с сообщниками, примеривают ощущения тех «на себя» – и, в конце концов, приходят к какому-то общему выводу.

Наряду с сообществами «снизу вверх» существуют и сообщества «сверху вниз». В таких сообществах при рассмотрении принятого к оценке «ответственные люди» применяют свое персональное понимание того, какой бы вывод по рассматриваемому поводу сделал бы тот, кто занимает самую верхнюю позицию в сложившейся иерархии. Так, в результате обобщения[*] и рутинизации, складываются еще один тип формующих принципов, для которого можно ввести название «воля суверена».

«Общее благо» и «воля суверена» представляют два идеальных типа формующих принципов, влияющих на институциональные изменения в обществе. Понятно, что в действительности реализуются какие-то промежуточные формы: в частности «спускаемые по вертикали» в соот-

[*] Понятие «обобщение опыта» включает в себя опыт функционирования рассматриваемого сообщества («вертикали»), куда дают вклады и восстания / умиротворения подданных – в части анализа их причин, и наказания / не наказания отдельных «ответственных людей» по обработанным ими случаям, приведшим к эскалациям «наверх», и распространение / тиражирование успешного опыта управления разрешением сложных ситуаций.

ветствии с волей суверена институты могут искажаться воздействием общего блага низов как самой вертикали, так и вне-вертикальных, что мы регулярно можем наблюдать на примере частностей из опыта пресловутой «борьбы с коррупцией» в РФ.

В заключение данного раздела замечу, что очень интересные результаты приносит экспериментальное изучение динамики кооперируемости людей [8, с. 127-128]. В частности было показано, что среди швейцарских студентов примерно 60% составляют те, кто в принципе склонен к кооперации (Conditional Cooperators – люди, которые участвуют в кооперации при условии, что другие тоже участвуют, и потому их вклад в кооперацию случайно набранной группы обычно пропорционален среднему вкладу группы). Примерно 20% представляют собой «эгоисты» (Free Riders – люди, ориентированные только на свой персональный интерес, вклад которых в общее дело при отсутствии внешнего принуждения к кооперации всегда близок к нулю). Остальные демонстрируют другие типы поведения. Аналогичное изучение российских студентов показало, что в России доля «кооператоров» составляет примерно те же 60%, а вот доля «эгоистов» – менее 10% – ниже, чем в Швейцарии. Однако интересным оказалось различие поведения «эгоистов» в условиях принуждения их к кооперации в зависимости от места социализации участников экспериментов. В Швейцарии (и во всех развитых странах) после санкций со стороны «кооператоров» «эгоисты» «берутся за ум» и включаются в общую игру (т.е. социальный контроль в плане принуждения к сотрудничеству оказывается вполне эффективным). А вот в России «эгоисты» не подчиняются «кооператорам», и начинают активно вести свою линию на слом какой-либо совместной игры. Активная борьба «эгоистов» против институционального принуждения к кооперации была также отмечена у студентов Греции, Саудовской Аравии, Омана и Украины.

Такое качественное различие реакции «эгоистов» на институциональное давление «кооператоров» указывает на возможную «механику» того, что обычно подразумевают при использовании понятия «плохие институты» в институциональной экономике. И действительно, когда сообщество не может совладать со своими «эгоистами», демонстрирующими желание приватизировать коллективные достижения, у «кооператоров» тоже пропадает желание вкладываться в улучшение среды оби-

тания сообщества. В результате в сообществе нет возможности удержания «широкого доверия», которое регулирует обобщенное «кредитование» и соответствующий низкий уровень транзакционных издержек при взаимодействии индивидов со своими «дальними». Сообщество удерживается фрагментированным на небольшие группы с замкнутым типом КИ, а это обычно уже рассматривается как препятствие для эффективной активности индивидов с достижением производительности труда уровня развитых стран [30].

Сообщества, могущие обладать суверенитетом над территориями

Рассмотрим далее политические сообщества, которые могут быть носителями суверенитета над некой территорией. Такие сообщества, будучи правящими сообществами, обычно индуцируют институциональные поля в зоне своего влияния*, причем именно эти институциональные поля признаются всеми социальными агентами, действующими на территории их суверенитета, как имеющие приоритет в плане социального контроля (В общем плане социальный контроль включает в себя не только писаные законы, но и особенности правоприменения; сюда же входят, и различного рода неформальные «понятия» и «нравы»).

Известные сообщества-суверены принимали одну из следующих форм: корпорации**, кланы***, храмовые сообщества**** / полисы / го-

* Институциональное поле – практически на территории институты разных сообществ существуют в виде полей. Это значит, что не только институты каждого сообщества могут меняться от места к месту, но и каждом месте институты разных сообществ могут отличаться друг от друга: например, европейская галантность требует от мужа брать заботу о переноске семейных тяжестей на себя, в то время как в мусульманском поведенческом стандарте семейными тяжестями занимается жена.

** Корпорация – это формализованная социальная структура, в которой (1) социальные места отделяемы от тех индивидов, которые данные места занимают, (2) социальные места формализованы в некой организационной структуре, (3) взаимоотношения и действия индивидов, занимающих социальные места, в значительной своей части определяются формализованными текстами – должностными инструкциями, стандартами поведения, и т.д.

*** Кланы отличаются от корпораций тем, что там индивиды очень плотно сращены с занимаемыми ими социальными местами, так что замена одного индивида на другого (особенно в «голове» клана) может сопровождаться существенным изменениями в данной социальной структуре. Такой вид клана, как «тотемическая триба», является элементарной структурой в социальной организации людей при наличии у сообщества КИ [16].

**** Храмовые сообщества – элементарная социальная структура, выработанная по результатам социальной эволюции в процессе и по итогам неолитической революции. Храмовое сообщество представляет собой общину «равных», объединенную общим храмом (который одновременно является складом с ресурсными резервами сообщества) и площадью для народных собраний. С такой общиной обычно еще

рода-государства, нации. Сюда же имеет включить и такое изобретение исламского мира, как умма. Данные сообщества могут различаться по следующим характеристикам:

– Общее устроение сообщества («снизу вверх», или «сверху вниз»), определяющее то, как в них осуществляется контроль над оцениванием новых ситуаций и принятием новых институтов – через «общее благо», или «волей суверена».

– Открытость сообщества, т.е. то, насколько легко сообщество-суверен присоединяет к себе новые структурные элементы.

– Положение в дихотомии «демократия – авторитаризм»: возможно ли демократическое управление сообществом?*

– Возможность реализации и поддержания своего состояния в географически распределенном виде, обеспечивая однородность институционального поля сообщества в разных географических местах своего контроля.

Таблица 1. Характеристики различных структур сообществ, могущих быть суверенными над некой территорией

	Устроение «снизу-вверх»	Открытость	Возможность демократии	Возможность геораспред.

ассоциированы те, кого можно назвать «храмовыми слугами» (обычно это жрецы, завхозы, ремесленники, солдаты и исполнители других социальных функций, требующих централизованного ресурсного обеспечения), а также различного рода индивиды, пораженные в правах (по типу «рабов и метеков» Эллады). Детали по общим моментам храмовых сообществ можно найти в [16]. Следует отметить, что на пике своего развития «вширь» города-государства / полисы обычно представляли собой ассоциацию храмовых общин (кварталов / цехов), объединенных общим центральным храмом.

* Для своей парадигмы я выбрал именно что научную трактовку понятия «демократия», которая получается при анализе характеристик множества современных государств из так называемого «клуба демократий»: демократия – это форма политического устройства, позволяющая социальным агентам гласно совершать бескровную ненасильственную смену управляющей команды даже против ее на то желания [8, с. 181]. Очевидно, что демократия в подобном понимании является обратным от авторитаризма.

Клан 1 (родовая демократия)	+	-	+	-
Клан 2 (подобный «мафии»)	-	-	-	+
Корпорация 1 (закрытая)	-	-	-	+
Корпорация 2 (открытая)	-	+	-	+
Умма	+	+	+	+
Полис / город-государство	+	-	+	-
Нация	+	-+	+	+

Характеристики различных форм сообществ-суверенов сведены в Таблицу 1. В таблице было учтено, что кланы и корпорации могут также быть представлены разными формами, причем такая форма как «открытая корпорация» / «держава» будет затронута в дальнейшем при изучении реалий российского «национального проекта». В таблицу сведены именно что те сообщества, которые ответственны за удержание самой широкой «институциональной рамки» социального организма. Т.е. например очевидно, что нации для своего функционирования и действия утверждают на подконтрольной территории различного рода корпорации со своими корпоративными КИ, однако все эти КИ обязательно содержат национальную КИ в качестве своего ядра, подчиняясь соответствующим институтам и социальному контролю.

Субъектные сообщества в РФ

Как уже отмечалось, основная масса населения РФ довольно сильно фрагментирована в социальном плане. При спонтанной групповой самоидентификации в опросе ВЦИОМа около трети людей не стали связывать себя ни с каким сообществом, заявив, что они «сами по себе» [24, с.5]. Следующая группа по «самопривязке» – «средний класс» – «притянула» к себе внимание 11% опрошенных. Спонтанно связали себя с такими маркерами, как «граждане России», «русские», «православные» – всего по 4% [24, с.5]. Однако при наличии «подсказок в опросе» через выбор из предопределенных опций к гражданам России себя отнесли уже 57% [24, с.6], к православным – 77% [24, с.9]. Согласно опросу ФОМ не готовы ни с кем кооперироваться все те же 33%, а готовы к объединению усилий с другими людьми 54% взрослых жителей

страны [22]. Притом считают, что большинству людей можно доверять всего около шестой части населения, и около 80% заявили о том, что в отношениях с другими надо быть очень осторожными [22].

Вследствие такой сильной фрагментации социума основными массовыми коллективными идентичностями (КИ) людей, способными породить солидарное действие, оказываются идентичности фундамента человеческой социальности: семья, расширенная семья (родня), круги друзей / коллег / любителей того же хобби. С другой стороны, людям в РФ предлагается система корпораций, которые являются основной формой объединения усилий индивидов для экономических и государственных нужд. Корпорации также обычно формируют свои корпоративные КИ (корпоративная солидарность, «честь мундира»), в которых иерархичность является существенной составной частью. Экономические корпорации закрывают значительную долю экономики РФ, оставляя лишь очень небольшое место для социально-экономических структур другого типа, а также для индивидуального труда. Неэкономические же корпорации во многом «закрывают» политическую деятельность в стране (партии, Администрация Президента), и деятельность по государственному управлению (ФСБ, МВД, суды, прокуратура, другие силовые структуры и различные органы государственной власти). Особое место среди неэкономических корпораций занимают этно-корпорации [13], каждой из которых государством РФ вменено заботится о благосостоянии какого-то этноса (исторически – в соответствии с ленинско-сталинской национальной политикой в СССР). Этно-корпорации бывают у нас двух типов – те, которым дан кусок земли «в кормление» (обычно это республики с так называемым титульным этносом в названии), и те, которые такового куска земли лишены (различного рода диаспоры без территориального ядра). Диаспорам для своего кормления зачастую «разрешено» монополизировать какие-то виды экономической деятельности.

В не массовом сегменте социума РФ можно еще различить кланы, которые в основной своей массе структурируют криминальную деятельность. Притом бывает и так, что в данной форме реализуется также и легальные активности людей, например разные виды обеспечивающих сообществ не корпоративного склада – кооперативы и др. В кланы также зачастую формуются и сети индивидов, занимающих «видные посты» в корпорациях, примером чего может служить известный «кооператив Озеро». В общем-то

как правило практически каждый высокостатусный чиновник / корпоративный деятель обычно формирует свой клан (такие кланы на советском номенклатурном жаргоне назывались словом «обойма»).

В социуме России заметны и некоторые «распределенные КИ», которые иногда способствуют солидарному действию структурно неоформленных групп. Самым «ярким» из них в СМИ, и более широко – в идеосфере, является сообщество, которое можно определить термином «либинтерн». Данное сообщество формируется теми жителями РФ, которые избрали для себя «борьбу за светлый град на холме» против «этих орков с востока» (Светлый град на холме – один из центральных символов гражданской религии США). «Либинтерн» является одним из субъектных «сгустков» в более широком, но уже совершенно не субъектном сообществе, которое называют словом «западники». Другим аналогичным «сгустком», находящимся в стадии «наработки мощи», является «национальная демократия». Помимо данных распределенных субъектных сообществ среди «западников» можно также обнаружить и множество довольно активных в своей субъектности кланов. Также там есть и корпорации.

Через ментальную отстройку от «западников» в социуме РФ конституируется еще одна широкая и несубъектная КИ, которую можно определить термином «антизападники». Два основных крыла «антизападников» – «советские» и «имперцы» – недавно начали конструирование общего сообщества, претендующего на определенную субъектность, что выразилось в возросшей активности дискурсивных атак с этой стороны и на все «западничество» в целом, и на «либинтерн» в особенности. Однако до сих пор субъектные группы в антизападничестве были пока представлены лишь кланами.

Продолжает свое бурное развитие в РФ так называемый «салафитский ислам», или «исламизм». Данная КИ уже вышла за пределы традиционно исламских регионов и этносов: все более и более русских людей становятся активистами данного сообщества. Субъектные группы здесь тоже формируются лишь по типу кланов. Характерной особенностью исламизма является величина силовой его части – в Дагестане и Ингушетии мощи вооруженных исламистских групп хватает на развертывание полноценной партизанской войны против государственных органов (корпораций) РФ.

Активны в развертывании своих общин по стране и различные протестантские конфессии.

Наряду с перечисленными выше долговременными сообществами в социуме РФ периодически возникают ситуационные сообщества – это когда люди объединяют свои усилия при борьбе с какой-либо угрозой своим интересам. Наиболее часто это попытки противодействия разрушению привычной среды обитания (точечные застройки, снос гаражей, вырубка парков, и т.п.), но могут быть и другие «враждебные действия» со стороны кланов / корпораций. Однако гражданский активизм, возникающий в таком «сражении», довольно редко стабилизируется во времени – обычно порожденное «схваткой» сообщество распадается после окончания «боя» [7].

Общие моменты «сборки» социальных частей общества в нечто целое

Как известно, любое различие людей может быть доведено до разрыва, а любой разрыв – до смертельной вражды и войны. Соответственно любая граница существующих коллективных идентичностей в социуме может породить войну, когда субъектные группы с обоих сторон границы начнут активные действия друг против друга, нанося противной стороне значимый ущерб. При этом оказывается, что «разгон» «поляризации на границе» КИ имеет под собой естественные драйверы. При «разгоне вражды» повышается единение «своих», «свои» мобилизуются, начинают больше вкладывать в общее дело. Те из «своих», кто имеет недостаточно «заполненную жизнь», получают шанс «заполнить» ее враждой, обретя для себя жизненный смысл [32]. Таким образом, заинтересованные в «разгоне» вражды на границах своего сообщества могут найтись как среди его руководства, так и среди рядовых участников.

Для удержания единства в сообществе с внутренней границей необходимо найти способы ограничения «разгона» вражды до раскола сообщества. Известные такие способы связаны либо с прямым воздействием на «разгон» через угрозу насилия со стороны внешней достаточно мощной и авторитетной инстанции, либо через установление институциональных ограничений на «разгон» с интенсивностью выше какого-то порога. В свете ранее рассмотренной теории, подобное институциональное ограничение / табу требует установления пределов на интенсив-

ность вражды в трансцендентном некого объемлющего конфликтующие группы сообщества, или, что то же, в сакральной сфере включающей обе стороны конфликта КИ. Т.е. сохранение единства в социальной системе без общей КИ возможно лишь при наличии силовой авторитетной инстанции, которая обычно реализуется в политической системе сообщества как автократ (Фактически мы доказали как теорему положение, что демократия в сообществе невозможна без наличия общей коллективной идентичности определенного качества. Для современных обществ данная теорема формулируется как тезис: демократия невозможна вне национального государства, где нация является тем самым сообществом, которое удерживает среди ее участников табу на вражду выше определенного предела).

Понятно, что общая КИ, объединяющая социальных агентов, будет автократу лишь в помощь. Именно поэтому европейские автократы конца 19-го – начала 20-го вв. начинали свои национальные проекты сами. И то, что именно нация обладает наибольшими мобилизационными возможностями, сильно воздействовало на их выбор того типа общегосударственной КИ, который они запускали в практику своих государств.

«Национальный проект» в РФ

Стремление нарастить мобилизационные возможности своего режима в условиях РФ не чуждо и нашей правящей «верхушке». В связи с этим в последнее время вновь активизировались разговоры о необходимости развития в стране «политической российской нации», что напрямую связано с желанием наших управителей нарастить у населения страны патриотизм, и прочие такие качества. Тут можно также обратить внимание на то, что правящей группе уже удалось относительно сплотить своих «генералов» на основе определенного варианта корпоративной идентичности, вследствие чего у нее возникло естественное желание продвинуть данную идентичность не только внутри корпораций «вниз» по корпоративным статусам, но также и «подключить» к данной КИ пока еще неохваченные корпорации. Цели у такого формирования идентичности достаточно очевидны: текущее состояние мобилизуемости обеспеченных ресурсами групп на защиту режима оставляет желать лучшего, что и хочется поправить нашим «верхам». При этом у них нет никакого желания увеличивать степень равноправия социальных аген-

тов на контролируемой территории, вследствие чего они отвергают подходы социального переустройства общества на основах классического национализма. Именно поэтому ими и был выбран для тиражирования по стране вариант корпоративной КИ в ее державном варианте (что по сути есть КИ открытой корпорации).

Модель державной корпоративной идентичности представлена под названием «цивилизационная идентичность»* в следующей цитате: «Воображение сообществ по цивилизационной модели, несомненно, является … древним. …Эта модель принципиально вертикальна и иерархически организована. Она предполагает наличие локально закрепленного ядра и потенциально безграничной периферии. Цивилизационная идентичность основана на принципе сакральной вертикали: сообщества, образующие ядро, представляются в качестве носителей особых идей и культурных практик, … <что> делает цивилизационную модель потенциально безграничной. Понятие «мы» относится к носителям некой истины, которая потенциально способна объединить все человечество. Эта модель принципиально иерархична, что имеет свои преимущества. Например, она не акцентирует однородность группы по контрасту с аутсайдерами. В силу этого она гораздо более инклюзивна. Однако инклюзивность в данном случае не означает, что все, кто принадлежит к сообществу, равны. Как раз наоборот, ибо степень цивилизованности может варьироваться. Цивилизованность – это качество, которое приобретается со временем, с образованием, с перемещением по ступенькам социальной лестницы и в географическом пространстве. Что тоже важно – эта модель допускает двойную лояльность, поэтому она легко надстраивается над иными идентичностями, которые имеют пространственное и политическое измерение. Наконец, будучи иерархичной, она не настаивает на символическом равенстве ее членов» [19].

Отчеркнем основные отличия того, что предложено к тиражированию по РФ, от того, что обычно связано с формой классического национального государства. Во-первых, в дизайне отсутствует установка на равноправие социальных агентов, что предполагает продолжение теку-

* Имеет смысл обратить внимание на выбор атрибуции определяемой КИ к такому социальному объекту, как цивилизация, хотя и корпорации, и королевства старых режимов, и имперские образования обычно выстраивают свои КИ именно по такой модели. Чего только не сделаешь из уважения к власть имущим, когда с их стороны есть запрос на «государство-цивилизацию».

щих игр со статусами представителей разных корпораций и кланов на неограниченное время в будущем. Произойдет ли когда-либо фиксация иерархии в виде наследуемых статусы сословий? – пока непонятно. Возможно, что «управляемый хаос» статусов более по нраву «социальным дизайнерам» режима, чем стабилизация социального ландшафта. «Бурление статусов» соответственно скажется и на качестве права в стране – какой-либо возможности приближения в закладываемом дизайне к модели так называемого «правового государства» пока не видно.

Следующий момент связан с проработкой связки «люди-территория». Наши верхи уже неоднократно заявляли о своей приверженности первичности территории перед людьми, потому надеяться на включение ими в свои цели развития человеческого капитала как независимой от территории сущности, увы, не приходится. С другой стороны корпоративно-державная КИ предполагает возможность территориальной экспансии.

Соответственно и подбирается актив проекта: сейчас там видны в основном представители этно-корпораций и чиновники, лояльные к идеям сталинской национальной политики.

Некоторые важные отличия развиваемой в РФ «державной идентичности» от классических наций представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительные характеристики нации и державной идентичности РФ

	Нация	Державная идентичность РФ
Суверенитет	Ты – хозяин; вы все вместе тут «главные»	Президент – хозяин; ты вместе с другими служишь Президенту / Родине
Изономия / Равноправие	Ты – один из равных	Ты в системе корпоративных иерархий, отражающих справедливость нашего мира
Устроение	Снизу вверх	Сверху вниз
Институциональный контроль	Общее благо	«Воля суверена»

Понимая устремление правящего сообщества к развитию державной КИ можно также посмотреть на то, а нет ли на «рынке политических предложений» страны чего-то, похожего на формирование нации? Как

уже отмечалось, важным качеством нации является изономия – психологическая установка включенных в сообщество индивидов на равноправие. В плане данного качества обращают на себя внимание, во-первых, различного рода сторонники национальной демократии, и, во-вторых, последователи ислама. И те, и другие опираются на идеи равноправия, и те и другие хотят установления суверенитета своего сообщества над территорией его проживания. Однако если национальные демократы апеллируют к развитию в стране именно классической нации периода Модерна, то умма, предлагаемая последователями ислама, отстаивает архаические принципы общественного устройства.

Интересно также отметить, что у изономии в российском обществе, несмотря на широкое представление идей равноправия в формальных текстах и презентационных слоях общественного сознания, существует довольно сильная блокировка на уровне социального габитуса элитных слоев. В настоящее время данная блокировка может быть представлена в виде следующей глубинной и зачастую неосознаваемой индивидами структуры – «модели ста цветов с исключением»: «Государство РФ является цветником, в котором цветы – это корпорации. Корпорациям, как и цветам, нужен навоз, куда попадает все, что не цветы. Цветы – это то, чего коснулась формующая длань «суверена», их просто так – без «высшего участия» – из навоза не слепишь». Как результат «работы» этой структуры получаем определенного вида социальный расизм, ибо данная структура фиксирует и воспроизводит идентичностный отрыв «людей-в-корпорациях» от «людей-которые-лишь-навоз-для-корпораций», с соответствующим отражением в институциональных полях [13].

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

2. Боринская С.А. Молекулярно-генетическая эволюция человека. Лекция // Полит.ру (Сетевое издание). URL: http://polit.ru/article/2008/05/23/geny/ (дата обращения: 10.04.2014).

3. Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: CORPUS, 2011.

4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.

6. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

7. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

8. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, Наука, 2010.

9. Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика. Харьков. 2010. №3-4.

10. Крупкин П.Л. К теории институциональных полей: Общие моменты // Научный эксперт. 2010. №10.

11. Крупкин П.Л. Нация и этнос: идентичностные модели // Общество и этнополитика. Новосибирск: СибАГС, 2011.

12. Крупкин П.Л. Архетипы социальности // Публичное управление: теория и практика: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2012.

13. Крупкин П.Л. О субъектах «национальной политики» Российской Федерации // Вопросы национализма. 2012. №12.

14. Крупкин П.Л. Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во «ДокНаукДержУпр». 2013.

15. Крупкин П.Л. О контроле за изменением институтов в социорах различного типа // Российская государственность: философско-политическое осмысление и реальность (к 130-летию И.А. Ильина). Владимир: РАНХиГС, 2013.

16. Крупкин П.Л. Об обосновании социального сакральным 2: Идеальные типы элементарных социальных структур // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород: ИД «Белгород», 2013.

17. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. Об обосновании социального сакральным 3: Коллективные идентичности // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород: ИД «Белгород», 2013.

18. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. №4.

19. Малинова О.Ю. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Фонд «Либеральная миссия». URL: http://www.liberal.ru/articles/5797 (дата обращения: 10.04.2014).

20. Марков А. Эволюция человека. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

21. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

22. Ответственность, взаимопомощь и доверие в российском обществе. Опрос ФОМ // ФОМ (Сетевой ресурс). URL: http://fom.ru/obshchestvo/10605 (дата обращения: 10.04.2014).

23. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.

24. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Опрос ВЦИОМ. URL: http://valdaiclub.com/publication/62020.html (дата обращения: 10.04.2014).

25. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ. 1946.

26. Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сочинения. Т.5. М.: ОГИЗ. 1947.

27. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521 (дата обращения: 10.04.2014).

28. Jenkins S.T., Reysen S., Katzarska-Miller I. Ingroup Identification and Personality // Journal of Interpersonal Relations, Intergroup Relations and Identity. 2012. V. 5.

29. Kapogiannis D, Barbey AK, Su M, Krueger F, Grafman J (2009) Neuroanatomical Variability of Religiosity. PLoS ONE. 2009. 4(9): e7180. URL: http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0007180 (дата обращения: 10.04.2014).

30. Social Cohesion Radar: An international comparison of social cohesion / Dragolov G., Ignácz Z., Lorenz J. and oth. Blomberg: Rihn GmbH, 2013.

31. Tajfel, H., & Turner, J. C. An integrative theory of intergroup conflict. // The social psychology of intergrouprelations / W. Austin & S. Worchel (Eds.). CA, Monterey: Brooks/Cole.

32. Taylor Ch. Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. M.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001.

2. Borinskaya S.A. Molekulyarno-geneticheskaya evolyutsiya cheloveka. Lektsiya. Polit.ru (Setevoe izdanie). URL: http://polit.ru/article/2008/05/23/geny/ (data obrashcheniya: 10.04.2014).

3. Burlak S. Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy. M.: CORPUS, 2011.

4. Gellner E. Natsii i natsionalizm. M.: Progress, 1991.

5. Dokinz R. Egoistichnyi gen. M.: Mir, 1993.

6. Kalkhun K. Natsionalizm. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2006.

7. Kleman K., Miryasova O., Demidov A. Ot obyvatelei k aktivistam. Zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoi Rossii. M.: Tri kvadrata, 2010.

8. Krupkin P.L. Rossiya i Sovremennost': Problemy sovmeshcheniya: Opyt ratsional'nogo osmysleniya. M.: Flinta, Nauka, 2010.

9. Krupkin P.L. Evolyutsionnaya teoriya arkhetipov Yunga: arkhetipicheskie momenty v strukture kollektivnoi identichnosti. Publichnoe upravlenie: teoriya i praktika. Khar'kov. 2010. №3-4.

10. Krupkin P.L. K teorii institutsional'nykh polei: Obshchie momenty. Nauchnyi ekspert. 2010. №10.

11. Krupkin P.L. Natsiya i etnos: identichnostnye modeli. Obshchestvo i etnopolitika. Novosibirsk: SibAGS, 2011.

12. Krupkin P.L. Arkhetipy sotsial'nosti. Publichnoe upravlenie: teoriya i praktika: Spetsial'nyi vypusk. Khar'kov: Izd-vo «DokNaukDerzhUpr», 2012.

13. Krupkin P.L. O sub"ektakh «natsional'noi politiki» Rossiiskoi Federatsii. Voprosy natsionalizma. 2012. №12.

14. Krupkin P.L. Arkhetip sakral'nosti. Publichnoe upravlenie: teoriya i praktika: Spetsial'nyi vypusk. Khar'kov: Izd-vo «DokNaukDerzhUpr». 2013.

15. Krupkin P.L. O kontrole za izmeneniem institutov v sotsiorakh razlichnogo tipa. Rossiiskaya gosudarstvennost': filosofsko-politicheskoe osmyslenie i real'nost' (k 130-letiyu I.A.Il'ina). Vladi-mir: RANKhiGS, 2013.

16. Krupkin P.L. Ob obosnovanii sotsial'nogo sakral'nym 2: Ideal'nye tipy elementarnykh sotsial'nykh struktur. Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna. Belgorod: ID «Belgorod», 2013.

17. Krupkin P.L., Lebedev S.D. Ob obosnovanii sotsial'nogo sakral'nym 3: Kollektivnye identichnosti. Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna. Belgorod: ID «Belgorod», 2013.

18. Krupkin P.L., Lebedev S.D. K sakral'nym osnovaniyam lokal'nykh identichnostei v segodnyashnei Rossii: opyt strukturnogo analiza. Sotsiologicheskii zhurnal. 2013. №4.

19. Malinova O.Yu. Mezhdu ideyami natsii i tsivilizatsii: dilemmy makropoliticheskoi identichnosti v postimperskom kontekste. Fond «Liberal'naya missiya». URL: http://www.liberal.ru/articles/5797 (data obrashche-niya: 10.04.2014).

20. Markov A. Evolyutsiya cheloveka. Kn.2: Obez'yany, neirony i dusha. M.: Astrel': CORPUS, 2011.

21. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997.

22. Otvetstvennost', vzaimopomoshch' i doverie v rossiiskom obshchestve. Opros FOM. FOM (Setevoi resurs). URL: http://fom.ru/obshchestvo/10605 (data obrashcheniya: 10.04.2014).

23. Smit E. Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma. M.: Praksis, 2004.

24. Sovremennaya rossiiskaya identichnost': izmereniya, vyzovy, otvety. Opros VTsIOM. URL: http://valdaiclub.com/publication/62020.html (data obrashcheniya: 10.04.2014).

25. Stalin I.V. Marksizm i natsional'nyi vopros. Cochineniya. T. 2. M.: OGIZ. 1946.

26. Stalin I.V. Doklad ob ocherednykh zadachakh partii i natsional'nom voprose na X s"ezde RKP(b) 10 marta 1921 g. Cochineniya. T.5. M.: OGIZ. 1947.

27. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. №1666 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda».

URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521 (data obrashcheniya: 10.04.2014).

28. Jenkins S.T., Reysen S., Katzarska-Miller I. Ingroup Identification and Personality. Journal of Interpersonal Relations, Intergroup Relations and Identity. 2012. V. 5.

29. Kapogiannis D, Barbey AK, Su M, Krueger F, Grafman J (2009) Neuroanatomical Variability of Religiosity. PLoS ONE. 2009. 4(9): e7180. URL: http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0007180 (data obrashcheniya: 10.04.2014).

30. Social Cohesion Radar: An international comparison of social cohesion. Dragolov G., Ignácz Z., Lorenz J. and oth. Blomberg: Rihn GmbH, 2013.

31. Tajfel, H., & Turner, J. C. An integrative theory of intergroup conflict. The social psychology of intergrouprelations. W. Austin & S. Worchel (Eds.). CA, Monterey: Brooks/Cole.

32. Taylor Ch. Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

Т.А. Яшкова

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье представлен краткий анализ идентичности Российской Федерации с начала 90-х годов XX века по начало первого десятилетия XXI века. В работе исследуются основные критерии зарождения и становления идентичности в Российской Федерации на современном этапе. Раскрывается важность предшествующего опыта Российской Империи, а так же развитие политической идентичности в Советском Союзе, и формировании идентичности в различных ее эпостасиях в Российской Федерации. У России существует возможность развития и модернизации по своему собственному «особенному пути» развития. Необходимо найти особый «код» нации, при котором будут учитываться характерные особенности российской ментальности, учитываться религиозные и этнические факторы. Исторический путь развития страны и государства в целом. Насущные проблемы Российской Федерации – суметь сохранить свою систему ценностей и ответить на вопрос о будущей стратегии развития, вернуть себе базовые национально-культурные ориентиры и вселить гражданам России уверенность в завтрашнем дне. Российская Федерации – это особая цивилизационная общность, где во главу развития ставиться как человек, его интересы, так и мировые проблемы в целом.

Ключевые слова:

идентичность, суверенизация, модернизация политическая элита, трансформация, кризис, самосознание, имперская парадигма, империя.

T. Yashkova

CONCEPTION AND FORMATION OF IDENTIFICATION IN THE MODERN RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In this article the author presents a brief analysis of the identity of the Russian Federation since the early 90-ies of XX century to XXI century. The article analyzes the basic criteria of the origin and identity formation at the present stage in the Russian Federation. The author writes about the importance of prior experience of the Russian Empire, as well as the author talks about the development of political identity in the Soviet Union and the formation of identity in its various variations in the Russian Federation. In Russia there is a possibility of development and modernization by their own "special way" of development. Russia should find special "code" of the nation, which will be considered when the characteristic features of Russian mentality, considered religious and ethnic factors. Historical development way of the country and the state should consider in general. There are some pressing problems of the Russian Federation, these problems are Russia should be able to preserve its values and answering the question about the future development strategy to regain basic national cultural landmarks and inspire Russian citizens confidence in the future. Russian Federation is the special civilizational commonality which is central of development as a person and his interests and world problems as a whole.

Key words:

identity, sovereignization, modernization, the political elite, transformation, crisis consciousness, imperial paradigm, empire, autocratic political culture.

С распадом СССР и крушением советской идеологической системы проблема идентичности приобрела особое значение. На волне суверенизации в республиках Российской Федерации активно реанимировались символы этнокультурной общности, создавались новые идеологии этнической солидарности и этнополитической мобилизации. Повседневная этническая идентичность граждан новой России стало значимым элементом социальной идентичности, наиболее мощным и мобильным субъективным маркером политических и социально-экономических изменений.

Возникает вопрос: почему же только в начале 2000-х годов российская политическая элита озаботилась проблемой формирования позитивного образа России. Это связано с тем, что Россия, обретая свою идентичность, пока лишь определяется со стратегией внешнеполитического и внутреннего курса, со своим местом в современной системе международных отношений, обретает ценностные ориентиры и вырабатывает приоритеты в сфере внутренней и внешней политики.

Масштабные преобразования, которые проводятся в Российской Федерации, немыслимы без четкого понимания роли России в мировом сообществе и осознания гражданами собственной, уникальной судьбы. Российская Федерация испытывает сегодня кризис национальной идентичности, то есть утраты Россией своего исторически сложившегося представления о самой себе. Глобальные трансформационные процессы этот кризис усиливают [1; 7].

Однако у России сохраняются реальные возможности найти свой «особый путь» развития и модернизации, отстоять свои национальные интересы, переосмыслить «русскую идею», остается надежда на благоприятный выход из кризиса национальной идентичности. При этом важно учитывать характерные особенности российского гражданского самосознания, которые обусловлены неповторимостью исторического развития страны и судьбы русского народа, его культуры, языка, образа жизни, менталитета, религиозным и этническим факторами, необъятностью территории.

Российская Федерация оказалась в своеобразной цивилизационной ловушке, образованной столетней практикой навязывания российскому государству и народу чужого опыта. В итоге мы пришли к колоссальной дезориентации в основополагающих принципах национального и исторического бытия. Затягивание процесса национального самоопре-

деления чревато утратой Россией своего места и роли в мировых делах. Чрезвычайно важно сегодня вернуться на путь исторической преемственности, оценить качество и возможности российского народа во всем его этническом многообразии.

В целях реализации данной задачи целесообразно осуществить целый комплекс мер, в том числе:

1. Провести в Российской Федерации общенациональную дискуссию по обсуждению путей и механизмов дальнейшего государственного и общественного развития России на 15–40 лет вперед, оценке национальной идентичности;

2. Осуществить широкомасштабную государственную поддержку и развитие русского языка, включая меры политического, экономического и организационного плана, так как русский язык является средством межнационального общения, объединяющим фактором для различных народов России и соотечественников за рубежом;

3. Пересмотреть принципы государственной пропаганды, в том числе с использованием средств массовой информации, сделав упор на развитие духовности, национального самосознания, патриотизма и нравственности, включая создание эффективной системы телерадиовещания для подрастающего поколения.

Любое человеческое сообщество, любая цивилизация или крупная держава, показавшая свою пригодность к истории, основывается на особом, присущем только ей идеале, или центральной, осевой идее. «Без высшей идеи, - совершенно справедливо подчеркивал Ф.М. Достоевский, - не может существовать ни человек, ни нация» [2]. Доминирующие в данной цивилизации образ жизни, формы менталитета, культуры, социальной, экономической и политической организации, философии и религии и т.д., так или иначе, сообразуются с этой высшей идеей или идеалом. Любые идеи, будь то истинные или ложные, овладевают народами в соответствующей, благоприятствующей им исторической, социокультурной и духовно-нравственной сфере. Опыт истории свидетельствует, что, как только начинает подтачиваться духовный и культурный стержни, служащие основополагающими скрепами цивилизации, можно говорить о начале её заката. Всякий строй сохраняет жизнеспособность и эффективность до тех пор пока большинство людей сохраняет веру в его законность, справедливость и эффективность.

При этом необходимо заметить, как имперская сущность наложила свой отпечаток на историю СССР и современной Российской Федерации. Подтверждением тому служит целый ряд точек зрения российских исследователей.

Так согласно С.И. Каспэ, возникновение и развитие империй обусловлено не только субъективными, но и, прежде всего, объективными факторами, противоречиями и конфликтами. Имперские системы – это определенный способ разрешения конфликтогенных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно-мотивированных, политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкретном политическом пространстве политических культур. Ученый полагает, что имперская система сохраняет свою идентичность и существует до тех пор, пока существует имперский центр (культурный, политический, экономический, системный), задающий смысловой горизонт несимметричных социальных интеракций. Деструкция этого центра, вызванная как логикой саморазвития империи, так и внешними воздействиями, приводит империю к краху [3].

По мнению В.И. Пантина, существует целый ряд «полусовременных» империй и имперских образований, которые, несмотря на свой переходный характер, играли и продолжают играть важнейшую роль в процессе модернизации целого ряда великих держав: Франции, Германии, России, Китая. Общие закономерности эволюции и скачкообразной трансформации этих имперских образований имеют принципиальное значение для понимания специфики государственно-политического развития России [4].

Согласно этой модели, имперский тип политической организации принципиально несовместим с долговременной и интенсивной модернизацией, а Россия пытается провести интенсивную, зачастую радикальную, но не системную модернизацию, которая осуществляется в рамках имперской парадигмы не менее, чем три столетия. Одна волна модернизации сменяет другую, а имперская составляющая основу политического развития не только не исчезает, но доминирует (по крайней мере, временами) над остальными его компонентами. Одним из таких периодов доминирования имперской системы ученый называет советскую эпоху.

Империя и имперская парадигма политического развития играют в России большую роль, своеобразно сочетаясь с модернизацией. Наиболее фундаментальной причиной этого является длительное, многовековое столкновение и тесное взаимодействие российской цивилизации с другими цивилизациями, прежде всего, с западной. Это столкновение, с одной стороны, делает неизбежной и необходимой модернизацию, а с другой – восстанавливает, реанимирует имперские механизмы политического развития, используемые в целях сохранения собственной цивилизационной целостности и культурной идентичности.

Ученый В.И. Пантин полагает, что соединение современной цивилизационной теории, концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, современных модернизационных и миро-системных подходов способно привести к созданию новых моделей, объясняющих развитие не только традиционных империй, но и более сложных, иногда весьма необычных имперских образований [4].

На наш взгляд, В.И. Пантин, говоря о том, что «Россия демонстрирует интенсивную и местами радикальную (хотя и несистемную) модернизацию, которая осуществляется в рамках имперской парадигмы не менее, чем три столетия», не берет во внимание уровень издержек обеспечения устойчивости российской империи; наличие глубоких откатов политического развития к авторитаризму и жесточайшей диктатуре. Именно глубина таких реверсивных, попятных движений может объяснить, почему Россия триста лет, переживая периодические модернизации, до сих пор не перестает существовать во многом как империя. Кроме того, сам В.И. Пантин отмечает, что модернизация России не системна, и «имперская» составляющая политического развития не только не исчезает, но временами доминирует над остальными его компонентами» [4].

Для понимания «имперских» механизмов политического развития, по мнению автора, целесообразно рассмотреть специфику российской организации административно-политического управления. По мнению Ю.С. Пивоварова, в России существует особый тип управления – Русская Система. Полиция (в широком смысле слова) обеспечивала в России единство всего механизма управления и контроль над основной массой населения страны. С отменой полиции, как это было сделано при Временном правительстве в 1917 г., империя распалась. Ю.С. Пивоваров

считает, что Русская Система как тип административного управления является для России нормальным, и, опираясь на него, необходимо выстраивать экономику, политику, идеологию [5].

Существенной предпосылкой Русской Системы является господство «самодержавной политической культуры». Ее главная характеристика – властецентричность. Иными словами, власть – ведущее действующее лицо исторического процесса, в ходе которого она лишь меняет свои наименования – царь, император, генеральный секретарь, президент.

С этим тезисом солидарен М.В. Ильин: «Среди многочисленных российских традиций обращает на себя внимание троекратное воспроизведение в отечественной истории самодержавной конфигурации власти... Крайне показательно функциональное тождество царя, генсека и президента во всех трех системах правления. Контуры всех модификаций самодержавной власти, включая советскую, и их действительных культурных образцов, а не идеологических «обманок» – православных, коммунистических или демократических – в целом близки или совпадают» [6].

Продолжая основную линию своей позиции, Ю.С. Пивоваров утверждает, что власть в России всегда персонифицирована, обязательно предполагает определенного ее носителя. В отличие от этого на Западе власть имеет довольно абстрактную природу, она отделена, независима от правителя, не является его личной прерогативой. Вместе с тем реальные административные задачи требуют наличия «посредствующих властей», «подчиненных властей», что для России и составляет принцип разделения властей. Иными словами, «самодержавная» Власть – субстанция и она субстанциальна, а «посредствующие власти» – функции и они функциональны [8].

Именно поэтому в России на протяжении пяти столетий имеет место два параллельных типа высших административных организаций, управляющих страной. Первый – приказы, коллегии, министерства – функциональные органы, «посредствующие», «подчиненные власти», чья сфера деятельности точно определена. Второй тип – Государев двор, Собственная канцелярия, ЦК КПСС, Администрация Президента РФ – органы, осуществляющие связь между «самодержавной властью» и «посредствующими властями», руководят этими властями, направляют их. При этом Двор (Канцелярия, ЦК, Администрация) занимаются всем,

сфера их деятельности и полномочий не ограничена, поскольку они действуют от имени и по поручению неограниченной Власти. В этом коренная специфика русской административной системы [9].

Соперничество различных типов управленческих структур заменяет в России, согласно В.Ю. Ключевскому, партийно-политическую борьбу. В России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений. Неразвитость гражданского общества в России ведет к неразвитости партийной системы, политические партии возникли в стране довольно поздно и не играют значительной роли.

Еще одно существенное свойство русской системы управления – ее неинституциональность. Она объясняется тем, что основным элементом администрации является не «институт», а всякого рода «чрезвычайные комиссии» (ЧК). Если «институт» – орган конституционный, его существование закреплено в основополагающих нормативных актах, он действует в границах правового поля, его функционирование не ограничено во времени, его полномочия четко определены и известны обществу, то «чрезвычайные комиссии» создаются тогда, когда задачи управления не решаются посредством институтов: существование ЧК не закреплено в фундаментальных нормативных актах, для них возможен выход за пределы права, их действия нередко носят закрытый характер. Причина возникновения ЧК, согласно Ю.С. Пивоварову, также связана с господством в России «самодержавной политической культуры», поскольку «Русская Власть» не может допустить становления «правильной» институциональной системы. Такая система была бы вызовом Власти, ограничивала бы ее, ставила под вопрос ее доминирующее положение. В известном смысле Русская Власть и система институтов взаимоисключающие феномены [9]. Так как в России не сложилась правильная «институциональная» система, все задачи управлениям становятся чрезвычайными, соответствующие органы всегда полностью зависят от власти, а не от правовой системы, могут быть легко уничтожены в отличие от институциональных органов. По мнению автора, в современных мировых условиях данная неинституциональность скорее всего может сыграть позитивную роль в разрешении государственных проблем.

Для России в сегодняшней ситуации межцивилизационного взаимодействия и глобализации под флагом Запада важно сохранить свое культурно-цивилизационное лицо, свою идентичность, отстоять свои

ценности, укрепить культурный диалог, достойно участвовать в глобализационных процессах, исходя из интересов Российской Федерации, что послужит фундаментом укрепления отечественной культуры и государственности, а также осуществления модернизационных процессов.

Российской Федерации необходимо вернуть себе статус мирового лидера в создании глобальной цивилизации. Началом данного цивилизационного курса является присоединение Крыма и города – героя Севастополя от 21 марта 2014 года, в результате чего Российская Федерация увеличилась свою территорию до 85 субъектов.

Выступая 18 марта 2014 года перед Федеральным Собранием В.В. Путин заявил: «Крым — это наше общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе. И эта стратегическая территория должна находиться под сильным, устойчивым суверенитетом, который по факту может быть только российским сегодня» [9].

Хотелось бы заметить, что утрата социальной идентичности порождает серьезные проблемы, связанные с глубоким отчуждением человека от общества, с ощущением распада, нестабильности человеческого бытия, с формированием несправедливого общества, которое не существует без опоры на устои, сложившиеся в рамках российской культуры. Выступая в качестве важнейшего условия социально значимой и нравственной деятельности личности и фактора консолидации общества, социальная идентичность способствует осознанию единства социума, пониманию уникальности и ценности его исторического развития, сохранению самобытности русской культуры. Как показывает история, когда в обществе ослабевает национальная и гражданская идентичность, начинаются исторические болезни: смуты, самозванство, экономическое запустение, проигранные войны. Идентичность защищает нацию, культуру, с одной стороны, от энтропийных процессов, с другой – от экспансии и поглощения со стороны других наций, культур.

Насущная задача современной России – суметь сохранить систему ценностей, которую выработали за многие годы наши предки, четко ответить на вопрос о будущности России, найти свою национальную идентичность, тем самым вернуть базовые цивилизационно-культурные ориентиры, дать гражданам уверенность в завтрашнем дне. В свою очередь возрождение страны и ее народа возможно лишь при условии максимального задействования интеллектуального и творческого потенциа-

ла каждого гражданина Российской Федерации. На современном этапе развития Российская Федерация возвращает себе статус региональной и мировой державы.

Литература

1. Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля – 14 марта 2003: Сб. материалов. М., 2003; Ерасов Б.С. Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.

2. Достоевский Ф. Подросток. М.: АСТ, 2005.

3. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.

4. Пантин В. Имперское и современное: антагонизм или синтез? URL: http://www.politstudics.rauniversum.biblio/issuc08.htm (дата обращения: 10.03.14)

5. Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004.

6. Ильин М.В. Традиции в политическом развитии России // Политическая Россия: предмет и методы изучения. Материалы международной интернет-конференции. М., 2001.

7. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

8. Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004.

9. «Россия оказалась на рубеже, от которого не могла отступить» // Русская планета. URL: http://rusplt.ru/policy/Putin-prinal-Krim-8731.html (дата обращения: 20.03.14)

References

1. Globalizatsiya i stolknovenie identichnostei. Mezhdunarodnaya internet-konferentsiya 24 fevralya – 14 marta 2003: Sb. materialov. M., 2003; Erasov B.S. Universalii i samobytnost'. M.: Nauka, 2002.

2. Dostoevskii F. Podrostok. M.: AST, 2005.

3. Kaspe S.I. Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika. M., 2001.

4. Pantin V. Imperskoe i sovremennoe: antagonizm ili sintez? URL: http://www.politstudics.rauniversum.biblio/issuc08.htm (data obrashcheniya: 10.03.14).

5. Pivovarov Yu.S. O nekotorykh istoricheskikh osobennostyakh russkoi politiki. Politicheskaya nauka v sovremennoi Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii: Ezhegodnik 2004. M., 2004.

6. Il'in M.V. Traditsii v politicheskom razvitii Rossii. Politicheskaya Rossiya: predmet i metody izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi internet-konferentsii. M., 2001.

7. Modernizatsiya politicheskikh institutov, protsessov i tekhnologii v usloviyakh globalizatsii. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2012.

8. Pivovarov Yu.S. O nekotorykh istoricheskikh osobennostyakh russkoi politiki. Politicheskaya nauka v sovremennoi Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii: Ezhegodnik 2004. M., 2004.

9. «Rossiya okazalas' na rubezhe, ot kotorogo ne mogla otstupit'». Russkaya planeta. URL: http://rusplt.ru/policy/Putin-prinal-Krim-8731.html (data obrashcheniya: 20.03.14).

А.Г. Караткевич

A. Karatkevich

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

CIVIL SOCIETY UNDER CONDITIONS OF POST-SOVIET TRANSFORMATION: PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL IDENTIFICATION

Аннотация

В статье исследуются проблемы становления гражданского общества в России и других постсоветских государствах. Анализируются отношения граждан к общественно-политической ситуации в условиях трансформации.

Аргументирована позиция, что гражданское общество необходимо рассматривать как совокупность многообразных экономических, духовно-нравственных, религиозных, национальных и других отношений, таким образом, априори предполагается наличие правового государства. Теория «правового государства» заключается в утверждении суверенности народа как единственного источника государственной власти, подчинения государства обществу, строгом соблюдении принципа разделения властей. Доказывается, что процесс строительства демократического, социально-ориентированного общества предполагает сужение сферы государственной регламентации жизнедеятельности граждан, а не наоборот.

Ключевые слова:

гражданское общество, постсоветские трансформации, правовое государство, социальное государство, политическая власть.

Abstract

The article studies the problems of civil society in Russia and other post-Soviet States. Analyses the relationship of citizens to the social-political situation in conditions of transformation.

Argued the position that civil society should be viewed as a set of diverse economic, spiritual, moral, religious, national or other relations, therefore, a priori, assumes the existence of a State of law. The theory of the "rule of law" is confirmation of the sovereignty of the people as the sole source of State power, the subordination of the State to society, strictly respecting the principle of separation of powers. It is proved that the process of building a democratic, socially oriented society involves narrowing the scope of State regulation of the activity of citizens, and not vice versa.

Key words:

civil society, the post-Soviet transformation, rule of law, social state, political power.

Во второй половине XX века развитие гражданского общества стало одной из форм осуществления новейших научных идей общественно-политического прогресса (экономического роста, постиндустриально-

информационного общества), либерализации экономических отношений, социально-политических институтов и политического самоопределения ряда стран Восточной и Центральной Европы и постсоветских государств в направлении трансформации.

Среди современных исследователей гражданского общества и гражданской идентичности можно выделить В.И. Буренко [4], А.А. Горелова [7], О.А. Коряковцеву [9], В.А. Лапшина [10], А.К. Сковикова [20]. Резюмирую позицию ученых отмечу, что гражданское общество, по своей сути, представляет комплекс общественных отношений, относительно самостоятельную совокупность сложившихся форм совместной деятельности людей, включающей в себя преимущественно негосударственные отношения и социальные институты, выражающие и представляющие разнообразные интересы людей. Научная концепция развитого гражданского общества выделяет три основных параметра: равенство перед законом (правовое государство); политическое участие (всеобщие выборы); социальные гарантии (социальное государство) [13, с. 164].

Однако на практике их реализация в идеале в современном мире затруднена. Поэтому проблематика гражданского общества привлекает в последние годы внимание все большего числа людей – от государственных деятелей до простых граждан. Для первых – это важная часть общеполитической стратегии, так как без развитого гражданского общества немыслимо демократическое правовое социальное государство, а именно эта цель определяется как стратегическая для России. Для вторых – это разнообразные формы общественной самоорганизации, включенности в социальное взаимодействие на основе и для удовлетворения разнообразных по содержанию и уровню значимости интересов. В этом контексте отметим, что организационное оформление этих взаимодействий может способствовать становлению реального диалога власти и общества [21].

Мы объясним такой подход с позиции принципов возникновения гражданского общества: развитие политики (политического сознания и политической деятельности), коллективистских (корпоративных) и индивидуальных начал гражданственности и др. Вместе с тем, в этом случае необходимо учитывать действие социального фактора. Так как человек в гражданском обществе включен в многообразные социальные, экономические и политические отношения. Поэтому рассмотрим главные

основы гражданского общества с учетом структуры системной трансформации постсоветских обществ:

1) социоэкономической основой гражданского общества является частная собственность, в первую очередь – средний класс;

2) социополитической основой – многопартийность, прозрачность, открытость политической власти - все общественно-активное население в широком плане;

3) социокультурной основой – уважение традиций, толерантность и терпимость;

4) соционадгосударственные основы гражданского общества – это горизонтальные и вертикальные связи между различными структурами, необычно разросшиеся в результате процессов глобализации.

Необходимыми условиями формирования гражданского общества являются: создание его социальной и правовой основы - наличие правового государства, где государство и граждане равноответственны друг перед другом и перед законом, где все ветви власти и все граждане подчинены нормам права. Без достижения определенной степени политической культуры большей частью населения, общество не способно принять ценности гражданского общества, т.к. не понимает необходимости его существования. Многие исследователи подчеркивают неоднородность политической культуры в российском обществе [15, с. 19-21].

Поэтому гражданское общество как совокупность многообразных экономических, духовно-нравственных, религиозных, национальных и других отношений предполагает наличие правового государства. Теория «правового государства» заключается в утверждении суверенности народа как единственного источника государственной власти, подчинения государства обществу, строгом соблюдении принципа разделения властей. Правовое государство характеризуется верховенством закона над государственными, судебными органами и гражданами, взаимной правовой ответственностью государства и личности [25]. Становление правового государства – длительный процесс, зависящий от многих факторов и, в первую очередь, – социально-экономического развития общества. В тоже время государство в условиях перехода к гражданскому обществу должно быть не только правовым, но и социальным [26]. Накопленный за последние годы опыт подтверждает это.

Показательна история развития социальных государств Западной Европы послевоенного периода, где одним из главных условий их эффективности является наличие гражданского общества, которое призвано контролировать государство в той степени, в которой это необходимо с целью повышения уровня социальной безопасности [12, с. 31-36]. Однако многие исследователи истории развития социального государства связывают расширение масштабов социальной политики западных государств с ростом профсоюзного и социал-демократического движения. Да, действительно этот процесс трудно представить себе вне контекста гражданского общества. В теоретическом плане он взаимосвязан: открытый характер государственной власти; гарантии равенства граждан перед законом; право граждан на участие в государственной и общественной жизни; плюрализм собственности; гражданский мир и др. [27].

В практическом плане вопрос взаимодействия институтов гражданского общества и социального государства в современном мире приобрел особую актуальность. Но путь к построению социального государства возможен только через становление институтов гражданского общества, так же предполагающего контроль за властью через общественную экспертизу, где: учет прав граждан (свобода слова), общественного мнения при принятии политических решений и т.д.

Повышенный интерес, который проявляется сегодня к этой проблеме, не случаен. Он связан с началом трансформации человечества к новому этапу своей эволюции, с возрастанием значения не только идей демократии, но и гуманизма. Теоретически общепризнанно и у нас, и на Западе, что гражданское общество – это относительно самостоятельное от государства объединение людей: семья, школа, церковь, профсоюзы, партии, союзы предпринимателей, творческие союзы, спортивные общества и др. Они являются элементами гражданского общества, наделенными правами самоуправления в области взаимодействия определенных социальных слоев и институтов.

Государство и гражданское общество взаимосвязаны. Эта взаимосвязь проявляется в том, что без государства гражданское общество существовать не может, а государство без развитого гражданского общества не является демократическим. Повсюду там, где есть государство, обнаруживаются элементы гражданского общества. В гражданском обществе доминирует механизм самоорганизации, в государстве – управ-

ления. Отметим, что в условиях трансформации (начало 1990 гг.) тенденции самоорганизации граждан получили развитие. Произошла гуманизация общественно-политической сферы – появилась масса общественных и политических организаций, стали активно создаваться альтернативные и независимые профсоюзы. Подобные процессы характерны для всего постсоветского пространства, где наблюдалась высокая степень политизации структур гражданского общества.

Сравнивая структуру гражданского общества на Западе и в постсоветских государствах, следует признать определенные различия. Прежде всего, разница продиктована различиями экономических отношений, степенью развитости самого института гражданского общества, отличиями российского менталитета от западного, историческими, культурными и религиозными традициями. Развитие гражданского общества практически во всех государствах СНГ в силу объективных причин не может быть повторением ни прошлого, ни современного, ни будущего зарубежного опыта, поскольку происходит в принципиально иных исторических, национальных и цивилизационных условиях. Значит, необходим поиск принципов и форм построения гражданского общества в каждой стране с учетом сложившихся в ней норм. Вместе с тем, многие исследователи (автор статьи также придерживается этого мнения) считают, что развитие гражданского общества на просторах СНГ – это единый процесс, обусловленный общими задачами, которые необходимо решать на данном трансформационном этапе [3, с. 130].

В условиях постсоветской трансформации у зарождающейся рыночной экономики, демократии и гражданского общества не было прочной базы. Массовые организации, созданные в период горбачевской перестройки, мало походили на структуры гражданского общества. В основном они носили протестный характер и оказались не приспособленными к общественной деятельности в условиях всесторонней трансформации, так как отсутствовал соответствующий уровень культуры: политической, правовой, управленческой как сущностной основы политической модернизации.

Нам представляется, что на сегодняшний день институты гражданского общества на постсоветском пространстве успешно развиваются. В каждом социальном слое есть свои общественные организации, свой актив, который пробует решать социальные проблемы. Чрезвычайно многообразны сферы и направления деятельности общественных организа-

ций в России. Вместе с тем, они отличаются по решаемым задачам, выполняемым функциям. В этом плане некоторое представление об этом многообразии дают опубликованные статистические данные Фонда общественного мнения (ФОМ) по проблемам построения гражданского общества в России. По предложенной ФОМ классификации общественные организации можно подразделить на две основные группы.

Первая группа – правозащитные, экологические, потребительские и многие другие – действуют в рамках определенных секторов экономической и социальной жизни общества, отстаивают права индивидов и определенных категорий населения (жителей конкретных городов и регионов, женщин, мигрантов и т.д.). Их основная функция – содействовать решению конкретных проблем, возникающих в жизни общества, поэтому они могут быть названы проблемно-ориентированными.

Другая группа гражданских институтов непосредственно выполняет функцию обеспечения демократического характера политических, социально-экономических отношений и процессов: диалога между властью, обществом и бизнесом, между большими социальными группами. Сфера деятельности таких институтов не ограничивается конкретными проблемами: здесь выявляется и формулируется совокупность социальных интересов и ценностей, вокруг которых могут объединяться массовые социальные общности, а затем соответствующие интересы и ценности транслируются в органы власти. Без подобных институтов невозможно демократическое устройство общества – они образуют основу политической, экономической и социальной демократии и поэтому могут быть названы структурными гражданскими организациями [16, с. 10-11]. К их числу относятся политические партии, СМИ, профсоюзы, предпринимательские организации и др.

Вместе с тем, различные социальные институты соотносятся с различными сферами общественной жизни – социальной, экономической, политической, духовной. Так, например, производственные организации являются социально-организационными институтами экономической сферы, а государство и политические партии – политической. Что касается многочисленных разновидностей добровольных ассоциаций, смыслом деятельности которых является осуществление социальной защиты тех или иных категорий членов общества, они, думается, должны быть отнесены к институтам социальной сферы общественной жизни. Это

обусловлено тем, что проблема социальной защиты относится к области социального взаимодействия между обществом или какой-то отдельной его структурой (например, трудовым коллективом) и личностью, которая и выступает объектом социальной защиты, а также между отдельными различными социальными структурами.

Анализ проявления конфликтности в постсоветских обществах подтверждает, что глубина структурных преобразований, в нашем случае – системной трансформации, указывает на сложность, неоднозначность, неопределенность конфликтных процессов, сопровождающих процесс трансформации общества. Таким образом, процесс системной трансформации в России и др. постсоветских государствах объективно сопровождает противоречия, обнаруживающиеся во взаимодействии государства и гражданского общества. Анализ проблем институционализации социальных практик взаимодействия государства и гражданского общества предполагает выявление субъектов этого взаимодействия и анализ конкретных форм взаимодействия. А.М. Беляев справедливо подчеркивает, что государство способно менять свои отношения с негосударственными структурами, которые приобретают определенные ресурсы, позволяющие им выступать в качестве самостоятельных субъектов социально-политического взаимодействия [1, с. 22].

Ряд других исследователей считают, что устранение стихийности существования и проявления многообразия интересов под эгидой административного вмешательства свидетельствует о переходе к безальтернативному существованию, что подрывает жизнеспособность страны, все сильнее вовлекаемой в процесс глобализации. Нынешний социально-экономический курс, стимулируя адаптацию инновационного типа, не столько модернизирует общество и механизмы его воспроизводства, сколько консервирует традиционализм и олицетворяющие его социально-институциональные связи [7].

На наш взгляд, вряд ли в ближайшее время следует ожидать снижения уровня конфликтности в условиях трансформации общества. Данные социологических исследований показывают, что это происходит так как современное государство не обеспечивает реализации базовых прав граждан. Вместе с тем, в результатах социологических опросов зафиксирована усталость большинства граждан от различного рода политических потрясений. Больше всего массе людей хочется политической стабильно-

сти и порядка. Рынок, не подкрепленный правовыми нормами, лишь добавил хаоса и в экономику, и в общественное сознание. То, что сегодняшнее поколение россиян менее политизировано вовсе не означает, что у него полностью атрофирована потребность в идеологической и политической идентификации. Она сохраняется, но носит не столь простой характер, как 10-15 лет назад, когда идейно-политическая дифференциация рассматривалась: коммунисты – демократы, реформаторы – консерваторы и т.д. Это отчетливо проявилось в исследованиях ВЦИОМ 2004-2007 гг., в ходе которых респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям и терминам, представляющим собой ценностную палитру современной российской политической жизни [17, с. 51].

Данные тенденции хорошо прослеживаются в сводной таблице оценки общественно-политической ситуации в России в 1990 – 2010 гг. Анализ собранной из различных источников информации об оценке общественно-политической ситуации в России позволяет сделать определенные выводы. Более половины российских граждан и в 1990 гг., и сегодня считают, что проводимые преобразования не отвечают интересам большинства российских граждан, однако, критическая оценка своего положения имеет тенденцию к снижению.

Сводная таблица оценки общественно-политической ситуации в 1990-2010 гг.

Заданные вопросы	**Варианты ответа**	**Год**		
		1992	**2004**	**2012**
Соответствуют или нет преобразования интересам большинства населения [11, с.17]	Да	11%	10%	18%
	Нет	66%	66%	59%
	Затрудняюсь ответить	22%	24%	23%
Вы лично выиграли или проиграли от реформ в России [2, с. 13]	Выиграл	**1998**	**2006**	**2010**
		10%	11%	7%
	Не то, не другое	28%	30%	42%
	Проиграл	54%	40%	33%
	Затрудняюсь ответить	8%	18%	18%
Насколько Вы согласны, что дела в стране идут в правильном направлении [14, с. 83]	Полностью согласен	-	**2004**	**2008**
		-	6%	5%
	Скорее согласен	-	20%	28%
	Отчасти согласен	-	37%	40%
	Скорее не согласен	-	19%	11%
	Совершенно не согласен	-	11%	4%
	Затрудняюсь ответить	-	7%	6%
Как Вы считаете, к какому слою общества Вы принадлежите [2, с. 18]	Высший	**1998**	**2006**	**2010**
		0,2%	0,3%	0,5%
	Выше среднего	4%	4%	7%

	Средний	49%	54%	62%
	Ниже среднего	25%	25%	20%
	Низший	12%	10%	7%
	Затрудняюсь ответить	9,8%	6,7%	3,5%
Что, на Ваш взгляд, может скорее обеспечить благополучие России [8, с. 70]	Укрепление «вертикали» власти	-	**2004**	**2009**
		-	31%	31%
	Укрепление гражданских прав и свобод	-	42%	48%
	Не то, не другое	-	13%	8%
	Затрудняюсь ответить	-	14%	12%
Согласны ли Вы с утверждением: «В делах страны многое зависит от простых граждан» [18, с. 50]	Согласен	-	**2001**	**2011**
		-	25%	15%
	Не согласен	-	47%	66%
	Затрудняюсь ответить	-	28%	19%
Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России [15, с. 83]	Хорошая	-	**2006**	**2010**
		-	12%	26%
	Средняя	-	51%	50%
	Плохая	-	23%	8%
	Затрудняюсь ответить	-	10%	8%
Отношение респондентов к политической системе общества [11, с. 20]	Полностью устраивает	**1994**	**2004**	**2012**
		3%	7%	13%
	Изменить радикальным образом	45%	32%	28%
	Недостатки можно устранить реформами	45%	46%	46%
	Затрудняюсь ответить	10%	15%	13%
Государством какого типа Вы хотели видеть Россию [8, с. 71]	Единым, руководители местной власти назначаются из центра	**1998**	**2006**	**2010**
		25%	41%	46%
	С самыми широкими правами местных властей	52%	39%	36%
	Затрудняюсь ответить	23%	10%	19%
Что бы Вы предпочли: свободу личности и меньше безопасности, или то, что обеспечивает больше безопасность, но ограничивает свободу [2, с. 20]	Свобода личности	**1998**	**2006**	**2010**
		20%	27%	32%
	Личная безопасность	70%	52%	51%
	Не знаю	10%	21%	18%
Как Вы считаете, большинство общественных движений, инициатив в современном российском обществе возникает [8, с.70]	«Снизу», независимо от власти	-	**2008**	**2010**
		-	14%	13%
	По инициативе власти	-	32%	30%
	По инициативе оппозиции	-	21%	22%
	По инициативе внешних сил	-	11%	13%
	Затрудняюсь ответить	-	22%	22%
Оценка эффективности различных способов воздействия на власть (сумма цифр по каждому году выше 100%, так как можно было выбрать до трех ответов) [18, с. 53]	Обращение в СМИ	-	**2001**	**2011**
		-	19%	20%
	Обращение в суд	-	18%	19%
	Участие в выборах	-	20%	18%
	Участие в митингах	-	6%	14%
	Участие в забастовках	-	6%	13%
	Участие в обществ. организациях	-	11%	12%
	Участие в политических партиях	-	6%	6%
	Способов влияния на власть нет	-	60%	53%

Если в начале 1990 гг. более половины граждан считали, что они проиграли от реформ, сегодня так считает одна треть. Более половины (60%) – относит себя к среднему слою. Около 50% опрошенных респондентов считает, что благополучие России обеспечит укрепление гражданских прав и свобод, и оценивают политическую обстановку как среднюю. Если в 1990 гг. 70% респондентов выбирали личную безопасность, то есть ограничение прав и свобод государством, сегодня так считает 51%. Вместе с тем, более половины респондентов (несмотря на некоторую тенденцию к снижению) утверждают, что эффективных способов воздействия на власть нет (60% - 2006 г., 53% - 2011 г.). Что касается в целом ситуации с демократией в нашей стране, как подчеркивает В.В. Петухов, то ее по-разному оценивают респонденты различных материальных групп: тот кто выиграл от проводимых реформ, считают Россию демократической страной – 50%, а кто проиграл, считают, что Россию нельзя назвать демократической страной (20%) [18, с. 53].

Очевидно, что интерес к проблеме взаимодействия гражданского общества и государства возрос из-за неспособности государства обеспечить базовые права простого человека на достойную жизнь; отчуждения граждан, общества в целом от власти; накопленного опыта бурных политических акций. По разным данным, готовность к участию в различных акциях протеста не превышает 35-40%. При этом надо иметь в виду, что на вербальном уровне склонность к активным действиям завышена [5, с. 67]. Здесь следует отметить интересный феномен: протестующие выступают не против конкретного решения власти, как во Франции и др. высокоразвитых странах Запада, а против конкретной личности. Неудовлетворенностью нынешней жизнью и обусловлен интерес к поиску механизмов взаимодействия общества и власти. И именно в этом аспекте следует рассматривать слова В.В. Путина: «… демократическое государство должно стать эффективным инструментом самоорганизации гражданского общества» [19], что актуально и для других постсоветских обществ.

Таким образом, строительство демократического, социально-ориентированного, гуманного общества предполагает процесс сужения сферы государственной регламентации жизнедеятельности граждан, а не наоборот. Как удачно подметил О.Ф. Шабров: «Существуют объективные пределы вмешательства государства в дела общества» [23, с. 9]. Государство не должно регламентировать повседневную деятельность структур гражданского общества. Его дело – выработка стратегии, определение приоритетов, темпов развития различных сфер общества, стимулирование активности граждан, защита их прав, достоинства и др. [24].

В заключение отметим - гражданское общество возникает вместе и наряду с государством. Однако это наивысшая стадия и форма человеческой общности. Вышеизложенное высвечивает в другом свете то направление критики, которое основывается на противопоставлении целей и возможностей государст-

ва и гражданского общества в лице неправительственных организаций [22, с. 80]. По-нашему мнению, активизация струк¬тур гражданского общества в условиях глобальных геополитических вызовов может способствовать становлению реального системного диалога, что придаст трансформационным процессам устойчивость и будет обеспечиваться не столько государством, сколько складываться из усилий и устремлений граждан и их самодеятельных формирований.

Становление гражданского общества – длительный процесс. В современной России, да и в целом на постсоветском пространстве, гражданское общество находится еще только в начале долгого и трудного пути.

Литература

1. Беляев А.М. Диалог власти и гражданского общества как условие формирования политической системы современной России // Власть. 2005. №2.

2. Беляева Л.А. Динамика отношения Россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социс. 2011. №10.

3. Бовш В.И. Предпосылки и условия развития гражданского общества в Беларусь. К 10-летию образования СНГ: итоги и перспективы / Под. ред. Е.В. Матусевича. Мн., 2002.

4. Буренко В.И., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзия или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1.

5. Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти // Социс. 2005. №5.

6. Володин А.Г. Россия: Трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации // Политические исследования. 2003. №5.

7. Горелов А.А., Горелова Т.А. Предпосылки становления гражданского общества // PolitBook. 2012. №2.

8. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социс. 2012. №2.

9. Коряковцева О.А., Климов О.А. Тенденции взаимодействия власти и общества в аспекте развития гражданской идентичности молодежи // Youth World Politic. 2013. №1.

10. Лапшин В.А. Проблема человеческого потенциала молодежи и тезаурсный подход // Youth World Politic. 2013. №1.

11. Левашов В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества // Социс. 2012. №12.

12. Люблинский В. Социальная политика в странах запада – пример для России? // Власть. 2008. №11.

13. Медушевский А.Н. Самоорганизация российской общественности // Полис. 2013. №1.

14. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. №2.

15. Никлаус А.А. Особенности современной политической культуры России // Власть. 2010. №11.

16. Общественные организации: глобальные перспективы в мире индивидуализма. Отчет Научного центра социальных технологий. М., 2006.

17. Петухов В.В. Динамика мировоззренческих и идеологических установок Россиян // Мониторинг общественного мнения. 2008. №1.

18. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социс. 2012. №1.

19. Путин В. Стратегия развития России до 2020 года // Российская газета. 2008. 9 фев.

20. Сковиков А.К. Гражданское общество как социально-политический феномен // Теория и практика общественного развития. 2013. №12.

21. Титова Л.Г. Региональный аспект политической активности // Конфликтология. 2010. №3.

22. Храмцов А.Ф. Социальное государство: факторы изменчивости // Социс. 2012. №9.

23. Шабров О. Политико-административное управление в Российской Федерации: состояние и актуальные проблемы // Власть. 2004. №11.

24. Юрков А.А. Политика ненасилия как путь к солидарности // Youth World Politic. 2013. №2.

25. Lukov V. The conceptualization of young people in the twenty-first century: new ideas and approaches // Russian Education and Society. 2013. T. 55. №4.

26. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. 2013. №1.

27. Skovikov A. Women's participation in politics: Ukrainian case // Study of Changing Societies: Comparative and Interdisciplinary Focus. 2013. Vol. 3(7).

References

1. Belyaev A.M. Dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva kak uslovie formirovaniya politicheskoi sistemy sovremennoi Rossii. Vlast'. 2005. №2.

2. Belyaeva L.A. Dinamika otnosheniya Rossiyan k sotsial'no-ekonomicheskim i politicheskim izmeneniyam. Sotsis. 2011. №10.

3. Bovsh V.I. Predposylki i usloviya razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Belarus'. K 10-letiyu obrazovaniya SNG: itogi i perspektivy. Pod. red. E.V. Matusevicha. Mn., 2002.

4. Burenko V.I., Bronnikov I.A. Elektronnoe grazhdanskoe obshchestvo: illyuziya ili real'nost'? (Zarubezhnyi opyt i otechestvennaya praktika. Po-liticheskii aspekt). Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №1.

5. Velikaya N.M. Problemy konsolidatsii obshchestva i vlasti. Sotsis. 2005. №5.

6. Volodin A.G. Rossiya: Trudnosti mezhstadial'nogo perekhoda ili krizis tsivilizatsii. Politicheskie issledovaniya. 2003. №5.

7. Gorelov A.A., Gorelova T.A. Predposylki stanovleniya grazhdanskogo obshchestva. PolitBook. 2012. №2.

8. Kirdina S.G. Grazhdanskoe obshchestvo: ukhod ot ideologii. Sotsis. 2012. №2.

9. Koryakovtseva O.A., Klimov O.A. Tendentsii vzaimodeistviya vlasti i obshchestva v aspekte razvitiya grazhdanskoi identichnosti molodezhi. Youth World Politic. 2013. №1.

10. Lapshin V.A. Problema chelovecheskogo potentsiala molodezhi i tezaursnyi podkhod. Youth World Politic. 2013. №1.

11. Levashov V.K. Novaya real'nost': ekonomicheskii krizis i vybor obshchestva. Sotsis. 2012. №12.

12. Lyublinskii V. Sotsial'naya politika v stranakh zapada – primer dlya Rossii? Vlast'. 2008. №11.

13. Medushevskii A.N. Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti. Polis. 2013. №1.

14. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2012. №2.

15. Niklaus A.A. Osobennosti sovremennoi politicheskoi kul'tury Rossii. Vlast'. 2010. №11.

16. Obshchestvennye organizatsii: global'nye perspektivy v mire individualizma. Otchet Nauchnogo tsentra sotsial'nykh tekhnologii. M., 2006.

17. Petukhov V.V. Dinamika mirovozzrencheskikh i ideologicheskikh ustanovok Rossiyan. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2008. №1.

18. Petukhov V.V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoi modernizatsii Rossii. Sotsis. 2012. №1.

19. Putin V. Strategiya razvitiya Rossii do 2020 goda. Rossiiskaya gazeta. 2008. 9 fev.

20. Skovikov A.K. Grazhdanskoe obshchestvo kak sotsial'no-politicheskii fenomen. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. №12.

21. Titova L.G. Regional'nyi aspekt politicheskoi aktivnosti. Konfliktologiya. 2010. №3.

22. Khramtsov A.F. Sotsial'noe gosudarstvo: faktory izmenchivosti. Sotsis. 2012. №9.

23. Shabrov O. Politiko-administrativnoe upravlenie v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i aktual'nye problem. Vlast'. 2004. №11.

24. Yurkov A.A. Politika nenasiliya kak put' k solidarnosti. Youth World Politic. 2013. №2.

25. Lukov V. The conceptualization of young people in the twenty-first century: new ideas and approaches. Russian Education and Society. 2013. T. 55. №4.

26. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests. Youth World Politic. 2013. №1.

27. Skovikov A. Women's participation in politics: Ukrainian case. Study of Changing Societies: Comparative and Interdisciplinary Focus. 2013. Vol. 3(7).

СТАТЬИ

З.В. Ивановский

Z. Iwanowski

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

CONSTITUTIONAL REFORMS IN LATIN AMERICA AND THEIR POLITICAL CONSEQUENCES (END OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURY)

Аннотация

В статье рассматривается законотворческий процесс в странах Латинской Америки в условиях демократического транзита, анализируются процедура принятия новых конституций и их основное содержание, выделяются общие характеристики Основных законов и их национальные особенности.

Большое внимание уделяется и характеристике реально существующих политических режимом, которые в силу целого ряда объективных и субъективных факторов далеко не всегда соответствуют прописанным в конституциях моделям и находятся в состоянии постоянной эволюции. Ее результаты далеко не однозначны: в некоторых странах речь идет о расширении политического плюрализма и поисках консенсуса, в других сохраняются и даже усиливаются авторитарные тенденции. В итоге действующее законодательство нередко носит формальный характер. Нередко имеет место и обратный процесс: пришедшие к власти демократическим путем популистские лидеры добиваются проведения конституционной реформы в своих интересах.

Ключевые слова:

демократический транзит, конституционный процесс, политический режим, формы государственного устройства, политическая культура.

Abstract

The article discusses the legislative process in Latin America in terms of democratic transition and analyzes the proceedings for the adoption of new constitutions and their main contents, some common characteristics of the basic laws and their national particularities.

Much attention is paid to the characteristics of existing political regimes, which due to a number of objective and subjective factors not always correspond to the models, reflected in the constitutions, and are in a constant state of evolution. The results are heterogeneous: some countries are expanding political pluralism and are searching for national consensus, in other ones authoritarian tendencies are still strong and even are increasing. As a result, the existing legislation is often of a formal character. Sometimes there is a reverse process: populist leaders, who came to power by democratic way, are pressing for constitutional reforms to their advantage.

Key words:

transition to democracy, constitutional process, political system, forms of government, political culture.

Современный законотворческий процесс в Латинской Америке напрямую связан с демократическим транзитом, который закрепил создание новых политических институтов и определил условия их функционирования. Как справедливо указывает боливийский исследователь У.С.Ф. Мансилья, хотя текст конституции, каким прогрессивным бы он ни был, сам по себе, не решит структурные проблемы страны, он может способствовать укреплению социального мира, модернизации политических институтов и норм, непосредственно связанных с государственным аппаратом [38, с. 10]. Именно правовое поле, несмотря на известную формальность, определяет совокупность представительных органов власти, гарантирует свободные и альтернативные выборы и возможность обновления или даже смены политических элит по воле граждан, обеспечивает идеологический и политический плюрализм, открывает возможности для цивилизованного выхода в случае возникновения политических кризисов и конфликтов.

После ликвидации военно-диктаторских режимов в 1980-е годы как в новых демократиях, так и в странах, избежавших авторитарного правления, назрела необходимость пересмотра существовавшей законодательной базы. В ряде случаев были восстановлены или взяты за основу конституции, действовавшие до военных переворотов, в Центральной Америке и в Парагвае демократические институты фактически приходилось создавать заново. Новые конституции вступили в силу в Гондурасе (1982 г.), Сальвадоре (1983 г.), Гватемале (1985 г.), Суринаме (1987 г.), на Гаити (1987 г.), в Никарагуа (1987 г.), Бразилии (1988 г.), Колумбии (1991 г.), Парагвае (1992 г.), Перу (1993 г.), Аргентине (1994 г.), Уругвае (1997 г.), Эквадоре (1998 г.), Венесуэле (1999 г.), Доминиканской Республике (2010 г.). Существенно реформированы Основные законы Панамы (1978, 1983 и 1994 гг.), Никарагуа (1995, 2000 и 2005 гг.), Боливии (1994, 2002, 2004 и 2005 гг.), Гватемалы (1993 г.), Бразилии (1997 и 2005 гг.), Сальвадора (2000 г.), Уругвая (2004 г.), Колумбии (2005 г.) и особенно Чили (1989, 1991, 1997, 2000 и 2005 гг.). В последнее время конституции, радикально пересмотревшие основные общественные устои, одобрены на всенародных референдумах в Эквадоре в сентябре 2008 г. и в Боливии в январе 2009 г. Формально самая старая из ныне действующих – мексиканская Конституция

1917 г., однако за прошедшие десятилетия и в этот документ было внесено несколько сотен поправок.

В большинстве стран проект конституции разрабатывался специальными комиссиями, включающими представителей разнородных политических сил и социальных движений, обеспечено активное участие граждан в его обсуждении, широко использовались печатные и электронные СМИ. Члены специально избранных Конституционных ассамблей обсуждали и принимали тексты конституций постатейно и в ходе продолжительных дебатов. Впоследствии эти документы были одобрены на всенародных референдумах. После вступления новых конституций в силу стало очевидным, что Основной закон не должен включать множества деталей, которые могут найти отражение в органическом или текущем законодательстве, на тексте конституции не должны сказываться конъюнктурные и краткосрочные интересы. Церемония принятия конституции должна стать всеобщим праздником, который сохраняется в исторической памяти народа.

С точки зрения соблюдения процедур в качестве положительного примера можно привести конституционные процессы в Бразилии и Колумбии. Так, в Бразилии проект конституции был разработан специальной комиссией в составе известных юристов, политологов, экономистов, представителей предпринимательских кругов и профсоюзов. Избранная на основе всеобщего и тайного голосования Конституционная ассамблея отражала весь политический спектр общества. Исходный документ вызвал серьезную критику и дорабатывался в тематических комиссиях. Во время всенародного обсуждения проекта было внесено более 10 тыс. предложений. В результате народной инициативы в тексте нашли отражение 122 поправки. Проект Основного закона обсуждался и принимался Конституционной ассамблеей постатейно. Каждый гражданин получил один экземпляр конституции бесплатно [16, с. 48-49; 26].

В Колумбии идея конституционной реформы была выдвинута студенческим движением и одобрена на общенациональном референдуме при поддержке более 90% избирателей, принявших участие в голосовании. В Конституционной ассамблее впервые за всю историю страны была нарушена политическая монополия двух традиционных партий: по итогам голосования правящая в то время Либеральная партия получила 33,7% голосов и 25 из 74 мест, а Консервативная – только 6,8% и пять

мест. Неожиданно большого успеха добился Демократический альянс М-19, созданный на базе одной из леворадикальных военно-политических организаций, прекративших вооруженную борьбу (25,7% голосов, 19 мест). Кроме того, в ассамблее были представлены традиционные левые, христианские общины, индейское население и бывшие партизанские организации (Народно-освободительная армия, Революционная партия трудящихся и Движение им. Кинтина Ламе). Политические партии, общественные организации и рядовые граждане активно участвовали в обсуждении проекта [35, с. 85-86; 3, с. 6-7; 34, с. 47-48]. Созыв Конституционной ассамблеи и принятие нового Основного закона при соблюдении всех демократических норм в значительной степени способствовали стабилизации страны и политической системы в целом. (К сожалению, впоследствии в результате негативного воздействия целого ряда факторов ситуация в стране вновь обострилась.) апротив, в Парагвае практически полная гегемония в Конституционной ассамблее правящей Партии Колорадо, генетически связанной с диктатурой А. Стресснера, относительная слабость и фрагментация оппозиции не позволили в полной мере обеспечить политический плюрализм. Еще более сложная ситуация сложилась в Перу, где конфликт между законодательной и исполнительной властью был разрешен посредством президентского переворота, а Конституционную ассамблею бойкотировало большинство политических партий. Во время референдума избиратели приняли проект конституции незначительным большинством, против высказались 14 из 25 департаментов [11, с. 200; 13, с. 54].

В Венесуэле во время всенародного референдума абсолютное большинство избирателей поддержали предложение президента У.Чавеса об избрании Национальной конституционной ассамблеи, из-за сложившейся конъюнктуры за рамками процесса оказались все оппозиционные силы. Преобладание сторонников У. Чавеса в ассамблее облегчило и упростило задачу президента, сломавшего существовавшую политическую систему [4, с. 34-53].

Сходная тактика применялась и в Эквадоре и Боливии. Лидеры этих государств стремились юридически закрепить основные положения «социализма XXI века» и навязать свою политическую гегемонию, многие решения «продавливались» при помощи административного ресурса. В Боливии проект конституции дебатировался в Конституционной

ассамблее в течение августа 2006 – декабря 2007 года. В октябре 2008 г. под давлением оппозиции и по согласованию с Национальным конгрессом в текст были внесены поправки. На общенациональном референдуме 25 января 2009 г. за предложенный проект проголосовали 61,4% избирателей [18]. 7 февраля 2009 г. на митинге своих сторонников в г. Эль-Альто президент Э. Моралес заявил о вступлении конституции в силу [15]. Как и в Венесуэле, в этих Андских странах конституционные процессы пользовались поддержкой массовых социальных движений, прежде всего, индейского населения, требовавшего более полной интеграции в общество и более активного участия в политической жизни. В обоих случаях реформирование Основных законов вызвало резкую поляризацию электората и массовые протесты оппозиции, выступающей против стремления руководителей страны радикально изменить существующую политическую систему в результате резкого усиления роли государства, ограничения частной собственности и обеспечения прав коренных народностей, проповедующих лозунги «индейского расизма». В Боливии недовольство более развитых регионов с преобладающим белым население вызвало сепаратистские тенденции. В конечном счете, новая конституция не смогла преодолеть региональные и этнические различия и обеспечить национальное единство, в стране сохраняется перманентная нестабильность. Как в Боливии, так и в Эквадоре значительная часть населения связывает с конституционными реформами завышенные социальные ожидания. Несмотря на широкие социальные гарантии и поддержку большинства населения, во всех трех случаях речь идет об усилении авторитарных тенденций, несомненный отпечаток на конституционные процессы налагают личностные качества президентов и их популистская политика.

Процедура принятия конституций не может не отразиться и на их содержании. До конституционных преобразований преобладавшие в регионе президентские республики характеризовались дисбалансом властных полномочий и чрезмерной их концентрацией в руках исполнительной власти. По образному выражению аргентинского политолога К.С.Нино, президент становился избранным королем, его должность была демократичной по форме, однако абсолютистской по содержанию [32, с. 165]. На практике широкие конституционные полномочия президента усиливались гипертрофированным развитием института чрезвы-

чайного и осадного положения, слабостью политических партий и нестабильностью партийных систем, высокой степенью централизации вертикали власти, политической активностью вооруженных сил, фактической неподконтрольностью кабинета министров конгрессу. Персонификации власти способствовали и особенности политической культуры. Пост главы государства чаще занимался в результате государственных переворотов, а не по итогам выборов. Важную роль играли созданные при президенте политические структуры (Советы национальной безопасности, Администрация президента, Президентские советы и др.)

При декларированном принципе разделения властей главы государств наделялись широкими законодательными полномочиями и издавали большое количество нормативных актов. Крайне широко использовался принцип президентского вето как по отношению к принятым парламентами законам в целом, так и к отдельным разделам и параграфам. Многие главы государств могли вмешиваться в деятельность судебной власти, влиять на формирование состава высших судебных органов и отправлять неугодных судей в отставку, создавать собственные вертикальные структуры, назначать губернаторов, которые в свою очередь назначали алькальдов (мэров) и других представителей местной власти либо обеспечивали избрание угодных им лиц. В случае необходимости президенты имели возможность относительно легко распустить парламент.

В результате конституционных реформ в ибероамериканских странах сохранилась президентская форма правления, но в большинстве случаев полномочия глав государств были значительно урезаны. Произошла децентрализация управления и обеспечена автономия (особенно финансовая) местных органов власти, более демократичным стало электоральное законодательство. Повысилась роль и эффективность парламентов, которые стали центром дебатов по ключевым проблемам развития, заметно активизировалась их законотворческая деятельность, усилился контроль парламентариев над исполнительной властью.

Ослаблению властных полномочий главы государства способствовала и смена экономической модели, прежде всего, фактическое прекращение государственного вмешательства в экономику и приватизация госсектора. Благодаря упрощенному механизму импичмента или в результате массовых акций протеста за последние десятилетия досрочно прекратили свои полномочия 16 глав государств [9, с. 27]. Несмотря на усиление

политической нестабильности во всех случаях смена власти в целом происходила в соответствии с конституционными нормами, что нельзя не считать успехом латиноамериканской демократии (исключение составляет только смещение президента М. Селайи в Гондурасе в 2009 г., неоднозначная оценка дается и отставке Ф. Луго в Парагвае в 2012 г.).

Конституционные реформы учитывали и национальную специфику. Колумбийская конституция значительно ограничила чрезвычайные полномочия главы государства, введение которых отныне требует согласия конгресса. Лимитированы и возможности президента проводить собственную финансовую политику, поскольку соответствующие институты получили значительную автономию. Укреплены полномочия демократически избираемых органов власти. Сняты какие-либо ограничения на деятельность политических партий и средств массовой информации. Армия поставлена под полный контроль правительства. Гарантируется секуляризация общества. С особой тщательностью зафиксированы права человека, включая гражданские, политические, социально-экономические и культурные. Разработаны механизмы непосредственного участия граждан в решении наиболее актуальных вопросов [21]. В результате реформы колумбийский режим, по крайней мере, de jure, превратился из ограниченной демократии в плюралистическую представительную демократию с элементами партисипации [6].

Конституционные поправки, принятые в начале 1990-х годов в Чили, лишили президента возможности назначать алькальдов (мэров), которые отныне избираются всеобщим голосованием. Значительно расширены административные и финансовые полномочия местных органов власти, сведены к минимуму возможности вмешательства армии в политику [44, с. 307]. Окончательную черту под авторитарным наследием подвела реформа 2005 г., в результате которой в Конституцию 1980 г. внесено 58 поправок. Срок полномочий президента сокращен с шести до четырех лет без права переизбрания, упразднен институт назначаемых пожизненно сенаторов, главе государства предоставлена возможность назначать и оправлять в отставку главнокомандующих родами войск и корпуса карабинеров (полиции). Совет национальной безопасности отныне ограничивается консультативными функциями, изменены механизмы введения чрезвычайного положения, усилены финансовые полномочия конгресса [31].

Для нейтрализации вмешательства военных во внутриполитическую жизнь, выступавших в течение длительного периода в качестве антисистемного фактора, новые конституции создали условия для установления полного гражданского контроля над вооруженными силами и обеспечили деполитизацию армии. В ряде стран военные, находящиеся на действительной службе, лишены права голоса и не могут вступать в политические партии и социальные движения, силовые структуры возглавляют гражданские лица. Новая военная доктрина аннулирует репрессивные функции вооруженных сил и сводит их роль к защите национального суверенитета и территориальной целостности страны.

Напротив, конституционные реформы в Перу и Венесуэле ликвидировали верхние палаты парламента, главам государств предоставлены полномочия его роспуска, ограничились возможности политического представительства, ослаблены и контрольные функции конгресса, увеличен срок полномочий президента и предоставлено право на его повторное переизбрание. Усилению авторитарных тенденций способствовали и личностные качества тогдашнего президента Перу А. Фухимори и нынешнего президента Венесуэлы У. Чавеса.

Конституционные реформы в целом способствовали укреплению федерализма и подтвердили его историческую оправданность в крупных государствах. В Бразилии Конституция 1988 г. передала в ведение штатов охрану окружающей среды, сохранение флоры и фауны, защиту культурной самобытности и социальную интеграцию наименее обеспеченных слоев. В Аргентине после 1994 г. заметно укрепились экономические полномочия провинций. В Мексике после 1997 г. также усилилась децентрализация власти и укрепились полномочия штатов. Во всех странах постепенно снижается доля налогов, поступающих от субъектов в федеральную казну. В Венесуэле Органический закон 1989 г. передал в ведение штатов сферу образования, культуры, спорта, охрану окружающей среды, общественные работы, защиту прав потребителя и т.д., однако Конституция 1999 г. свела федеративные принципы к минимуму [30]. Как показывают центробежные тенденции в Боливии, в перспективе теоретически нельзя исключить и появления новых федеративных государств.

Латиноамериканский федерализм предусматривает приоритет федерального законодательства и участие субъектов федерации в его реформировании. В Бразилии штаты участвуют в разработке федерального

законодательства, в Мексике – в процессе ратификации конституционных реформ или внесенных Конгрессом союза поправок. В Аргентине влияние провинций опосредованно благодаря их представительству в Сенате во время одобрения необходимости соответствующих реформ, само же реформирование осуществляется специально созванным Конвентом. В Венесуэле штаты практически лишены возможности участия в конституционных реформах. Степень автономности субъектов федерации достаточно высокая в Аргентине, средняя в Бразилии и Мексике и минимальная в Венесуэле. В случае возникновения конфликтов между центром и регионами или между субъектами федерации арбитражные функции в Бразилии, Мексике и Венесуэле берут на себя высшие судебные органы, в Аргентине эти механизмы более диффузны. Участие субъектов в разработке общенациональной политики обеспечивается благодаря их представительству в верхней палате конгресса (за исключением Венесуэлы) [19, с. 121-129; 20, с. 159-167; 22, с. 115-122; 25, с. 25-28].

Политическая организация субъектов федерации определяется федеральными конституциями и конституциями самих государственных образований. Все субъекты имеют собственные законодательные собрания, исполнительную власть возглавляют избранные губернаторы, опирающиеся на административный аппарат. Система судебных органов субъектов устанавливается их конституциями, не противоречащими федеральному законодательству. В целом она однотипна и включает высший суд юстиции штата (провинции), суды первой инстанции, местных и мировых судей [20, с. 159-167].

Для составляющих подавляющее большинство унитарных государств характерны единая система высших органов государственной власти и управления и распространение их юрисдикции на всю территорию страны, наличие единого гражданства, существование единой системы права и осуществление правосудия в рамках централизованной судебной системы на основе единых норм материального и процессуального права. В составе государства отсутствуют отдельные государственные образования, административно-территориальные единицы не обладают политической самостоятельностью и не вступают в договорные отношения с центральной властью, которая передает в их ведение определенные функции и осуществляет полномасштабный контроль. Органы местного самоуправления избираются электоратом соответствую-

щей административно-территориальной единицы согласно конституции для ведения дел местного значения. Определяющим принципом современного унитарного государства становится т.н. бюрократический централизм: все управленческие структуры являются подразделениями и образуют исполнительную вертикаль. Унитарная форма государственного устройства закрепляется конституционно либо в результате прямого указания на его унитарный характер, либо косвенно в виде требования политического единства, либо подразумевается. Многие административно-территориальные единицы сложились еще в период колониальной зависимости и не всегда соответствуют социально-экономическим потребностям развития регионов.

Начиная с конца 1980-х годов в рамках реформирования государства заметно усилился курс на расширение полномочий местных органов власти. В результате политической, административной и финансовой децентрализации повысилась эффективность системы управления, улучшилось предоставление социально значимых услуг, активизировалось участие гражданского общества в принятии решений, сократились административные расходы.

В большинстве стран департаментские (провинциальные) и муниципальные органы обладают функциональной, экономической и административной автономией. Законодательство по управлению административными единицами принимается национальными парламентами, которые регулируют структуру местных органов власти, порядок их функционирования, права и обязанности. Довольно широкая автономия предоставляется городским муниципалитетам, которые имеют право собирать местные налоги, распоряжаться местными доходами, управлять предприятиями, имеющими общественную значимость.

Особая промежуточная форма территориальной организации государства сложилась после 2009 г. в Боливии. Под давлением оппозиции, требовавшей федерализации страны, контролируемая правительством Конституционная ассамблея пошла на широкую децентрализацию государства и установила четыре уровня автономии – департаментскую, районную, муниципальную и коренных народов. Автономия предполагает прямые выборы органов законодательной и исполнительной власти всех уровней, предоставляет им определенные финансовые, налоговые и законодательные права при принятии решений, при этом все террито-

риальные единицы пользуются равными конституционными правами по отношению друг к другу. Самая широкая автономия предоставляется всем 36 этносам, которым гарантируется фиксированное представительство во всех органах власти, возможность вести привычный образ жизни и руководствоваться традиционным правом. Индейским общинам предоставляются в коллективное пользование земельные, лесные и водные ресурсы [23, с. 272, 276, 289-296].

Среди других реформ заслуживает упоминания унификация административно-территориальных единиц в Перу и Колумбии – упразднение особого статуса интендантств, комиссариатов и прибрежных провинций.

Предприняты попытки расширения механизмов прямой и партисипативной (партисипаторной) демократии, предусматривающей более активное непосредственное воздействие граждан на принятие политических решений, не ограниченное участием в эпизодических электоральных процессах. По мнению известных специалистов по конституционному праву, указанная тенденция, с одной стороны, связана с кризисным состоянием партийно-политической структуры многих стран региона. Определенный вакуум политического представительства заполнили популистские лидеры различной политической ориентации. Эти политики подвергли критике (иногда крайне резкой) систему представительной демократии и попытались решить общенациональные проблемы посредством партисипации, опирающейся на прямое участие масс. С другой стороны, в ряде случаев в условиях кризиса представительства сами правящие элиты выразили готовность включить в законодательство элементы прямой демократии, чтобы «выпустить пар» и избежать коллапса демократической системы [47, с. 13-20].

Элементы партисипативной демократии включают плебисциты и референдумы, право на законодательную народную инициативу, возможность в ряде случаев отозвать избранных должностных лиц до истечения срока их полномочий и открытые слушания с участием заинтересованных лиц (cabildo abierto).

Механизмы прямой демократии нашли отражение в последних конституциях Аргентины, Боливии, Колумбии, Эквадора, Парагвая, Перу и Венесуэлы (в Уругвае указанная норма действует с 1934 г.), соответствующие поправки внесены в Основные законы Коста-Рики (2002), Гондураса (2004). Среди иберoамериканских стран элементы прямой демо-

кратии не нашли законодательного отражения только в Мексике и Доминиканской Республике. Тем не менее, только в 10 из 18 государств эти законы применялись на практике. Наиболее значимыми по своим последствиям стали чилийский референдум 1988 г., приведший к отставке А.Пиночета, гватемальский референдум 1999 г., касающийся мирного урегулирования вооруженного конфликта, колумбийский референдум 1990 г. о необходимости принятия новой конституции и 2003 г. о возможности переизбрания президента на второй срок, перуанский конституционный референдум 1993 г., венесуэльский конституционный референдум 1999 г. и референдум 2009 г. о возможности неограниченного переизбрания главы государства, конституционные референдумы 2006 и 2009 гг. в Боливии и 2007 и 2008 гг. в Эквадоре.

Большинство юристов дают положительную оценку использованию элементов прямой и партисипативной демократии как необходимого условия для более активного участия граждан в политике, воспитания толерантности в обществе, снижения социальной напряженности и легитимизации политической системы. В то же время нельзя не учитывать, что при сохранении острых социальных противоречий и высокой степени недоверия к политике эти инструменты нередко могут стать механизмом стихийного выражения социального недовольства, вызвать дестабилизацию страны, установление «плебисцитарной диктатуры» и «тирании большинства», манипулируемого неоавторитарными популистскими лидерами. Адекватное применение этих механизмов, подчеркивает, в частности, директор латиноамериканского отдела Международного института демократии и поддержки выборов (IDEA) Д. Соватто, предполагает наличие демократического государства, гарантирующего фундаментальные права личности, политический плюрализм, свободу выражения и информации, невозможность манипулирования общественным сознанием и обеспечивающего равные условия для обеих сторон [47, с. 40]. В любом случае прямая и партисипативная демократия могут быть лишь одной из дополнительных форм политического участия, гармонично интегрированной в систему представительной демократии.

Для политической стабильности и эффективной деятельности правительства первостепенное значение имеет разработка новых либо трансформация уже существующих государственных институтов. Большинство политологов (в том числе и такие международные авторитеты, как А.Лейпхарт,

Х.Линц, Дж. ди Пальма, С.Мейнворинг, Б.Ламунье и другие) заявляют о преимуществах парламентаризма и об опасности президентской формы правления для консолидации демократии [12, с. 6-29]. В качестве аргументов приводятся более стабильное и успешное функционирование парламентских демократий, малая вероятность конфликтов между законодательной и исполнительной властью, более пропорциональное представительство различных политических сил, гибкое реагирование на меняющуюся ситуацию, поражение большинства президентских режимов во время второй волны демократизации и т.д. [17; 32; 36; 41; 43; 45].

Число сторонников президентской формы правления в академических кругах значительно меньше (Дж. Хартлин, М. Шугарт, Дж. Кэри, Х. Лансаро и другие), однако их аргументы не могут не быть приняты во внимание. По мнению сторонников того или иного варианта президентской модели, прямая поддержка большинства избирателей придает главе государства большую легитимность и повышает его авторитет. Идентификация проводимого курса с определенной личностью и ее персональная ответственность делает политику более предсказуемой. Принцип четкого разделения властей дает возможность создать систему сдержек и противовесов и обеспечивает их взаимный контроль ветвей власти. В конфликтных ситуациях глава государства может выступать в качестве высшего арбитра. Четко ограниченные сроки полномочий президента способствуют большей стабильности политического режима. Роль сильной исполнительной власти заметно возрастает в эпоху радикальных экономических и политических преобразований, требующих нередко оперативного реагирования и принятия решений [29; 37; 42].

Выводы сторонников парламентской формы правления, основанные на богатом статистическом и эмпирическом материале, не лишены основания и кажутся особенно убедительными при изучении западноевропейского опыта. В то же время картина становится менее ясной при анализе политических систем развивающихся стран, в том числе и латиноамериканского региона. В ряде случаев и пропорциональное представительство не гарантирует участия в политическом процессе многих партий либо, напротив, позволяет экстремистским силам выдвигать условия, несовместимые с их влиянием. Маловероятна стабильность парламентской республики в условиях крайне поляризованного общества с антагонистическими интересами различных участников политического процесса.

В то же время многие президентские республики, в том числе и в Латинской Америке, несмотря на все трудности и недостатки, показали свою жизнеспособность. Даже такие известные сторонники парламентаризма, как бразильский исследователь Б.Ламунье, вынуждены признать, что замена президентской формы правления парламентской крайне затруднительна по соображениям политики и культуры [46, с. 138].

В конечном счете, становится очевидным, что нет универсальной модели политической системы, ее относительные достоинства и недостатки определяются исключительно особенностями национальной истории, культурным разнообразием, этническим составом и социально-экономическими факторами.

В зависимости от распределения полномочий между исполнительной и законодательной властью можно выделить четыре основных модели президентской формы правления. Крайне сильная президентская власть представлена гиперпрезидентством. Среди факторов, предопределяющих недостатки этой модели, можно назвать формирование правительства без поддержки населения, невозможность создания нового кабинета министров при падении популярности президента в условиях нового политического консенсуса, конфронтация между политическими партиями и конфликтные ситуации, возникающие между законодательной и исполнительной властью, препятствия на пути формирования коалиций или их политическая нецелесообразность, крайняя степень персонификации власти и т.д. [32, с. 161-174].

Чрезмерные полномочия президента отнюдь не являются гарантией прочности режима и не препятствуют совершению государственных переворотов, если на посту главы государства в силу тех или иных причин оказывается слабая личность, не пользующаяся поддержкой большинства субъектов политики.

Умеренная президентская модель предполагает относительно сбалансированное разделение властей при незначительном усилении полномочий президента за счет парламента, как правило, не предусматривается досрочное прекращение полномочий и роспуск парламента при сохранении возможности импичмента президента.

Полупрезидентство (по терминологии М. Дюверже и Дж. Сартори) или президентско-премьерская республика (по терминологии М. Шугарта) рассматривает президента, избранного на основе всеобщего голосования

на определенный фиксированный срок в качестве главы государства, однако президент разделяет исполнительную власть с премьер-министром, при этом глава кабинета относительно независим от президента.

Еще одна гибридная форма – президентско-парламентская республика – предполагает всенародное избрание главы государства, его существенные полномочия, наличие премьер-министра и одновременно утверждение всех или, по крайней мере, ключевых министров парламентом, что дает возможность избежать крайностей как президентской, так и парламентской модели.

В соответствии с полномочиями ветвей власти, закрепленными в конституции, все президентские республики можно отнести к одной из четырех моделей, однако на практике в зависимости от личности президента и партийного состава парламента такое деление может оказаться достаточно условным. В этой связи известный уругвайский исследователь Х. Лансаро предлагает уточнить типологию президентской формы правления на основе использования дополнительных переменных, подразделяя как президентские, так и парламентские режимы на мажоритарные и плюралистические. При мажоритарном президентском режиме глава государства пользуется исключительными полномочиями и концентрирует в своих руках полноту власти, при плюралистической системе де-юре и де-факто он вынужден делиться властью, соблюдать систему сдержек и противовесов, поскольку властные полномочия распределяются между различными политическими институтами и субъектами политики. В результате при принятии решения глава государства вынужден добиваться консенсуса и идти на необходимые компромиссы. Не всегда в эту схему вписываются популистские лидеры, принадлежащие к мажоритарным, однако отличающиеся по формам легитимации и способам осуществления политической власти [41, с. 15-16].

Опираясь на классические труды Р. Диксона и А. Лейпхарта, при определении степени концентрации власти в руках главы государства Х. Лансаро основывается на четырех переменных:

1) баланс полномочий между президентом и парламентом, определяемый конституционными нормами и другим законодательством, а также межпартийными отношениями;

2) степень децентрализации и автономии, т.е. взаимоотношения между центром и субъектами федерации или между центром и терри-

риально-административными единицами, их относительная политическая и финансовая независимость;

3) особенности функционирования других институтов, в первую очередь регулирующих и контрольных органов (в эту переменную, на наш взгляд, можно было бы включить также избирательные институты, конституционный и верховный суд – З.И.), которые либо зависят от той или иной ветви власти (чаще исполнительной), либо автономны и образуют своего рода треугольник;

4) конфигурация партийно-политической системы, степень ее институционализации, возможность формирования партийного правительства, уровень фрагментации и политической поляризации, роль партий в принятии решений и т.д. [28; 35; 41].

Коалиционные правительства характерны в большей степени для парламентской формы правления, однако необходимость поиска компромисса и заключения коалиций не исключается и при президентской модели. В последнем случае речь идет о предвыборных альянсах и соглашениях, возможности участия в правительстве представителей других партий и фракций, тактических компромиссах президента с руководством парламентских фракций во время прохождения того или иного законопроекта. Коалиции носят более стабильный характер и заключаются, как правило, во время избирательных кампаний на весь срок правления главы государства.

После провозглашения независимости в иберoамериканских государствах под влиянием США сложились различные варианты президентской формы правления, основанной на принципе разделения властей и системе сдержек и противовесов. В процессе перехода от авторитаризма к демократии архитекторы реформ восстановили те или иные формы президентских республик. На принятие соответствующего решения несомненное воздействие оказали исторические традиции и особенности политической культуры, связанные с каудильизмом и касикизмом, персонифицированностью власти и политической ответственности. Важную роль сыграли и социально-экономические факторы, поскольку в большинстве стран (за исключением Чили) переход к демократии осуществлялся в условиях экономического кризиса.

Ряд политических режимов в силу предоставленных главе государства конституционных полномочий (Мексика, Перу) политической практики

(Боливия) или обоих факторов (Венесуэла) с известной долей условности можно отнести к гиперпрезидентским республикам. Большинство остальных стран представлено умеренной президентской формой правления.

В конце прошлого – начале нынешнего века типичным образцом конституционного гиперпрезидентства могла считаться мексиканская политическая система, которая, несмотря на регулярное проведение выборов, мирную передачу власти, политический плюрализм и другие формальные признаки представительной демократии, не без основания квалифицировалась некоторыми отечественными и зарубежными политологами и юристами как конституционный авторитаризм. Вплоть до всеобщих выборов 2000 г. практически неограниченная власть мексиканского президента базировалась на гегемонистской партийной системе и фактическом сращивании и переплетении партийных и государственных функций. Бессменно правившая до 2000 г. и вновь вернувшаяся к власти в 2012 г. Институционно-революционная партия (PRI) превратилась в своего рода КПСС и стала ядром политической системы, хотя ее полномочия и функции формально не закреплены в конституции. Будучи неформальным лидером PRI, президент мог использовать мощную партийную машину во время избирательной кампании и обладал возможностью полностью контролировать законодательную власть. Подавляющее большинство губернаторов штатов и других руководителей местной власти также были членами правящей партии. Мексиканская конституция не допускает переизбрания президента на второй срок, однако, пользуясь неограниченным административным ресурсом, главы государства в течение длительного периода определяли и обеспечивали переизбрание своих преемников. Подобная система смены власти получила образное название «указующего перста» («dedazo»).

Демократизация политической системы Мексики, в конечном счете обеспечившая возможность прихода к власти оппозиции, связана с изменением партийного и электорального законодательства, превращением доминантной партийной системы в трехпартийную, обеспечением прозрачности и конкурентности выборов, независимостью Федерального избирательного института от исполнительной власти, диверсификацией состава парламента, изменением отношений между центром и субъектами федерации, вызванным победой на губернаторских выборах представителей оппозиции и т.д. [1, с. 228-259; 2]

Существовавшие ранее отдельные элементы коалиционного и консенсусного президентства заметно усилились при президентах В.Фоксе (2000 – 2006) и Ф.Кальдероне (2006 – 2012).

Конституционные реформы привели к созданию гиперпрезидентских республик с сильными авторитарными тенденциями в Перу и Венесуэле, где заметно усилены полномочия главы государства. Так, в Перу президент получил возможность распускать парламент и Верховный суд, он является верховным главнокомандующим вооруженными силами и национальной полицией, ему было предоставлено право на повторное переизбрание, а закон о подлинной интерпретации конституции дал возможность тогдашнему президенту А. Фухимори избираться на третий срок. (После ухода А. Фухимори возможность непосредственного переизбрания президента не допускается) [24]. В Венесуэле срок полномочий президента увеличен до 6 лет, главе государства предоставлено право непосредственного переизбрания на второй срок, а после референдума 2009 г. – неограниченное число раз. Президент может распустить Национальную ассамблею, назначает исполнительного вице-президента, руководящего Государственным советом и Федеральным правительственным советом, и (с предварительного согласия парламента) Генерального прокурора [3, с. 67-68].

Усилению авторитарных тенденций способствовали и широкая популярность и личностные качества тогдашнего президента Перу А.Фухимори и нынешнего президента Венесуэлы У. Чавеса. В Боливии и Эквадоре широкие полномочия исполнительной власти связаны в первую очередь с ключевой ролью государственного сектора в экономике и, соответственно, с возможностью распоряжаться по своему усмотрению государственной собственностью.

Благодаря особенностям политической культуры и политического сознания во многих странах гиперпрезидентские режимы нередко устанавливаются на неопопулистской основе. В данном случае, как отмечает Х. Лансаро, в отличие от традиционного популизма, они не всегда опираются на массовые организации, часто носят непартийный или даже антипартийный характер [40, с. 30]. Пользуясь поддержкой населения, неопопулистские лидеры часто идут на резкую смену политического и экономического курса и даже готовы демонтировать существовавшую ранее политическую систему. В большей степени подобные режимы

характерны для стран с традиционной политической культурой и сохраняющимися общинными традициями, высокой долей индейского населения, более низким уровнем образования и экономического развития, однако при определенной конъюнктуре неопопулисты могут прийти к власти не только в подобных государствах. Принято считать, что популистские режимы носят националистический характер, нередко им присущи поиски альтернативных путей, «третьего пути» или обновленной модели социализма (Х. Веласко Альварадо в Перу (1968 –1975), а в конце прошлого и начале нынешнего века – У. Чавес в Венесуэле, Л. Гутьеррес и Р. Корреа в Эквадоре, Э. Моралес в Боливии), однако популистские черты характерны и для многих модернизаторских режимов, проводивших неолиберальную политику (Ф. Коллор ди Меллу в Бразилии, А. Фухимори в Перу, К. С. Менем в Аргентине, А. Урибе в Колумбии и т.д.).

В соответствии с первой и второй моделями в абсолютном большинстве случаев президент остается главой государства и правительства, лично формирует состав кабинета министров и несет политическую ответственность за общее управление страной. Как правило, в состав правительства входят представители правящей партии, однако для обеспечения парламентского большинства или сохранения политической стабильности президент может назначать на руководящие должности в системе исполнительной власти и представителей других партий. В большинстве случаев министры не несут политической ответственности перед парламентом [8; 10; 41].

В отличие от остальных иберoамериканских стран в Аргентине президент назначает главу кабинета министров, сместить которого можно большинством обеих палат конгресса, в Перу – председателя Совета министров. В Перу председатель Совета министров назначается и смещается президентом, в Аргентине глава кабинета также не нуждается в одобрении конгресса, однако может быть смещен по решению депутатов. В обоих случаях состав кабинета формируется президентом с учетом рекомендаций премьер-министра. Официально главой исполнительной власти остается сам президент, который может созвать кабинет, председательствовать на его заседаниях и решает ключевые вопросы. По традиции в Аргентине большими полномочиями внутри кабинета обладает министр экономики [19, с. 100; 24, с. 121-122]. По мнению большинства аналитиков, в обоих случаях глава кабинета на деле явля-

ется еще одним министром, который, независимо от имеющихся полномочий, находится в абсолютной зависимости от президента [39; 46]. Таким образом, речь не идет о третьей модели (президентско-премьерской форме правления), поскольку возможности обоих «квазипремьеров» принимать самостоятельные решения крайне ограничены.

На практике президентско-премьерская республика существует только на Гаити, где взята на вооружение французская модель, в соответствии с которой премьер-министр в случае временной или полной недееспособности президента исполняет его функции, вместе с президентом формирует состав кабинета министров и координирует его деятельность [27].

Конституционные реформы сохранили за президентами достаточно широкие полномочия. В качестве главы государства он олицетворяет нацию и определяет основные векторы внутренней и внешней политики, заключает договоры с иностранными государствами, выступает гарантом конституции и правового государства и является главой исполнительной власти. В его полномочия входит присвоение высших воинских званий и назначение ряда высших должностных лиц – генерального прокурора, генерального аудитора, председателя и директоров Центрального банка (в ряде стран – по предложению или с одобрения парламента или его верхней палаты). Президент может вмешиваться в экономическую деятельность и контролировать работу институтов, представляющих общественный интерес. В ряде стран за ним сохранилось право назначения губернаторов.

Президенту предоставляются полномочия верховного главнокомандующего вооруженными силами, он обеспечивает внутреннюю безопасность, стабильность и территориальную целостность страны, гарантирует ее суверенитет. В случае стихийных бедствий, внутренней нестабильности, иностранной агрессии или состояния войны президент может вводить чрезвычайное, осадное или военное положение и получает дополнительные полномочия, ограничивающее деятельность законодательной власти (в некоторых странах чрезвычайные меры нуждаются в утверждении парламента или его верхней палаты), разрешает временное пребывание иностранных войск на национальной территории.

В определенной степени президент осуществляет и законотворческую деятельность – издает декреты и выступает с законодательной инициативой, представляет на рассмотрение конгресса государственный

бюджет, следит за исполнением налоговой политики и распределением национального дохода и инвестиций, обеспечивает реализацию социальных программ. Глава государства влияет на законодательную деятельность и посредством президентского вето, применимого как к целому закону, так и к отдельным его положениям, определяет очередность или предлагает сроки прохождения законопроекта, имеет право созывать парламент на чрезвычайные сессии или продлевать его работу, а в отдельных случаях (Перу, Боливия) и распускать конгресс. Глава государства может выступить с инициативой проведения плебисцитов и референдумов. Члены кабинета участвуют в парламентских дебатах.

В какой-то мере президент влияет и на судебную власть, поскольку в ряде случаев участвует в формировании Верховного суда, имеет право на предоставление амнистии и смягчение наказаний.

Одной из наиболее дискуссионных проблем структуры исполнительной власти является наличие поста вице-президента, который предусматривается во всех президентских республиках, за исключением Мексики (в Панаме, Коста-Рике и Перу – два, в Гондурасе – три.). В Аргентине вице-президент одновременно является председателем Сената, в Чили на председателя верхней палаты возлагаются обязанности вице-президента в случае необходимости.

Как показывает международный опыт, в президентских республиках вице-президент исполняет обязанности президента в случае досрочного прекращения по тем или иным причинам полномочий главы государства, Часто вице-президент является представителем коалиционной партии, и его кандидатура должна обеспечить претендентам на высшие посты в государстве максимальное количество голосов. На вице-президента возлагаются в основном протокольные обязанности (получение верительных грамот, прием иностранных послов, вручение государственных наград и т.д.).

В большинстве латиноамериканских стран должность вице-президента создана в основном для чрезвычайных ситуаций, в обычных обстоятельствах его обязанности определены недостаточно четко. Функции вице-президента очерчены в Венесуэле: на исполнительного вице-президента, назначаемого президентом, фактически возложены и многие обязанности премьер-министра (руководство Государственным советом, имеющим консультативные функции при президенте, регули-

рование отношений между центром и субъектами федерации, совместное с президентом руководство работой правительства, предложение по назначению и смещению министров, председательство на заседаниях Совета министров после предварительного разрешения президента) [20, с. 238-241]. В Парагвае вице-президент представляет президента на национальном и международном уровнях, участвует в заседаниях Совета министров и координирует взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью. В Аргентине вице-президент (председатель Сената) имеет право голоса при равномерном распределении голосов. Бразильская и перуанская конституции не конкретизируют полномочия вице-президента. Наиболее парадоксальный факт произошел в свое время в Колумбии, когда вице-президент, не имевший четких обязанностей внутри страны, был назначен послом в Испании.

Тем не менее, можно привести и немало положительных примеров, когда вице-президенты в кризисных ситуациях становились главами государства и в какой-то мере обеспечили преемственность власти и хотя бы временную стабилизацию. Так, в Бразилии вице-президенты дважды становились главой государства (Ж. Сарней после смерти Т. Невиса в 1985 г. и И. Франку после импичмента Ф. Коллора в 1992 году), в Парагвае – Ф. Франко после отставки Ф. Луго в 2012 году. Если подбор кандидатуры вице-президента вызван конъюнктурными причинами, он представляет собственную партию, другую фракцию правящей партии или является сильной личностью с собственными политическими амбициями, конфликт между главой государства и его заместителем может привести к осложнению внутриполитической ситуации.

Важным элементом политической стабильности, особенно при отсутствии парламентского большинства президентской партии, в ряде случаев становится коалиционное президентство. В качестве положительного примера нередко приводится Бразилия, политическая система которой базируется на сильной, но сбалансированной президентской власти, многопартийной системе, пропорциональном представительстве и сильном федерализме. Учитывая фрагментацию Национального конгресса, многие президенты были вынуждены проводить компромиссную и гибкую политику, направленную на поиск консенсуса, чаще всего им удавалось добиваться успеха на этом поприще. Тем не менее в бразильском случае «чистота эксперимента» нарушается заключением бесприн-

ципных межпартийных союзов, противоречащих идеологическим установкам их участников, отсутствием императивного вотума и регулярным переходом депутатов из одной парламентской фракции в другую.

Более четко коалиционное президентство функционирует после восстановления демократии в Чили. Существующая биноминальная система, ограничивающая политическое представительство двумя блоками, подвергается резкой критике со стороны миноритарных (преимущественно левых) партий, однако именно эта модель обеспечила политическую стабильность страны, консолидацию демократии и преемственность экономической политики в постпиночетовский период. Примечательно, что в Объединение партий за демократию (CPPD) вошли левые и центристские партии, бывшие ранее соперниками или даже противниками, а в правый Союз ради Чили (UPCh) – бывшие сторонники А. Пиночета, отмежевавшиеся впоследствии от его репрессивной политики. В условиях биноминальной системы президент опирается на поддержку правящей коалиции, однако нередко вынужден идти на компромисс и с правой оппозицией. В случае отмены биноминальной модели возможны перегруппировка политических сил и возникновение новых альянсов, при этом консолидации демократии уже ничто не угрожает.

Самое широкое распространение политика компромиссов получила в Уругвае: политическая целесообразность способствовала использованию различных форм коалиций и в конечном счете изменила политическую систему в целом. В процессе борьбы за политическую власть правящий ныне Широкий фронт (FA), представляющий коалицию левых и левоцентристских сил, превратился в единый субъект политики и обеспечил победу Т. Васкеса на президентских выборах 2004 года. Одновременно соперничавшие ранее традиционные партии Бланко и Колорадо были вынуждены пойти на политический союз. В перспективе уругвайская трехпартийная система вновь может трансформироваться в двухпартийную на новой основе [14].

Как показывает негативный опыт Боливии, политическая целесообразность не должна принимать крайние формы. До Конституции 2009 г. электоральное законодательство предусматривало вместо второго тура избрание президента конгрессом. В результате пропрезидентские коалиции неизменно превращались в правящие, что в течение продолжительного периода обеспечивало политическую стабильность. Тем не менее,

эволюция Левого революционного движения (MIR) и правого Националистического демократического действия (ADN) в сторону центра привела к стиранию различий между этими партиями и центристским Националистическим революционным движением (MNR). В результате, как считает Х. Лансаро, партии утратили функции агрегации, боливийская политическая система стала жертвой политической и идеологической конвергенции, существовавшая партийная структура рухнула и на авансцену вышли новые популистские движения [40, с. 39]. В какой-то мере коалиционное президентство проявляется в Аргентине, Колумбии и других странах.

Конституционные преобразования затронули и парламенты. В президентских республиках на Национальный конгресс возлагаются три основных функции: законотворчество, контроль над исполнительной властью и представительство интересов различных политических сил и социальных групп. До конституционных реформ латиноамериканские парламенты, за небольшим исключением, были скорее представительской, чем эффективно действующей частью политической системы, и не выполняли в должной мере ни одной из возложенных на них функций. Авторитет парламентов оставался довольно низким, они не считались подходящим местом для политической карьеры. За прошедшие десятилетия парламенты пока еще не стали ключевыми субъектами политики во время принятия решений, однако их роль постоянно возрастает. Национальные конгрессы постепенно становятся центром политических и экономических дебатов по важнейшим проблемам развития, принимают активное участие в разработке финансовой, бюджетной и налоговой политики, следят за исполнением годового бюджета, заслушивают и утверждают отчет президента, заметно активизировалась их законотворческая деятельность, усилился их контроль над исполнительной властью.

В Аргентине, Боливии, Бразилии, на Гаити, в Доминиканской Республике, Колумбии, Мексике, Парагвае, Уругвае и Чили законодательная власть представлена двухпалатными, в остальных иберoамериканских странах – однопалатными Национальными конгрессами. В федеративных государствах Сенат выражает интересы субъектов федерации, в унитарных – административных единиц, Палата депутатов (представителей) – общенациональные интересы. В ряде стран обе палаты занимаются законотворчеством, и каждая из них может выступать в качестве контрольной.

В Колумбии в исключительную компетенцию конгресса перешли ключевые экономические вопросы, Национальный конгресс определяет структуру и полномочия министерств и ведомств и других административных органов. В случае необходимости предоставляются чрезвычайные полномочия президенту, однако в любое время и по собственной инициативе конгрессмены могут пересмотреть президентские указы, ратифицировать либо денонсировать договоры и соглашения, заключенные представителями исполнительной власти с государственными и частными компаниями, иностранными державами и международными организациями. Усилились и контрольные функции конгресса, который получает право заслушивать государственных чиновников и представителей частного сектора, физических и юридических лиц, имеет возможность освобождения министров от занимаемой должности в случае их некомпетентности и допущенных правонарушений. В то же время новая конституция более четко определяет критерии профессиональной непригодности конгрессменов и несоответствия их занимаемой должности, а также предоставляет избирателям возможность отзыва депутатов и сенаторов [5, с. 97-107].

Положительные тенденции наблюдаются и в других странах. В Аргентине улучшилось политическое представительство в Сенате – от каждой провинции избираются три сенатора, два от мажоритарной партии и один от следующей за ней по числу голосов политической силы (первого меньшинства). Для обеспечения пропорционального представительства политических сил в Парагвае сенаторы избираются по единому общенациональному округу, однако в данном случае они не представляют свои округа и территории. В какой-то мере функции представительства регионов закрепляются за Палатой депутатов.

Как упоминалось выше, резкое ослабление законодательной власти произошло в Перу и Венесуэле, где в результате конституционных реформ были упразднены верхние палаты парламента [20, с. 186; 24, с. 90]. Новое партийное законодательство существенно ограничило политическое представительство, ослаблены и контрольные функции конгресса.

В условиях т.н. разделенной власти, когда президентская партия не обладает парламентским большинством, прохождение президентских и правительственных законопроектов сопряжено с определенными трудностями. Конгресс может преодолеть президентское вето (в Бразилии – большинством голосов на совместном заседании обеих палат). Парламенты могут устанав-

ливать физическую или умственную недееспособность президента, выдвигать конституционные обвинения против главы государства и добиваться его импичмента. Широкими полномочиями пользуются парламентские комиссии.

Таким образом, как показывает анализ форм правления и полномочий ветвей власти, на практике наблюдается крайняя гетерогенность политических режимов, которые постоянно эволюционируют и модифицируются и не вписываются в традиционные шаблоны. Результаты этой эволюции далеко не однозначны: в некоторых странах речь идет о расширении политического плюрализма и поисках консенсуса, в других де-факто сохраняются и даже усиливаются авторитарные тенденции. На практике нередко важную роль играют по-прежнему неписаные правила и нормы поведения, действующее законодательство носит формальный характер, широко применяются не закрепленные в конституциях средства и методы. Более того, при опоре на традиционную политическую культуру пришедшие к власти демократическим путем популистские лидеры могут добиться проведения конституционной реформы в своих интересах. В результате сложного взаимодействия субъективных и объективных факторов в большинстве стран в той или иной степени заметен разрыв между зафиксированным в конституциях государственным строем и существующей политической практикой.

Литература

1. Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999.

2. Визгунова Ю.И. Мексика: метаморфозы демократии // Латинская Америка, 2007. №2.

3. Дабагян Э.С. Венесуэла: кризис власти и феномен Уго Чавеса. М., 2000.

4. Дабагян Э.С. Венесуэла: траектория политического процесса. М., 2011.

5. Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997.

6. Колумбия: обнадеживающие перемены. М., 2011.

7. Латиноамериканская панорама. Июнь 2012. URL: www.ilaran.ru (дата обращения 01.09.2013).

8. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / Отв. ред. З.В. Ивановский. М., 2000.

9. Мишель Бачелет: Бороться с «эпидемией неравенства». Интервью президента Республики Чили // Латинская Америка, 2007. №3.

10. Орлов А.Г. Президентские республики в Латинской Америке. М., 1995.

11. Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности. Воронеж, 2005.

12. Современная общественная мысль / Отв. ред. З.В. Ивановский. М., 2000.

13. Ткаченко В.А. Феномен Фухимори. Авторитаризм versus демократия. М., 2002.

14. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. М., 2010.

15. Blaustein A.R., Flanz G.H. Constitutions of the Countries of the World. Brazil. Supplement. New York, 1992.

16. Building Democratic Institutions. Party Systems in Latin America / Ed. by S. Mainwaring, T. Scully. Stanford, 1995.

17. Constitución de la Nación Argentina 1994. Santa Fe, 1994.

18. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela 1999. Caracas, 1999.

19. Constitución de la República de Colombia 1991 con reformas hasta 2005. Bogotá, 2005.

20. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos 1917. Texto vigente al 25 de junio de 2009. México, 2009.

21. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia 2009. La Paz, 2009.

22. Constitución Política del Perú 1993. Lima, 1993.

23. Constituição. República Federativa do Brasil 1988. Brasília, 1988.

24. Constituinte e democracia no Brasil hoje. São Paulo, 1985.

25. Constitution de la République d'Haïti. 29 mars de 1987. Port-au-Prince, 1987.

26. Dixon R. Democratic Representation: Reapportionnement in Law and Politics. New York, 1968.

27. Executive Decree Authority / Ed. by J. Carey, M. Shugart. Cambridge, 1998.

28. Fernández Segado F. El Federalismo en América Latina. México, 2004.

29. Gobierno de Chili. URL: www.gobiernodechile.cl (дата обращения 01.09.2013).

30. Institutional Design of New Democracies. Comparative Perspectives from Central-Eastern Europe and Latin America / Ed. by A. Lijphart, C. Waisman. Boulder, 1996.

31. Iwanowski Z. Democratization in Latin America and Russia: a Comparative Analysis. San Diego, 1996.

32. La Constitución de 1991: un pacto político viable? Ed. por J. Dugas. Bogotá, 1993.

33. Lijphart A. Patterns of Democracy. New Haven, 1987.

34. Lijphart A.. Electoral Systems and Party Systems. New York, 1995.

35. Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America. Cambridge, 1997.

36. Mansilla H.C.F. Para entender la Constitución Política del Estado. La Paz, 2005.

37. Onaidía J.M. La Constitución de los argentinos. Análisis y comentario de su texto luego de la reforma de 1994. Buenos Aires, 1994.

38. Presidencialismo, sistema de partidos y reforma política. Cuatro enfoques desde América Latina. La Paz, 2004.

39. Presidentialism and Democracy in Latin America /Ed. by S.Mainwaring, M.S.Shugart. Cambridge, 1997.

40. Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. New York, 1992.

41. The Failure of Presidential Democracy. Baltimore, 1994.

42. The Struggle for the Democracy in Chile / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Lincoln – London, 1995.

43. Tipos del presidencialismo y coaliciones políticas en América Latina / Ed. por J. Lanzaro. Buenos Aires, 2001.

44. Transformación de los sistemas políticos de América Latina / Ed. por W. Hofmeister, J. Thesing. Buenos Aires, 1995.

45. Zovatto D., Marulanda I., Lizarazo A., González R. Democracia directa y referéndum en América Latina. La Paz, 2004.

References

1. Borovkov A.N., Sheremet'ev I.K. Meksika na novom povorote ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya. M., 1999.

2. Vizgunova Yu.I. Meksika: metamorfozy demokratii. Latinskaya Amerika, 2007. №2.

3. Dabagyan E.S. Venesuela: krizis vlasti i fenomen Ugo Chavesa. M., 2000.

4. Dabagyan E.S. Venesuela: traektoriya politicheskogo protsessa. M., 2011.

5. Ivanovskii Z.V. Kolumbiya: gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt ekonomicheskikh i politicheskikh reform v usloviyakh nestabil'nosti. M., 1997.

6. Kolumbiya: obnadezhivayushchie peremeny. M., 2011.

7. Latinoamerikanskaya panorama. Iyun' 2012. URL: www.ilaran.ru (data obrashcheniya 01.09.2013).

8. Latinskaya Amerika i Kariby. Politicheskie instituty i protsessy. Otv. red. Z.V. Ivanovskii. M., 2000.

9. Mishel' Bachelet: Borot'sya s «epidemiei neravenstva». Interv'yu prezidenta Respubliki Chili. Latinskaya Amerika, 2007. №3.

10. Orlov A.G. Prezidentskie respubliki v Latinskoi Amerike. M., 1995.

11. Slin'ko A.A. Perekhod k demokratii v usloviyakh terroristicheskoi voiny i politicheskoi nestabil'nosti. Voronezh, 2005.

12. Sovremennaya obshchestvennaya mysl'. Otv. red. Z.V. Ivanovskii. M., 2000.

13. Tkachenko V.A. Fenomen Fukhimori. Avtoritarizm versus demokratiya. M., 2002.

14. Urugvai v kontekste levogo dreifa: preemstvennost' i peremeny. M., 2010.

15. Blaustein A.R., Flanz G.H. Constitutions of the Countries of the World. Brazil. Supplement. New York, 1992.

16. Building Democratic Institutions. Party Systems in Latin America. Ed. by S. Mainwaring, T. Scully. Stanford, 1995.

17. Constitución de la Nación Argentina 1994. Santa Fe, 1994.

18. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela 1999. Caracas, 1999.

19. Constitución de la República de Colombia 1991 con reformas hasta 2005. Bogotá, 2005.

20. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos 1917. Texto vigente al 25 de junio de 2009. México, 2009.

21. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia 2009. La Paz, 2009.

22. Constitución Política del Perú 1993. Lima, 1993.

23. Constituição. República Federativa do Brasil 1988. Brasília, 1988.

24. Constituinte e democracia no Brasil hoje. São Paulo, 1985.

25. Constitution de la République d'Haïti. 29 mars de 1987. Port-au-Prince, 1987.

26. Dixon R. Democratic Representation: Reapportionnement in Law and Politics. New York, 1968.

27. Executive Decree Authority. Ed. by J. Carey, M. Shugart. Cambridge, 1998.

28. Fernández Segado F. El Federalismo en América Latina. México, 2004.

29. Gobierno de Chili. URL: www.gobiernodechile.cl (data obrashcheniya 01.09.2013).

30. Institutional Design of New Democracies. Comparative Perspectives from Central-Eastern Europe and Latin America. Ed. by A. Lijphart, C. Waisman. Boulder, 1996.

31. Iwanowski Z. Democratization in Latin America and Russia: a Comparative Analysis. San Diego, 1996.

32. La Constitución de 1991: un pacto político viable? Ed. por J. Dugas. Bogotá, 1993.

33. Lijphart A. Patterns of Democracy. New Haven, 1987.

34. Lijphart A.. Electoral Systems and Party Systems. New York, 1995.

35. Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America. Cambridge, 1997.

36. Mansilla H.C.F. Para entender la Constitución Política del Estado. La Paz, 2005.

37. Onaidía J.M. La Constitución de los argentinos. Análisis y comentario de su texto luego de la reforma de 1994. Buenos Aires, 1994.

38. Presidencialismo, sistema de partidos y reforma política. Cuatro enfoques desde América Latina. La Paz, 2004.

39. Presidentialism and Democracy in Latin America. Ed. by S. Mainwaring, M.S. Shugart. Cambridge, 1997.

40. Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. New York, 1992.

41. The Failure of Presidential Democracy. Baltimore, 1994.

42. The Struggle for the Democracy in Chile. Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Lincoln – London, 1995.

43. Tipos del presidencialismo y coaliciones políticas en América Latina. Ed. por J. Lanzaro. Buenos Aires, 2001.

44. Transformación de los sistemas políticos de América Latina. Ed. por W. Hofmeister, J. Thesing. Buenos Aires, 1995.

45. Zovatto D., Marulanda I., Lizarazo A., González R. Democracia directa y referéndum en América Latina. La Paz, 2004..

М. Рахвал

ЯВКА ИЗБИРАТЕЛЕЙ И КАЧЕСТВО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация
Явка избирателей является важным показателем качества демократии, однако, не надо судить о состоянии той же политической системы только через призму участия в выборах. Демократическое государство может нормально функционировать и развиваться, даже если многие граждане не участвуют в выборах. В Швейцарии, явка избирателей в период (1945-2013) выросла на 27 процентных пунктов ниже, чем в среднем по 15 государствам-членам Европейского союза (исследованы были страны Европейского Союза до 2004 года), но качество демократии в Швейцарии было очень высоким - 4 место в мире в 2013 году (рейтинг The Democracy Ranking Association – Вена). Таким образом, подтверждается тезис, что демократическая политическая система может быть оценена очень высоко с точки зрения его качества, хотя большая часть населения не участвует в выборах. В этой связи анализируется зависимость явки избирателей и качество демократии.

Ключевые слова:
политическая система, демократия, избирательное право, явка избирателей, качество демократии, государство-член Европейского Союза, Швейцария.

M. Rachwal

VOTER TURNOUT AND THE QUALITY OF DEMOCRATIC POLITICAL SYSTEM

Abstract
Voter turnout is an important coefficient which signifies quality of democracy. However, the condition of a given political system should not be judged from the angle of electoral participation. A democratic state can function and develop normally, even though many citizens refuse to participate in elections. In Switzerland, the voter turnout for the 1945-2013 research period was lower by 27 per cent than the average turnout of 15 member states of the European Union (the research focused only on the states which had been the EU members before 2004). Yet, the quality of Swiss democracy was very high: ranked in the 4th place world-wide according to the ranking of 2013 developed by The Democracy Ranking Association from Vienna. As a consequence, it can be confirmed that a democratic political system might be highly appraised in terms of its quality, even though a considerable part of citizens do not participate in elections.

Key words:
political system, democracy, general election, voter turnout, quality of democracy, European Union member states, Switzerland.

Participation in elections is one of the most important decisions that manifest civil involvement in a democratic state. Prior to a public election, journalists, politicians and scientists always ponder over possible winners and the voter turnout. The level of electoral participation is often considered the indication of democratic quality. According to this assumption, a high voter turnout denotes that a given state's democracy is in good condi-

tion, while a low participation should be the sign of a crisis. Is the assumption correct? This article is an attempt to explore the aforementioned thesis in greater detail.

The research employed data on voter turnout collected during elections to national parliaments which took place between the years 1945 and 2013. The analysis focused on 16 countries, i.e. 15 member states of the European Union, which belonged to the EU before 2004, and Switzerland. The fundamental source of information about voter turnouts was the data collected by The International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA).

At the outset, the current author has formulated an assumption that voter turnout is an important coefficient which signifies the quality of democracy; however, the condition of a given political system should not be judged from the angle of electoral participation. A democratic state can function and develop normally, even though many citizens refuse to participate in elections.

For the purpose of this work, it was a need to provide definitions for two notions (i.e. "voter turnout" and "quality of democracy"). The voter turnout is a proportion of eligible voters who actually cast their votes during elections. Undoubtedly, it is an indication of citizen's political involvement that reflects public feelings, level of social consciousness as well as confidence in the political elite and election procedures.

Special attention should be paid to the term "quality of democracy" because it is crucial in the context of current considerations. In the contemporary world, (a) democracy begins to denote more than just a feature of political way to organize a society; (b) in the end, quality of democracy is considered to be equivalent to the quality of social life considered as a whole; (c) appraisal of quality of democracy understood in such a way needs to take notice of social inequalities; (d) as a result, it is impossible to reach a high-quality democracy without a considerable range of social equality (10, p. 9).

Many of currently advocated models for the quality of democracy, which form the basis for numerous indices, extend clearly beyond the narrow, politological definition and they identify social and economic dimensions as direct factors that determine the quality of democracy (10, p. 13). As far as the above perspective is concerned, a high-quality democracy in the reality of severe social inequalities seems to be not possible, even if all procedural requirements for democratic political system have been met.

This article employs a rating for quality of democracy which has been developed by The Democracy Ranking Association seated in Vienna. The Democracy Ranking initiative applies the following conceptual formula for defining democracy and measuring the quality of democracy: Quality of

Democracy = (freedom & other characteristics of the political system) & (performance of the non-political dimensions).

The Democracy Ranking model refers to one political dimension and five non-political dimensions, which are:

– Gender (socio-economic and educational gender equality);

– Economy (economic system);

– Knowledge (knowledge-based information society, research and education);

– Health (health status and health system);

– Environment (environmental sustainability).

The Democracy Ranking aggregates the following dimensions with the following weights:

– Politics (50%);

– Gender (10%);

– Economy (10%);

– Knowledge (10%);

– Health (10%);

– Environment (10%).

Further part of this article presents general considerations on the citizen's impact on functioning of contemporary democratic states. It is followed by an analysis of the term "voter turnout", conducted within 15 member states of the European Union and Switzerland. Issues connected with the researches on the quality of democracy are discussed in subsequent section. The considerations conclude with an excerpt from the work on relations between voter turnout and quality of democracy.

Citizens' participation in functioning of contemporary democratic states

Taking into account the criterion of a manner of executing power by the sovereign, the contemporary democracy can be divided into two types: direct democracy and indirect democracy. However, it is worth remembering than some authors distinguish a semi-direct democracy as well (20, p. 16). In the case of direct democracy, decisions are made by the sovereign. As a consequence, political decisions are not made by duly elected representatives, but rather by citizens themselves. Contemporary states are often characterized by the following forms of direct democracy: people's assembly, referendum, plebiscite, popular initiative, people's veto, public consultation, recall, participatory budgeting. On the other hand, indirect democracy, which prevails in the contemporary world, consists in executing power through representatives who have been selected in an election. In such a system, the role of citizens eventually comes down just to the election of representatives. As M. Hansen aptly stated, "in direct de-

mocracy people are the sole ruler, that is they can participate in decision-making processes; in the remaining forms of democracy, however, the only decision which can be made by each person is the election of those, who make the decisions" (6, p. 19).

Hence, in contemporary democratic states elections can be regarded as a very important event because once per couple of years they provide citizens an opportunity to influence a political system. Thanks to the periodical and competitive nature of elections, citizens can point at political parties which will then create a government and define their key policy conditions for the next several years. In order to create a government it is generally required to secure absolute majority of votes in a parliament, which of course strictly depends on the ability to convince the electorate to the party's platform or, rather, the party's marketing strategy (14).

As far as constitutional tradition in Europe is concerned, the parliament is responsible for making a decision to legitimate its authority because its composition has been appointed in free and competitive elections (12, p. 27). As a consequence, a high voter turnout is desirable because it enables the representation organ to invoke its social mandate to make key decisions, including the decisions on introducing new laws. Taking into account the above conditions, it cannot be surprising that decreasing electoral participation arises anxieties about the legitimacy of authorities. As Ola Pettersson stated, "increasingly less citizens appear at ballot boxes" (15, p. 3). A decrease in participation "proceeded quite slowly until the 1990s; since that time the decrease pace has significantly accelerated and the downward trend still continues" (15, p. 5; 19, pp. 44-45).

Voter turnout in the pre-2004 European Union member states

Table 1 presents data on voter turnouts, which have been recorded during elections to national parliaments in the members states of the European Union. The data concerns the years 1945-2013 and it illustrates trends within the space of almost 70 years. Each of the 15 countries, which had been the member states of the EU before 2004, provided information about the number of elections which took place within the period covered by the research. The provided information included also the minimum and maximum turnout values for parliamentary elections, while the last column includes data on average turnout values.

Table 1. Voter turnout in parliamentary elections in the pre-2004 EU member states, 1945–2013

Figures are percentages of the registered electorate

	Number of elections	Minimum	Maximum	Average
Belgium (CV*)	21	89.2	95.1	92.3
Luxembourg (CV*)	15	86.5	92.7	90.0
Austria	21	74.9	96.8	89.0
Italy	18	75.2	93.9	88.1
CV* 1946-1992		87.4	93.9	91.4
Non-CV* 1994-		75.2	86.1	81.6
Denmark	25	80.8	89.3	86.2
Sweden	20	77.4	91.8	85.4
Netherlands	21	73.2	95.6	85.2
CV* 1945-67		93.1	95.6	94.7
Non-CV* 1971-		73.2	88.0	80.4
Germany	18	70.8	91.1	83.1
1949-87		78.5	91.1	87.0
1990 (reunification)		70.8	82.2	76.9
Greece (CV*)	19	62.5	84.5	77.8
Finland	19	65.0	85.1	74.4
United Kingdom	17	59.4	83.6	74.0
Spain	11	68.1	79.8	73.5
France	18	55.4	82.7	72.9
Portugal	14	58.0	91.7	72.5
Ireland	18	62.6	76.9	72.1
EU countries	**275**	**55.4**	**96.8**	**81.7**

*CV – Compulsory voting

Own study based on: International IDEA, Voter Turnout, http://www.idea.int/vt/index.cfm (accessed: 18.03.2014); Voter Turnout since 1945. A Global Report, Stockholm: International IDEA 2002.

In parliamentary elections from 1945 to 2013, the average turnout in the pre-2004 EU member countries has been 81.7 per cent of the registered electorate. In short, an overwhelming majority of citizens have voted in a majority of the elections in which they are eligible to vote (18, p. 18).

Belgium has consistently had a high turnout – in the 21 elections to the national Parliament from 1945 to 2013 an average of 92.3 per cent of the electorate participated, and turnout has never dropped below 89 per cent. In Luxembourg, Austria and Italy, almost ninety per cent of electors have usually voted. At the other end of the continuum, turnout averages 72.1 per cent in Ireland, and below 75 per cent in Portugal, France, Spain, United Kingdom and Finland. Even here, however, to describe turnout as 'low' in a country in which three out of four voters participate in elections is misleading; it would be more accurate to describe turnout as 'less high' or simply as below the EU average (18, p. 18).

In nine of the 15 EU countries, average voter turnout in more than half a century has always been 75 per cent or higher. Only five times in 275 national parliamentary elections has turnout dropped below 60 per cent of the registered electorate; this happened in the UK (2001), in France (2007, 2012) and Portugal (2009, 2011).

Changes in the rules for conducting elections or governing can affect average turnout. Since the Netherlands in 1967 repealed a law making it compulsory for registered electors to vote, turnout has fallen by an average of 14.3 percentage points. The same situation was in Italy after abolished compulsory voting.

From the end of the Second World War until 1959, turnout in the states that were EU members before 2004 averaged 84.7 per cent. In the period of economic boom between 1960 and 1973, turnout was virtually the same, 85.6 per cent. When economic conditions soured due to oil price rises, world recession and inflation, turnout was hardly affected; it averaged 83.9 per cent between 1974 and 1987 (18, p. 19). Turnout has only shown signs of falling since 1988, averaging 76.7 per cent since then (1988-2013). It is worth noting that in recent 25 years there is a marked decline in voter turnout.

Explanations of voter turnout in EU member countries

Political scientists have formulated several hypotheses which concern voter turnout. Election turnout will be higher if members of parliament (MPs) are elected by proportional representation (PR). In this type of elections every vote can helps the voters' choice get into the parliament. By contrast, in first-past-the-post elections, the winner needs just a plurality of the vote, thus causing many votes to be 'wasted'. Proportional representation tends to increase turnout by 9 to 12 percentage points (1, p. 167-181). ‘The reasons are that voters have more choices, that there is less of a wasted-vote problem, and, most important, that parties have stronger incentives to mobilize voters in areas where they are weak’ (7, p. 6). Of the 15 EU member countries before 2004, eleven have a PR electoral system

and two (the UK and France) do not. Germany and Italy have mixed member proportional (MMP) systems.

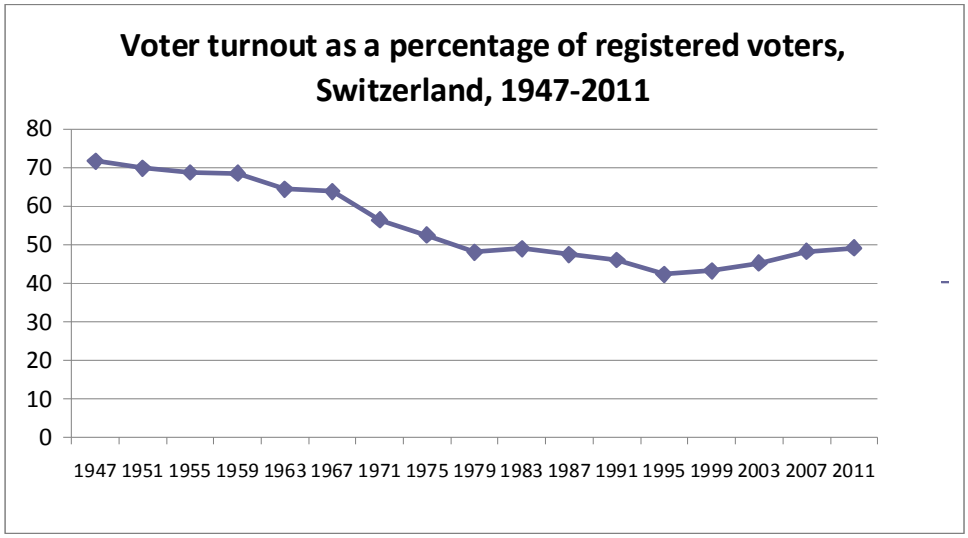
Making voting compulsory ought to make turnout higher than it is in countries where it is voluntary (18, p. 20). In comparative multivariate analyses, compulsory voting has been found to rise turnout by 7 to 16 percentage points (8, p. 8). However, the obligation to vote usually involves 'soft compulsion', for penalties can be light or not enforced . Moreover, even if voting is voluntary, many electors may have internalized cultural norms of civic participation, thus reducing the impact of compulsion. Belgium, Luxembourg and Greece have consistently sought to make voting compulsory; the Netherlands had compulsory voting up to and including the 1967 election (11, p. 9-10). In this country, a large downward trend in turnout took place following the abolition of compulsory voting in 1967. In Italy voting was compulsory until 1992.

Where citizens have lived all their lives in a democratic system turnout is higher than in new democracies such as Spain, Portugal and Greece (18, p. 21). Calling elections on a rest day also raises turnout (5, p. 226-230). If an election is held on a Saturday or Sunday, or election day is a public holiday, the free time in which employed electors can vote is greatly increased. At least one day of voting is a rest day in nine pre-2004 EU countries - Austria, Belgium, France, Germany, Greece, Italy, Luxembourg, Portugal and Sweden. In the other six, employed electors are expected to make time to vote in addition to meeting their workday obligations (18, p. 20).

Voter turnout in Switzerland

Switzerland is famous for its many referendums and for this form of direct democracy, but its voter turnout is the lowest in Western Europe and one of the lowest in the world. The average turnout at parliamentary elections in Switzerland was almost 55 per cent in the years 1947-2011. From a turnout of almost 72 per cent in 1947, the lowest ever - 42 per cent - was recorded in 1995, and at the most recent parliamentary election, in 2011, it was approximately 49 per cent. The trend is clearly declining: every decade since the 1940s, turnout has fallen by a few percentage points. Only during last three elections (2003, 2007, 2011) voter turnout was a little higher.

Figure 1. Voter turnout in Switzerland, 1947-2011



Own study based on: International IDEA, Voter Turnout, http://www.idea.int/vt/index.cfm (accessed: 18.07.2014).

Compulsory voting was formerly practiced in Switzerland. Once it was abolished, a few cantons decided to continue this practice but today only the canton of Schaffhausen has compulsory voting (as it has had since 1904).

Why voter turnout in Switzerland is low? I think that we can formulate at least three hypotheses:

– According to citizens, economic and political situation in state is correct so there are not reasons to vote and change situation;

– Citizens can change political decisions between elections thanks of large part of direct democracy. In another country electors usually can only vote and make decision in elections; in Switzerland citizens still have power and control over undertaking decision. So the parliamentary elections are one of many voting only.

– Turnout is seriously depressed by having very frequent elections. This factor can account for the low turnout in Switzerland, where there are 6 to 7 voting days per year (7, p. 6).

The quality of democracy

The Democracy Ranking which is made by The Democracy Ranking Association refers to countries with a population of one million or more and that are classified by Freedom House as "free" or at least as "partly free" .

For the recently published Democracy Ranking 2013 a total of 115 countries have been evaluated using a scientifically valid and multidimensional approach that integrates political and non-political aspects of society, such as freedom, gender, economy, knowledge, health, and the environment (Progress…).

Quality of democracy is best in Europe. Nine of the Top-Ten-states are located there. Again, the Scandinavian model scored highest. Below is presented ten countries with the highest quality of democracy:

1. Norway (88.3 points);
2. Sweden (87.0);
3. Finland (86.7);
4. Switzerland (85.9);
5. Denmark (84.4);
6. Netherlands (83.5);
7. Germany (82.2);
8. New Zealand (81.5);
9. Austria (81.2);
10. Belgium (81.1).

Table 2 presents the quality of democracy rating for the countries which have been analysed in the current study . Information included in the table reflects the rating of a given country as well as an overall score for the years 2008-2009 and 2011-2012. What is more, the last column illustrates changes in the ranking.

Table 2. Democracy Ranking 2013 (Scores)

Rank	**Country**	**Total Score**	**Total Score**	**Rank Change**
2011-2012		**2008-2009**	**2011-2012**	**Loss/gain**
2	Sweden	86.9	87.0	0
3	Finland	86.0	86.7	0
4	Switzerland	84.9	85.9	0
5	Denmark	83.9	84.4	0
6	Netherlands	82.9	83.5	0
7	Germany	81.1	82.2	+2
9	Austria	79.7	81.2	+4
10	Belgium	79.1	81.1	+4
11	Ireland	81.4	80.9	-3
14	United Kingdom	80.1	79.9	-4
16	France	77.2	78.2	+1
17	Spain	77.9	76.9	-1

18	Portugal	75.3	75.7	0
29	Italy	71.8	71.2	-3
37	Greece	69.9	67.5	-4

Source: D.F.J. Campbell, P. Pölzlbauer, T.D. Barth, G. Pölzlbauer, Democracy Ranking 2013 (Scores), Vienna 2013.

Conclusion

Quality of democracy requires analyses that extend beyond purely procedural and electoral aspects. However, the analyses cannot be comprehensive without paying attention to the quality of social life considered as a whole. Apart from the features of a political system, the rating for quality of democracy, which has been employed in this study, takes notice of 5 other factors, such as: gender, economy, knowledge, health and environment.

The conducted research allowed verifying the assumption that voter turnout is an important coefficient which signifies the quality of democracy. However, the condition of a particular political system should not be judged from the angle of electoral participation. A democratic state can function and develop normally, even though many citizens refuse to participate in elections. Switzerland is a very good example of a country that substantiates the research assumption. In this country, voter turnout ranks among the lowest world-wide and it is significantly lower than voter turnouts of the other EU member states covered by the research (average voter turnout for the EU member states amounted to almost 82 per cent, while in Switzerland it was just 55 per cent). Nevertheless, in the ranking of the quality of democracy developed by The Democracy Ranking Association, Switzerland took the very high 4th place, just after Norway, Sweden and Finland. It is worth noticing here that Finland was also highly appraised in terms of the quality of democracy (the 3rd place world-wide), even though the voter turnout rate of this country was over 7 per cent lower than the average rate of the EU member states considered in the research.

Hence, the voter turnout in Switzerland during the analysed period was lower by 27 per cent than the average voter turnout of the 15 member states of the European Union. Yet, the quality of Swiss democracy is very high. Dominant part of the Swiss citizens does not participate in elections because it favourably appraises the social and political system and does not see any reason for thorough reforms. What is more, it is worth remembering that direct democracy mechanisms play a great role in this country, allowing Swiss citizens to influence on decision-making process at any moment. Therefore, it can be confirmed that a democratic political system might be highly appraised in terms of its quality, even though a considerable part of the citizens does not participate in elections.

References

1. Blais A., Carty R.K. Does proportional representation foster voter turnout? European Journal of Political Research. 1990. Vol. 18, Issue 2.

2. Campbell D.F.J. The Basic Concept for the Democracy Ranking of the Quality of Democracy, Vienna: Democracy Ranking. 2008.

3. Campbell D.F.J., Pölzlbauer P., Barth T.D., Pölzlbauer G. Democracy Ranking 2013 (Scores), Vienna. 2013.

4. Feasibility Study for a Quality Ranking of Democracies, D.F.J. Campbell and M. Sükösd (editors), Vienna. 2002.

5. Franklin M.N. Electoral Participation, in: Comparing Democracies: Elections and Voting in Global Perspective, Laurence LeDuc, Richard G. Niemi, and Pippa Norris (editors), Thousand Oaks, CA: Sage. 1996.

6. Hansen M.H. Demokracja ateńska w czasach Demostenesa. Struktura, zasady i ideologia, Warszawa. 1999.

7. International IDEA, Voter Turnout. URL: http://www.idea.int/vt/index.cfm (accessed: 18.03.2014)

8. Lijphart A. Unequal participation: democracy's unresolved dilemma. The American Political Science Review. 1997. Vol. 91. №1.

9. Lijphart A. The problem of low and unequal voter turnout – and what we can do about it, „Reihe Politikwissenschaft. Political Science Series. 1998. №54.

10. Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna: uwagi koncepcyjne i ilustracje empiryczne, in: Jakość naszej demokracji. Społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego, B.W. Mach (editor), Warszawa. 2012.

11. Malkopoulou A. Lost Voters: Participation in EU elections and the case for compulsory voting. Centre For European Policy Studies Working Document. 2009. №317/July.

12. Marszałek-Kawa J. Parlament Europejski a parlamenty narodowe, in: Integracja europejska na początku XXI wieku. Wybrane problemy, R. Fiedler (editor), Poznań. 2004.

13. Methodology and Types of Electoral System, in: Voter Turnout in Western Europe since 1945, Stockholm: International IDEA. 2004.

14. Ossowski S. W kierunku urynkowienia. Zagrożenia dla liberalnej demokracji w Polsce, Poznan. 2011.

15. Pettersson O. Rola instytucji publicznych i organizacji pozarządowych w przekazywaniu obywatelom informacji o wyborach – przykłady działań z różnych krajów, Warszawa. 2009.

16. Progress in world's democratic quality: Democracy Ranking 2013, Vienna 2013, http://democracyranking.org/wordpress/ranking/2013/data/ Press-Release_Democracy%20Ranking%20v10.12.2013-2013%2012%2012-FINAL%20a4.pdf (accessed: 16.03.2014).

17. Puddington A., Freedom in the World 2013. Democratic Breakthroughs in the Balance, http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW%202013%20Overview%20Essay%20for%20Web.pdf (accessed: 17.03.2014).

18. Rose R. Voter Turnout in the European Union member countries, in: Voter Turnout in Western Europe since 1945, Stockholm: International IDEA. 2004.

19. Russel R.J. Citizen politics: public opinion and political parties in advanced industrial democracies, New Jersey. 1996.

20. Uziębło P. Inicjatywa ustawodawcza obywateli w Polsce na tle rozwiązań ustrojowych państw obcych, Warszawa. 2006.

21. Voter Turnout since 1945. A Global Report, Stockholm: International IDEA. 2002.

Ф.И. Шарков

F. Sharkov

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА - ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

POLITICAL CONSCIOUSNESS - POLITICAL PRACTICES - POLITICAL COMMUNICATION

Аннотация

Рассматривается сущность политической коммуникации на современном этапе развития общества. Автор отмечает зависимость политического сознания и политической коммуникации. Управление политическими коммуникациями осуществляется путем передачи политической информации от одной части политической системы к другой, а также организации взаимодействия между политической и социальной системами. Сама политическая система представляется как совокупность политических позиций и способов реагирования на определенные политические ситуации с учетом множественности интересов. Развитие политической коммуникации влияет на распространение демократии и гражданских ценностей. Следовательно, необходимо исследовать политическую коммуникацию для совершенствования модели ее функционирования. Для управления информационными процессами между государством и обществом.

Ключевые слова:

Политическое сознание, политическая коммуникация, политическая деятельность, коммуникалогия.

Abstract

In article the essence of political communication at the present stage of development of society is considered. The author notes dependence of political consciousness and political communication. Control of political communications is exercised by transfer of political information from one part of political system to another, and also the organization of interaction between political and social systems. The political system is represented as set of political positions and ways of response to certain political situations taking into account plurality of interests. Development of political communication influences distribution of democracy and civil values. Therefore, it is necessary to investigate political communication for improvement of model of its functioning. For management of information processes between the state and society.

Key words:

Political consciousness, political communication, political activity, kommunikalogiya.

Существует диалектическая взаимосвязь между политическим сознанием и политической практикой (деятельностью). С одной стороны, политическое сознание порождается и формируется в своей реальной структуре в ходе развития политической деятельности и под ее определяющим воздействием. С другой стороны, политическое сознание, степень его развитости, ясность понимания людьми политических реалий, четкость и обоснованность политических требований и т.д. сильнейшим

образом влияет на характер практической деятельности тех или иных политических сил. Но это происходит, когда есть люди способные внести идеологию в практику и т.д.

Взаимосвязь политического сознания и политической практики отмечал известный русский философ Ильин И.А. «Неискушенному, поверхностному взгляду может, конечно, казаться, что люди в их политической деятельности преследуют множество разнообразных целей; так, что не только у каждого отдельного человека имеется своя, особая «политическая» цель, но что один и тот же человек может по произволу менять свои «политические» цели, отдаваясь им по очереди и перебирая их одну за другой... [2] При таком понимании решающим является вопрос о том, чего желает тот или другой индивидуум, а вопрос о том, на каком пути он задумал этого достигнуть. Всякая самая нелепая, своекорыстная и противогосударственная цель окажется «политическою» целью, а деятельность, клонящаяся к ее осуществлению, окажется государственною деятельностью... Государство имеет свою, объективную природу, которая определяется его объективной целью и которая не может безнаказанно разрушаться и попираться. Те, кто не понимают этого, - те неспособны и политической деятельности; те, кто не блюдут этого, - готовят себе и своему государству трагический конец... А между тем политическая деятельность есть именно солидарная деятельность во имя общей цели. Отсутствие ее разрушает политический союз и превращает народ во множество разъединенных атомов». Каждый одинаково заинтересован в общем деле, т.е. все солидарны. На этой солидарности, именно на ней и только на ней - зиждется государство; в обнаружении ее и в служении ей состоит политическая деятельность. По мнению Артемова Г.П. «политическое сознание представляет собой реакцию субъектов политической жизни на ее события» [1].

Можно выявить несколько различных моделей взаимодействия между политическим сознанием и политической практикой:

– сильно развитое, адекватно отражающее реальность политическое сознание и высокоактивная практическая политическая деятельность;

– высокоактивная политическая деятельность и не очень сильно развитое политическое сознание (не оказалось грамотных идеологов в соответствующем месте и др.);

– сильно развитое политическое сознание и недостаточно активная практическая политическая деятельность (недостаточно должных организаторов и др.);

– слабо развиты и то и другое.

Несомненно, в процессе политической практики происходят изменения и в умонастроении людей. Характер и направленность этих изменений имеют важное значение, поскольку именно они, в свою очередь, обратно влияют на политическую деятельность больших масс людей. При этом наиболее значимые факторы, определяющие системы ценностей и определяемой ими политической деятельности, являются взаимосвязанные факторы:

– характер и степень сформированности личных убеждений и взглядов;

– динамика престижа социального статуса лица и уровня, связанных с ним благ и привилегий;

– уровень овладения навыками соответствующей профессиональной деятельности;

– способность индивида адаптироваться к изменяющимся условиям.

Характер и степень сформированности личных убеждений и взглядов прямо влияет на политическую деятельность. Принятие или непринятие тех или иных политических взглядов зависит не только от знания их сути и содержания, но и «признанием не «за страх», а за «совесть» и не по слепой привычке, а по зрячему, разумному убеждению».

Изменения в политической сфере затрагивают не только материальное положение людей, но и во многих случаях изменяют престиж профессий и должностей. «Изменение статуса социальной позиции неизбежно влечет за собой не только повышение или снижение материального благосостояния ее обладателя, но и необходимость осмысления происшедших перемен, что может сказаться на переоценке ранее принятой шкалы ценностей... В свою очередь, негативные или позитивные психологические последствия изменения социального статуса могут быть нейтрализованы посредством действия других факторов».

Уровень овладения соответствующими навыками профессиональной деятельности влияет и на характер политической деятельности. Более уверенно в политической деятельности ведут себя люди, убежденные в своей способности надлежащим образом выполнять служебные обязанности.

В условиях тоталитарного режима сформированное мифологизированное политическое сознание подавляло инициативу и ограничивало сферу политической деятельности человека [5]. Одновременно в повседневной деятельности повседневная борьба с житейскими невзгодами поддерживала природную способность человека к адаптации. Происшедший раскол в обществе по политическим симпатиям не размыл аморфность представлений социально-профессиональных групп о поли-

тических интересах. Природная способность адаптации к изменяющимся окружающего человека условиям в меньшей степени распространяется на политическую адаптируемость населения. Сегодня «несмотря на формально существующий политический плюрализм, реальные отношения политической поддержки и доверия (и соответствующие негативные установки) по-прежнему, как и в советском «монолитном» обществе, строились вокруг одной-единственной оси - «власть и народ» - при отсутствии того набора посредующих социальных и политических организаций, которые характерны для гражданского общества». «Переходная и нестабильная ситуация порождает «переходные» формы человеческой деятельности и соответствующих ее характеру субъектов: людей, которые подходят к новым реальностям с привычными или примитивными мерками (или, напротив, применяют новые обозначения для старых структур и устремлений) [5].

В исследовании, проведенном в апреле 2000 года Всероссийским центром изучения общественного мнения, при оценке качеств Б.Н. Ельцина наибольшее предпочтение респонденты отдали опыту политической деятельности (28%) [3].

Когда на основе властных отношений совершается какое-либо действие, то можно говорить о влиянии. В самом общем виде под социальным влиянием понимается процесс, через который поведение одного или нескольких людей, имеющих власть над другими, изменяет их состояние. Объект влияния может изменить свои знания, верования и представления о каких-либо сторонах окружающего мира. Влияние может также затронуть чувства, ценности, мотивации или отношение к тем или иным вещам и явлениям. Объект влияния может изменить и свое поведение.

Влияние — психологическая основа политического лидерства. Для того, чтобы стать лидером нужно обрести потенциальную власть, пользоваться ею для оказания влияния на других людей. При необходимости объект влияния навязывает окружению (или ее части) свою волю.

Используя механизмы политической коммуникации лидер стремится оказать влияние на других людей, направляя в их адрес целевые сообщения. Они могут состоять из слов, риторики самого лидера, поступков и конкретных действий. Одни сообщения дополняют другие. Их система составляет основу политической коммуникации. Политическая коммуникация всегда строится с целью оказать влияние на какой-либо объект. Результат политической коммуникации — это и изменение установок или поведения под влиянием предлагаемых коммуникатором стимулов, и требуемая степень согласия участвующих в коммуникации сторон.

Политическую семиотическую коммуникацию (осуществляемую с помощью языка), следует понимать как обмен действиями. Целенаправленные слова и речи, с помощью которых изменяется существующее положение вещей, можно рассматривать как разновидность социального действия. Суть коммуникативной же политической деятельности заключается в изменении поведения объекта коммуникации путем привлечения для участия в коммуникативном процессе других индивидов. Сегодня политическая коммуникация формирует политический мир, функционирующий по своим законам.

Известный американский политолог М. Эдельман считает, что вся политическая жизнь есть создаваемая с помощью языка специфическая конструкция. В ней каждый значимый политический факт, описание каждого политического события или отношение к политической фигуре неизбежно содержат в себе интерпретации участников и наблюдателей политического спектакля, зависящие от их идеологических и психологических особенностей [22]. То есть политический факт может восприниматься по разному различными людьми, но это не может быть основанием для конструирования практических моделей коммуникации в политической сфере.

Политическая коммуникация осуществляется различным способом, в частности, посредством направления политических сообщений конкретным людям, сообществам. Сообщения могут выглядеть как констатация фактов, вызывающих заинтересованное отношение публики к ним, или как разъяснение смысла событий. Политическая коммуникация в большей степени осуществляется как вертикальная нисходящая коммуникация. Инициатором сообщений как правило является лидер или политическая организация. В руках субъекта коммуникации находится механизм формирования и распространения информации.

У политического лидера кроме лингвистических средств воздействия и другие возможности оказания влияния на реципиента. Ими могут быть занимаемая официальная позиция, средства поощрения и наказания. Охваченные влиянием лидера люди, принявшие его идеологию и программу действия, формы и методы работы, превращаются в последователей. Они также могут иметь некоторые возможности влияния на лидера. В частности, они могут соглашаться или не соглашаться с какими-то действиями, заявлениями лидера. Соответственно последователи могут совершать свои частные действия, игнорируя мнение лидера, оставаясь в целом под его влиянием. Воздействие последователей на лидера может осуществляться и в пассивной форме – например, не оказание

поддержки, не выступление против курса оппонента, равнодушие к каким-либо акциям, организуемым лидером.

Процесс коммуникации лидера со своими последователями динамичен и разнообразен. Лидер должен постоянно бороться за сохранение своей позиции. Последователи могут изменить свое отношение к лидеру и даже могут выбрать себе другого лидера. На политическое поведение личности влияют его потребности, мотивы, политические убеждения, межличностные отношения и др.

Надежным средством сохранения и развития отношений лидера со своими сторонниками является правильно построенная система коммуникаций. Оптимально выстраивая коммуникативные модели, лидер постоянно должен конструировать свой образ и вначале доводить его до ближайшей общественности, а по возможности и до более широкой аудитории. Для того, чтобы оказать управляющее воздействие на те или иные элементы политической сферы (электорат, общественное мнение и т.д.) политический лидер должен воспользоваться различными ресурсами).

Существуют две основные группы таких ресурсов:

Средства влияния, не зависящие не столько как от действия самого лидера, как от его официального статуса, положения в обществе. К ним относятся должностная власть, включающая власть поощрения и власть наказания. Эта власть реализуется через предоставление каких-либо полномочий и преимуществ в социальной иерархии, материальных благ и др. Любой формальный лидер получает средства контроля над распределением различных ресурсов, имеет в распоряжении определенные средства, а также применения силы закона или традиции.

Средства влияния, непосредственно зависящие от личности лидера. К этим средствам можно отнести влияние личности (благодаря своим качествам, поступкам, биографии и т.п.). Эти средства также включают имиджевые характеристики лидера. Политические лидеры для общественности являются символами добра или зла. От того, как они смогут достичь конкретного результата, воздействовать на публику личным примером, во многом зависит отношение к ним общественности.

Политические коммуникации в Интернете. В послевоенный период исследования влияния информационных и телекоммуникационных технологий на развитие политических коммуникаций проводились в Западной Европе и США под влиянием сложившихся концепций политического процесса, авторы которых, в свою очередь, опирались на вполне определенные теоретические модели демократического общества [5].

Исходным моментом современной теории демократии становится представление о существовании «основополагающего консенсуса» относительно всеобщих политических ценностей — равенства, гражданских прав, демократических процедур принятия решений на базе признания существующих социальных и политических институтов. Для развитых индустриальных обществ характерна тенденция к прогрессирующей стабильности, взаимопроникновению взглядов представителей различных классов на принципиальные социально-политические проблемы, постепенному исчезновению острых социальных конфликтов.

Например, уже на рубеже 1960-70-х гг., анализируя происходящие в Британии изменения, английские политологи Д. Батлер и Д. Стоукс постулировали в качестве важнейшего момента наметившегося поворота уменьшающуюся связь социальных классов с политикой [9; 28]. Непосредственно перед экономическим кризисом середины 1970-х гг. они утверждали, что в рамках послевоенного процветания создан новый массовый рынок товаров и услуг и «государство всеобщего благоденствия» существенно уменьшило уровень бедности и нищеты. Различия между жизненными стандартами, уровнем потребления и социальными привычками рабочих и среднего класса также уменьшились. Вследствие этого возросшая социальная мобильность «перекрывает» классовые различия, «предрасположенность избирателей оценивать политику в классовых понятиях ослабла» и процесс «классового выравнивания» постоянно смещается в Англии в сторону «твердого центра». Легитимность государства, таким образом, уже не может ставиться под сомнение.

Классик мировой политической науки Р. Даль следующим образом характеризовал содержание новой демократической модели:

– Контроль над правительственными решениями в социально-политической сфере поручается избранным ответственным лицам.

– Эти лица выбираются и мирно отстраняются на относительно регулярных, справедливых и свободных выборах, на которых принуждение является вполне ограниченным.

– Практически все взрослое население имеет право голосовать на этих выборах.

– Большая часть взрослых имеет право бороться за государственные должности, на которые в процессе выборов выдвигаются кандидаты.

– Граждане имеют действенно подтверждаемое право на свободу выражения, в особенности, политического, своих взглядов, включая

критику должностных лиц, поведение правительства, господствующей политической, экономической и социальной системы и идеологии.

– Они также имеют доступ к альтернативным источникам информации, которые не монополизированы правительством или какой-либо другой общественной группой.

– Наконец, они имеют действенно подтвержденное право создавать и вступать в независимые ассоциации, включая политические ассоциации, такие как — политические партии и группы интересов, которые стремятся оказывать на правительство воздействие путем соревнования на выборах и при помощи других мирных средств [10].

Эта модель опирается на новую концепцию гражданской идентичности и гражданских прав, основные принципы которой были разработаны непосредственно после второй мировой войны в работе Т. Маршалла «Гражданство и социальный класс». В рамках данной модели стали изучаться и возможности новых информационных технологий. Еще в 1926 г. американский философ Д. Дьюи рассматривал такие новые средства массовой телекоммуникации, как радио, телефон в совокупности с массовой прессой в качестве важнейшего средства интеграции плюралистической политики [11].

Электрифицированное голосование. Б. Фуллер в 1940 г. предложил схему «электрифицированного голосования» с целью интенсификации деятельности демократических институтов. Но только с приходом эры телевидения появились проекты «теледемократии», предусматривавшие создание специальной сети, обеспечивающей возможность «голосования на дому» [13].

С развитием кабельного телевидения и компьютеров появились проекты, авторы которых предлагали преодолевать свойственные современному обществу тенденции к приватизму и партикуляризму путем организации опросов и прямого участия граждан через систему «Интернет» и электронную почту в обсуждении наиболее злободневных проблем и голосовании. Появилась даже специальная терминология, с помощью которой описывались новые возможности прямой демократии (демократии участия) – «телекоммуникационное пространство», «виртуальное сообщество», «кибернетический полис», коммуникационная демократия» (networked democracy). Автор ввел в оборот более широкое понятие «медиапространство».

Электоральные перспективы Интернета не ограничиваются агитационными возможностями, а могут быть распространены повсеместно в виде прямого (e-vote) сетевого голосования. В ходе майских выборов

2002 г около 20 тыс. жителей Ливерпуля (Великобритания) выбирали городской Совет с помощью новых избирательных электронных технологий, используя сотовой телефон или Интернет. По словам Д. Стивенса, ответственного в компании British Telecommunications (BT) за программу «E-демократия», новая «намного надежнее традиционного проставления крестиков на бумаге». «Правительство Великобритании планирует включить онлайновое голосование в британский избирательный процесс на местных и всеобщих выборах уже 2006 г [5].

Идея использования Интернета на выборах была поддержана и президентом Франции Ж. Шираком. Такого рода поддержка выражена в письме Ширака депутату Алену Ферри (Alain Ferry) внесшему в Парламент Франции проект соответствующего закона. В США вопрос создания общенациональной системы электронного голосования «из дома» также уже стоит в практической плоскости, и уполномоченным на это государственным органом там является FCC (федеральная комиссия по связи). У России аналогичные планы.

Обеспечиваемая через компьютеры коммуникация, согласно прогнозам многих ученых, могла бы помочь решению многих проблем, современной демократии, связанных с существованием жесткой политической иерархии и способствовать возрождению такого типа социальных отношений, которые существовали в древнегреческом полисе.

Представление о том, что современные Интернет-технологии помогут возродить демократический идеал и вызвать гражданский пафос и демократические чувства, являются чрезвычайно распространенным, порождая у ряда ученых убеждение во всеспасительной миссии современных ИТТ.

«Электронная демократия (не тот же ли виток исторической спирали? — Ф.Ш.) возвращает нас к истокам демократической идеи, т.е. к прямой демократии. Эти процессы, в частности, обсуждались в ходе 14-го заседания группы экспертов Совета Европы по онлайновым услугам и демократии (MM-S-OD), прошедшего в Страсбурге в феврале 2003 г. Среди прочего там обсуждались в содержательном плане позиции готовящейся рекомендации СЕ по праву на ответ в условиях онлайновой коммуникации».

В древнегреческих полисах или средневековых городах Италии, существовала сравнительная простота отношений. В современных демократичных обществах граждане уже не в состоянии спасти себя сами и надежда может быть возложена только на помощь извне, т.е. на технический прогресс. Но ведь создание компьютерных коммуникационных сетей стало вполне закономерным следствием усложнения условий жизни, а не упадка демократических институтов. Кроме того, надежда с помощью компьютеров создать но-

вую версию прямой, «дискурсивной» демократии постоянно опровергается теоретически многочисленными оппонентами, полагающими (и далеко небезосновательно), что посредническая миссия компьютерной техники ведет в противоположном направлении, усиливая манипулятивные возможности капитализма, способствуя созданию нового вида иерархии, «патриархии», а отнюдь не прямой демократии.

Если не впадать в какую-либо разновидность современного луддитства, то можно вполне поддержать точку зрения ученых, утверждающих, что новые технологии, будучи составной частью существующего социального порядка, используются, прежде всего, для его поддержки и вряд ли могут стать основой для новых радикальных социальных экспериментов.

Мнению теоретиков, считающих, что использование компьютерной техники усиливает интимность социальных и гражданских отношений, их дискурсивность, а также повышает роль небольших коллективов, открывающих новые возможности интерактивной идентификации интересов, противостоит убежденность других специалистов, опасающихся тех угроз, которые таятся в «кибердемократии» или «модемной демократии» [18; 19; 20]. В частности, анонимность общения в сети «Интернет», снижая роль межличностной дискуссии, нередко провоцирует «виртуальное насилие», стремление «провести атаку» на безымянного партнера, порождает акты сексуальной агрессии и способствует распространению явления получившего название — «нетикет» (netiquette).

Участники общения «группируются» по интересам (возрастным, половым, профессиональным), как правило, игнорируя мнения, которые оставляют их равнодушными. Гигантское количество информации, циркулирующее в компьютерных сетях, может вызвать стрессы, порожденные нервной перегрузкой, чувство отчуждения, которое связано с явлением, называемым учеными «информационным шоком» (info-shock). И. Винсент приводит пример «Восстания в мировой WWW-сети». Он описывает продолжение мятежа сапатистских повстанцев из мексиканского штата Чиапас в киберпространстве. Сапатистская армия национального освобождения распространяет революционные послания через Интернет и пользуется электронной почтой и web-сайтами. Таким образом они общаются с обществом, минуя правительственную цензуру. Web-сайт Ya Basta распространял революционные новости и собирал деньги для повстанцев.

По мнению многих, тем не менее «Интернет» не создает атмосферы «электронной агоры», о которой с таким восторгом пишут ее поклонники.

Мнение сторонников этой концепции категорично: создание «кибернетического пространства» не только не способствует улучшению

стандартов современной демократии, но и создает дополнительные преграды демократическим процессам.

Может ли быть принята такая точка зрения? Очевидно, нет. Без информационного и технического обеспечения функционирование современных демократических институтов может быть затруднено. Компьютерные системы могут значительно улучшить качество информации, особенно для тех политических партий, которые более склонны к самообману и поддаются манипуляции. Обеспечение равного доступа к сетям может способствовать закреплению демократических стандартов на уровнях межличностного и межгруппового общения. Но для этого сами средства массовой телекоммуникации должны быть демократически ориентированными.

Только тогда контакты через Интернет могут принести дополнительный педагогический и политический эффект. На образовательных и педагогических возможностях Интернета, а также его исследовательском потенциале в современной социологии мы подробнее остановимся в следующей главе.

Литература

1. Артемов Г.П. Политическая социология. М.: Логос, 2002.

2. Ильин И.А. О сущности правосознания. Мюнхен-Москва. М.: Рагоръ, 1993.

3. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М., 2000.

4. Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека в массовой сознании. М., 1995.

5. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

6. Abramson J.B., Arterton F.C., Orren G.R. The Electronic Commonwealth. New York, 1988.

7. Barber B. Strong Democracy. Berkeley, 1984.

8. Bayam N.K. The Emergence of Community in Computer Mediated Communication // Cybersociety. Ed. by S.G.Jones. Thousand Oaks. CA., 1995.

9. Bulter D. and Stocks, D. Political Change in Britain. London, 1974.

10. Dahl R.A. Democracy and Its Critics. New Haven and London, 1989.

11. Dewey J. The Public and Its Problems. Athens, 1954.

12. Fishkin J. Democracy and Deliberation. New Haven, CT., 1991.

13. Fuller R.B. No More Secondhand God and Other Essays. Carbondale, 1983.

14. Grossman L. The Electronic Republic. New York, 1995.

15. Hiltz R.S. & Turoff M. The Network Nation. Revised Ed. Cambridge. MA, 1993.

16. Jones S.G. Understanding Community in the Information Age // Cybersociety. Ed. by S.G. Jones. Thousand Oaks. CA., 1995.

17. Kadi M. Welcome to Cyberberia // Utne Reader. 1995. No. 68.

18. London S. Teledemocracy vs. Deliberative Democracy: A Compararive Look at Two Models of Public Talk // Journal of Interpersonal Computing and Technology. 1995. Vol. 3.

19. MacKinnon R.C. Searching for the Leviathan in Usenet // Cybersociety. Ed. by S.G. Jones. Thousand Oaks, CA., 1995.

20. Markus M.L. Findind a Happy Medium: Explaining the Negative Effects of Electronic Communication on Social Life at Work // Computers and Controversy. 2nd. ed. San Diego. 1996.

21. Marshall T.H. Class, Citizenship and Social Development. Westport, 1973.

22. Nederman C.J., Jones B.S., Fitzgerald L. Lost in Cyberspace: Democratic Prospects of Computer-Mediated Communication // Contemporary Politics. 1998. Vol. 4. No. 1.

23.Rheingold H. The Virtual Community // The Reader. 1995. No. 68.

24. Schiller H.I. Information Inequality. New York, London. 1996.

25. Sclove R. Democracy and Technology. New York, 1995.

26. Stoll H. Silicon Shake Oil: Second Thoughts on the Information Superhighway. New York, 1995.

27. Stone A.R. Will the Real Body Politics Please Stand Up? // Cyberspace. Ed by M. Benedict. Cambridge MA. 1991.

References

1. Artemov G.P. Politicheskaya sotsiologiya. M.: Logos, 2002.

2. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. Myunkhen-Moskva. M.: Ragor", 1993.

3.Levada Yu. Ot mnenii k ponimaniyu. Sotsiologicheskie ocherki. 1993-2000. M., 2000.

4. Mikhailovskaya I.B., Kuz'minskii E.F., Mazaev Yu.N. Prava cheloveka v massovoi soznanii. M., 1995.

5. Modernizatsiya politicheskikh institutov, protsessov i tekhnologii v usloviyakh globalizatsii. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2012.

6. Abramson J.B., Arterton F.C., Orren G.R. The Electronic Commonwealth. New York, 1988.

7. Barber B. Strong Democracy. Berkeley, 1984.

8. Bayam N.K.. The Emergence of Community in Computer Mediated Communication // Cybersociety. Ed. by S.G. Jones. Thousand Oaks. CA., 1995.

9. Bulter D. and Stocks, D. Political Change in Britain. London, 1974.

10. Dahl R.A. Democracy and Its Critics. New Haven and London, 1989.

11. Dewey J. The Public and Its Problems. Athens, 1954.

12. Fishkin J. Democracy and Deliberation. New Haven, CT., 1991.

13. Fuller R.B. No More Secondhand God and Other Essays. Carbondale, 1983.

14. Grossman L. The Electronic Republic. New York, 1995.

15. Hiltz R.S. & Turoff M. The Network Nation. Revised Ed. Sambridge. MA, 1993.

16. Jones S.G. Understanding Community in the Information Age // Cybersociety. Ed. by S.G. Jones. Thousand Oaks, CA., 1995.

17. Kadi M. Welcome to Cyberberia // Utne Reader, 1995, No. 68.

18. London S. Teledemocracy vs. Deliberative Democracy: A Compararive Look at Two Models of Public Talk // Journal of Interpersonal Computing and Technology, 1995, Vol. 3.

19. MacKinnon R.C. Searching for the Leviathan in Usenet // Cybersociety. Ed. by S.G. Jones. Thousand Oaks, CA., 1995.

20. Markus M.L. Findind a Happy Medium: Explaining the Negative Effects of Electronic Communication on Social Life at Work // Computers and Controversy. 2nd. ed. San Diego, 1996.

21. Marshall T.H. Class, Citizenship and Social Development. Westport, 1973.

22. Nederman C.J., Jones B.S., Fitzgerald L. Lost in Cyberspace: Democratic Prospects of Computer-Mediated Communication // Contemporary Politics. 1998, Vol. 4. No. 1.

23. Rheingold H. The Virtual Community // The Reader, 1995, No. 68.

24. Schiller H.I. Information Inequality. New York, London, 1996.

25. Sclove R. Democracy and Technology. New York, 1995.

26. Stoll H. Silicon Shake Oil: Second Thoughts on the Information Superhighway. New York, 1995.

27. Stone A.R. Will the Real Body Politics Please Stand Up? // Cyberspace. Ed by M. Benedict. Cambridge MA. 1991.

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Скиперских **A. Skiperskih**

ИННОВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

INNOVATIVE DISCOURSE OF THE RUSSIAN POLICY

Политика. Инновации. Технологии / Г.И. Авцинова, Т.Б. Атаев, Е.С. Ахрамеева, Л.И. Гордеев, О.Е. Гришин, Л. Донай, О.Е. Микитенко, О.А. Нестерчук, А.К. Сковиков, А.Э. Рудакова; под общ. ред. О.Е. Гришина, Г.И. Авциновой, Л.И. Гордеева. М.: НИИ общественных и политических наук, 2014. - 204 с.

Развитие политической системы немыслимо без инноваций. Институты политической системы, их функции и коммуницирование, осуществляющиеся между институтами политической системы, претерпевают постоянную динамику.

Существенное ускорение политических процессов на самых разных уровнях политики в XXI веке создаёт особый скоростной режим функционирования самой политической системы, заключающийся в постоянном качественном изменении как структур «входа» и «выхода», так и самой структуры политической системы. Следуя логике Д. Истона, перед политической системой всё чаще могут актуализироваться неожиданные требования и запросы на «входе», отвечающие быстрому изменению исторического времени [1]. Отсюда, и сама политическая система на «выходе» должна максимально оперативно обрабатывать поступающие в неё запросы и поддерживать высокую коммуникационную проходимость механизмов обратной связи. В свою очередь, обеспечение такой оперативности политической системы не может не предполагать высоких кондиций самой структуры политической системы, её открытости к инновационным трансформациям и коррекциям.

Новые условия существования политических систем являются объективными вне зависимости от пространственного континуума. В полной мере это относится и к современной России, столкнувшейся с проблемой необхо-

димости в глубоких, качественных изменениях, что существенно активизирует реформистский дискурс вокруг данного обстоятельства. В то же время, в современной российской политической практике чувствуется высокая степень ориентации на традицию, что активизирует и традиционалистический, консервативный дискурс, специализирующийся на охранении и легитимации особого уникального пути России. Данные идеи становятся очень популярны в период обострения политического кризиса на Украине и постепенно открывающейся перспективы мягкой изоляции России.

Возникающие противоречие как раз и лежат в основе определённого методологического конфликта, последствия которого как раз и пытаются преодолеть авторы коллективной монографии «Политика. Инновации. Технологии».

Справедливости ради нужно отметить, что авторы данной монографии довольно осторожно эксплуатируют концепт «инновация» в своих текстах. Следует согласиться с ними в том, что «инновация не всегда является положительным явлением» [2, с. 8], что изначально предупреждает излишнюю восторженность аудитории в восприятии данной категории.

Уже в одном из самых первых разделов монографии авторы определяются с концептологическим оформлением «инновации». Перед аудиторией разворачивается концептологический экскурс «инновации».

Авторская позиция (к слову, созвучная и нашей) выглядит следующим образом. Авторы склонны считать, что «инновация представляет собой непрерывный процесс создания, тестирования и внедрения новых идей» [2, с. 15]. Английский политический философ Т. Гоббс в «Левиафане» сравнивает деньги с кровью государственного тела – постоянное движение денег – наделяет систему функциональностью [3]. Равно, как и движение идей, новых мыслей, взглядов, решений и проектов с поправкой на текущую политическую конъюнктуру существенно оптимизирует политический порядок, поддерживая политическую систему и само государство в нормальном, функциональном состоянии. В данном смысле, государство (и современная Россия, частности) оказывается довольно инновационно зависимым [4].

На наш взгляд (периодически, данная мысль проявляется и тексте монографии) инновации в России носят исключительно декларативный характер, становясь частью риторики узких элитных инкамбентов.

К сожалению, концепт «инновация» становится частью дискурса самой власти, не встречая поддержки «снизу» (постановочные и показательные гражданские форумы, на которые «по разнарядке» приглашаются участники, не могут отражать существующее положение дел). В реальной политике по факту может не происходить каких-то принципиальных изменений. В одном из разделов монографии авторы приводят целый перечень примеров коррупционных проблем, как у политических институтов, так и публичных политических фигур. Это не может не формировать специфический образ российской политики. Вместе с тем, испытывавшие делегитимационные вызовы акторы будут снова нуждаться в необходимости легитимации собственных действий и решений. Коррупционный образ данных институтов власти будет требовать развенчания, что снова создаёт пространство для приложения инновации и технологии. Манипулятивный характер самой политики изначально создаёт особую ёмкость для инноваций, для приложения самых передовых и креативных идей ради смещения баланса в пользу обладателя инновационной технологии. Вспомним, как в начале в романтических 1990-х гг. В.В. Жириновский предлагал «сделать из обезьяны президента».

Рассуждение о роли инноваций в политике того или иного государства не должны сводиться к выработке какой-то единой формулы инновации, к некоему оптимуму, к единой, универсальной технологии. Равно, как в политической практике отсутствует универсальный национальный герой, так и в вопросе инновационной применимости отсутствует единая стандартизация. Каждое политическое пространство является самодостаточным и уникальным, что может означать определённые издержки при рецепции инновационных технологий и схем. Российский опыт, здесь, является так же уникальным. Авторы обращают на это внимание, когда говорят о том, что «в России есть и особые, характерные только для неё причины, тормозящие процесс модернизации и инновационного развития» [2, с. 41]. Безусловно, попытка выявления данных причин и не заявляется авторами в качестве одной из задач, на которую предстоит найти ответ в тексте. Подобная претензия выглядела бы слишком опрометчиво и безосновательно в условиях государства, где по словам И. Бродского «китайская грамота перемешана с речью польской». Проблема заключается в излишней сложности России как таковой, в её особых физических кондициях (проблема пространства, территории, ресурсов).

Следует согласиться с авторами и в том смысле, что сложность рецепции инновации, постоянное экспериментирование с правом (история графы «против всех» в избирательном бюллетене, ужесточение Законодательства РФ после массовых протестов в России в 2012/2013 гг., постоянное совершенствование порядка выборов сенаторов в Совет Федераций ФС РФ и т.д.) объясняются экзистенциальным страхом утрачивания властной позиции российской правящей элитой. Страх политической циркуляции и угроза делегитимации заставляет правящую элиту на всех уровнях излишне настороженно относится к любой инновации, затрагивающей привычный порядок вещей и встряхивающей размеренное течение жизни в провинциальных «тёмных царствах». Именно в этом, наверняка, могут скрываться издержки российской бюрократии и амортизации креативных, гражданских проектов чиновничьей массой на местах. В современном российском губернаторском корпусе есть примеры губернаторов, управляющих регионами больше 20 (!) лет (А. Тулеев – Кемеровская область), 16 лет (О. Королёв – Липецкая область) и т.д. В муниципальных районах субъектов РФ существуют такие же проблемы. Это предполагает и особую плотность административной элиты, её «кристаллизированность».

Тенденция к монополизации власти в отдельных субъектах РФ, постоянная демонстрация Кремлю своей незаменимости может иметь не очень хорошие перспективы для самих субъектов РФ. Своеобразным образом российской инновации в контексте политической и административной мобильности может стать опыт некоторых губернаторов, «переназначаемых» в другие субъекты РФ, что продлевает им политическую жизнь (Н.Меркушкин – Мордовия – Самарская область). Становятся довольно частыми подобные практики и на уровне самих субъектов РФ, когда успешного главу муниципального образования переназначают в проблемный район, после чего, со временем, назначенный глава легитимируется в должности на муниципальных выборах.

На наш взгляд, в § 2.4. авторы делают важный вывод о том, что «страх элит перед потерей своих властных позиций, и, следовательно, тех материальных благ, доступ к которым открывают данные позиции» существенно затрудняет модернизационные процедуры [2, с. 52].

Значительной проблемой России является отсутствие интересов оппозиционных политических акторов в модернизационных проектах. Оппозиционные политики доносят свои тексты до аудитории, откуда

угодно, но только не с федеральных СМИ и региональных и муниципальных масс-медиа, контролируемых правящей элитой. В этом смысле инновационная способность России существенно уменьшается из-за проблем с политическим многообразием. Достаточно большая часть общества игнорирует инновационные и модернизационные посылы, формулируемые правящим классом. Авторы отмечают это в тексте вполне справедливым замечанием, считая, что «ни один субъект не способен осуществить преобразование в одиночку и своими силами» [2, с. 63]. Именно в этом, на наш взгляд, может объясняться проблема с публичным озвучиванием национальной идеи, потому как у каждого политического актора существуют свои собственные представления о ней. Скрытые силы ресентимента концентрируют у каждого оппозиционного политика ощущение собственной правоты и исключительности, что актуализирует проблему объединения оппозиционных сил и попыток вести диалог с власть от лица объединённой оппозиции.

Серьёзной проблемой России в контексте её инновационной предрасположенности является и отсутствие развитой гражданской структуры. Существенные ограничения на свободу гражданских структур происходят вплоть до настоящего времени (закон об НКО, иностранных агентах и т.д.). Происходящие в России ограничения гражданских права и свобод, наверняка, скорректируют новый образ российского демократического транзита, концептуализированный известными транзитологами. Изменения происходят так быстро, что некоторые концепции уже не вписывают в себя российскую политическую практику. В частности, уже упоминаемую авторами В. Банс [2, с. 127].

В структуре авторского текста достаточно интересен взгляд на инновацию как на технологию. Этому полностью посвящена одна из глав монографии (§ 3.3). Безусловно, дискурс инновации может быть рассмотрен в контексте появления и распространения новых технологий и форм.

Авторский текст выглядит довольно интересным. Авторами глав монографии являются достаточно известные в отечественной политологии исследователи, давно специализирующиеся на изучении инновационного дискурса российской политики. Теоретические фигуры гармонично сочетаются с новым фактологическим материалом, отражающим опыт прикладных политических практик. Новые тенденции, альтернативы и решения, противоречия и пространства для компромиссов в контексте авторского исследования

«инновации» будет представлять интерес как для студентов и преподавателей вузов, так и структур политического консалтинга.

На наш взгляд, монография «Политика. Инновация. Технологии» определённо найдёт своего внимательного читателя, и её выход станет событием в жизни российского политологического сообщества.

Литература

1. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. NY., 1965.

2. Политика. Инновации. Технологии / Г.И. Авцинова, Т.Б. Атаев, Е.С. Ахрамеева, Л.И. Гордеев, О.Е. Гришин, Л. Донай, О.Е. Микитенко, О.А. Нестерчук, А.К. Сковиков, А.Э. Рудакова; под общ. ред. О.Е. Гришина, Г.И. Авциновой, Л.И. Гордеева. М.: НИИ общественных и политических наук, 2014.

3. Мележик И.Н. Понятие, происхождение и природа государства в политическом учении Т. Гоббса // Актуальные проблемы истории политических и правовых учений. М., 1990.

4. Анохин М.Г., Гришин О.Е., Гордеев Л.Г. Системные инновации для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. №3.

References

1. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. NY., 1965.

2. Politika. Innovatsii. Tekhnologii / G.I. Avtsinova, T.B. Ataev, E.S. Akhrameeva, L.I. Gordeev, O.E. Grishin, L. Donai, O.E. Mikitenko, O.A. Nesterchuk, A.K. Skovikov, A.E. Rudakova; pod obshch. red. O.E. Grishina, G.I. Avtsinovoi, L.I. Gordeeva. M.: NII obshchestvennykh i politicheskikh nauk, 2014.

3. Melezhik I.N. Ponyatie, proiskhozhdenie i priroda gosudarstva v politicheskom uchenii T. Gobbsa // Aktual'nye problemy istorii politicheskikh i pravovykh uchenii. M., 1990.

4. Anokhin M.G., Grishin O.E., Gordeev L.G. Sistemnye innovatsii dlya Rossii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ceriya: Politologiya. 2013. №3.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Н. Козулин,
Ю.Г. Чернышов

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация

В статье дается обзор ключевых моментов обсуждения проблем национальной и региональной идентичности на ежегодном политологическом форуме «Современная Россия и мир: альтернативы развития». Такие форумы проводятся Алтайской школой политических исследований (АШПИ) с 1996 г. На них неоднократно поднимались темы национальной и региональной идентичности (а также примыкающие к ней темы «цивилизационного выбора», «этноконфессиональных конфликтов», «информационных войн», «имиджа страны и региона» и др.). Исходя из содержания дискуссий и статей, опубликованных в течение последних десяти лет в серийном издании «Дневник АШПИ», авторы выделяют пять основных тематических блоков: 1) понятия национальной и региональной идентичности: основные подходы; 2) этническая, национальная идентичность и этнические образы; 3) проблема формирования «постсоветских» идентичностей; 4) европейская идентичность и локальные европейские идентичности; 5) региональная идентичность (на примерах Алтайского края и других регионов России). В соответсвии с этим делением дается анализ основных точек зрения, которые были высказаны участниками конференций – учеными из Казахстана, Литвы, Украины и Финлян-дии, а также из многих городов России (Барнаул, Брянск, Владивосток, Владимир, Волгоград, Екатеринбург, Ир-

V. Kozulin,
Yu. Tchernyshov

PROBLEMS OF NATIONAL AND REGIONAL IDENTITY: ALTAI SCHOOL OF POLITICAL STUDIES

Abstract

The article gives an overview of the key moments of the discussion of problems of national and re-gional identities in the annual political forum «Modern Russia and the World: Alternatives of Development». Such forums are of the Altai School of Political Studies (AShPI) since 1996, and not once discussed issues of national and regional identity (as well as the adjoining themes of «civiliza-tional choice», «ethno-confessional conflicts», «information wars», «the image of the country and the region» and others). Based on the content of discussions and articles published over the last ten years in the serial publication «the Diary of AShPI», the authors identify five main thematic blocks: 1) the concept of national and regional identity: the main approaches; 2) ethnic, national identity and ethnic images; 3) the problem of formation of post-Soviet identities; 4) the European identity and local European identity; 5) regional identity (on the examples of the Altai territory and other regions of Russia). In accordance with this division gives the analysis of the main points of views that had been expressed by the participants of the conference, scholars from Kazakhstan, Lithuania, Ukraine and Finland, and from many Russian cities (Barnaul, Bryansk, Vladivostok, Vladimir, Volgograd, Yekaterinburg, Irkutsk, Kemerovo, Moscow, Nizhny Novgorod, Omsk, Petrozavodsk, Rostov-

кутск, Кемерово, Москва, Нижний Новгород, Омск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Северодвинк, Таганрог, Томск, Тюмень, Якутск и др.).

on-Don, Severodvinsk, St.-Petersburg, Taganrog, Tomsk, Tyumen, Yakutsk and others).

Ключевые слова

национальная идентичность, региональная идентичность, европейская идентичность, этнические образы, политические исследования

Key words

national identity, regional identity, European identity, ethnic images, political studies.

В данной статье мы бы хотели бы дать обзор ключевых подходов и точек зрения, проявившихся при обсуждении проблем национальной и региональной идентичности на ежегодном форуме Алтайской школы политических исследований. Рассматриваемые здесь точки зрения были высказаны участниками конференций, проходивших на Алтае: учеными из Казахстана, Литвы, Украины и Финляндии, а также из многих городов России (Барнаул, Брянск, Владивосток, Владимир, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Москва, Нижний Новгород, Омск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Северодвинк, Таганрог, Томск, Тюмень, Якутск и др.).

Исходя из самого содержания дискуссий и статей, большинство из которых были опубликованы в течение последних десяти лет, можно выделить следующие пять основных тематических блоков:

1. Понятия национальной и региональной идентичности: основные подходы;
2. Этническая, национальная идентичность и этнические образы;
3. Проблема формирования «постсоветских» идентичностей;
4. Европейская идентичность и локальные европейские идентичности;
5. Региональная идентичность (на примерах регионов России).

Школа политических исследований, проводящая эти конференции, возникла как общественное учреждение в 1996 г., а в 1998 г. получила статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета. Одним из главных направлений ее работы является проведение международных научно-практических конференций, издание сборников по актуальным проблемам политической жизни. В последние 11 лет «очные» конференции предваряются интернет-конференциями, в которых могут участвовать ученые из многих городов и различных стран. По материалам конференций выпускается ежегодное серийное издание – «Дневник АШПИ», все выпуски которого представлены на сайте Школы и в электронной научной библиотеке eLIBRARY.

Проблемы национальной и региональной идентичности начали активно обсуждаться на алтайском политологическом форуме более десяти лет назад, на конференции, посвященной интеграции на постсоветском пространстве (2003 г.). Тогда были впервые поставлены проблемы «цивилизационного выбора» России и Украины, других стран – бывших республик Советского Союза, «цивилизационной парадигмы», соотношения понятий имиджа и идентичности. А через два года это вылилось в целый сборник, посвященный проблемам национальной и региональной идентичности (2005 г.) [10]. В дальнейшем тема национальной и региональной идентичности практически не сходит с повестки дня АШПИ. Так, в последнем «Дневнике АШПИ» (№29, 2013 г.) значительная часть материалов посвящена этим проблемам [11]. Рассмотрение данных материалов, как отмечалось, разделено на пять блоков.

Понятия национальной и региональной идентичности, основные подходы

Нужно сразу заметить, что понятие «идентичность» до недавних пор использовалось большей частью в психологии, социологии, этнологии, а в последнее время стало неотъемлемой частью политологического анализа. Идентичность – категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте самоопределения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и/или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям. Иными словами, вопрос об идентичности – это вопрос о соответствии субъекта (личности, группы) источнику норм и поведенческих реакций, который, как предполагается, имеет более общую природу, чем сами эти нормы. По словам Ф. Брентано, идентичность есть «соответствие, мыслимое в совершенстве». В наиболее широком смысле идентичность может быть разделена на «индивидуальную» и «коллективную». Этническая, национальная и региональная идентичности (которым в наибольшей степени было уделено внимание на конференциях АШПИ), естественно, относятся к последнему типу.

Известный специалист в этой сфере профессор ИМЭМО РАН И.С. Семененко приезжала на конференцию АШПИ в 2013 г. В своем выступлении она сосредоточилась на проблемах конфликта идентичностей и формирования гражданских наций. По ее словам, многомерный конфликт идентичностей – между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых иденти-

фикаций и культурных норм оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации. Трансформируется сам источник, традиционно генерировавший общественно значимые смыслы – государство. Политическая мысль XX века приписывала историческому национальному государству эпохи модерна универсалистские свойства, ориентируя на качество жизни пресловутого «золотого миллиарда» как на желаемый результат развития национально-государственных сообществ. Однако в глобализирующемся мире пути трансформации государственности все более заметно расходятся с нациестроительством в привычной исторической трактовке. Рост внутренних очагов этнонациональной и этноконфессиональной конфликтности разводит «национальное» и «государственное» начала в системе ценностных ориентиров гражданина. Выплески сепаратистских настроений в регионах представляют угрозу для национального государства, и решения ищут на путях предоставления таким территориям той или иной степени самоопределения (передача полномочий парламентам регионов в Великобритании, «государство автономий» в Испании, особый статус автономии для пяти регионов Италии и пр.).

По мнению этой исследовательницы, формирование общих ориентиров идентичности политических сообществ как основы их «согласия на развитие» становится приоритетом социальной и культурной политики в условиях дестабилизации мирового порядка. В повестке дня национального регулирования – поиски адекватных ответов на риски доминирования этнического самосознания и групповых идентичностей с этническими корнями (этнонациональными, этноконфессиональными): они выстраиваются по принципу исключения и противостояния «иным», перечеркивая интегративные универсалистские основания гражданской идентичности. Между тем строительство государственности путем актуализации этнонационального дискурса в его конфессиональных, лингвистических и других измерениях оказывается едва ли не самым действенным средством утверждения государственного суверенитета, особенно в молодых национализирующихся (по выражению Р. Брубейкера) политиях. Эта актуализация происходит в противостоянии «другим» – бывшей метрополии, «старым» и «новым» соседям. Наличие территориальных споров (Армения – Азербайджан) или подогреваемых в публичном пространстве исторических обид (Польша – Россия) формируют негативную идентичность. Решение таким путем задач национальной консолидации может дать кратковременный эффект, но в условиях социокультурной модернизации происходит его быстрое исчерпание. Что же касается региональной идентичности, то она, являясь разновидностью территориальной, обычно определяется как укорененность в системе самоидентификации

человека особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории. С одной стороны, речь идет о принадлежности к группе (региональному сообществу), которая выстраивается на общих социокультурных основаниях, с другой – региональная идентичность фиксирует соотнесенность с пространством («землей») при определении «кто есть мы». Как отмечает И.С. Семененко, возникающие наднациональные образования (в частности, Европейский Союз) и межрегиональные территориальные сообщества внутри государства называют макрорегионами (уральский, дальневосточный и пр.). Регион в данном смысле понимается как территориальное пространство, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и «картиной мира». История освоения территории, общая модель хозяйственной деятельности и уклад повседневной жизни поддерживают представления об общем пространстве поверх административных границ и, на этой основе, устойчивую региональную идентичность (Русского Севера, горнозаводского Урала, Центральной России и др.).

На алтайском политологическом форуме подробно обсуждались оба этих аспекта. В том числе, отдельный выпуск «Дневника АШПИ» был целиком посвящен роли российских регионов в формировании имиджа страны.

Теоретические аспекты анализа коллективной «идентичности» подробно рассмотрела в своей статье Е.С. Крестинина (г. Москва). По ее словам, социальная идентичность является базисом так называемой социетальной системы (интегративной подсистемы социума), которая, согласно теории Т. Парсонса, является ядром общества. Осознание себя частью какого-либо сообщества и принятие этого факта означает готовность разделять если не все, то большинство норм, правил, ценностей, принятых в этом сообществе и занятие определенного места в его статусно-ролевой структуре. Идентичность существует в определенных границах, которые, как правило, символически опосредованы. Через усвоение ценностей «своей» группы и обретение лояльности к ней (интегрирующая функция) происходит рефлексия «других» групп и, как следствие, обозначение разделений между группами (дифференцирующая функция). Принадлежность к той или иной группе способствует установлению на индивидуальном уровне определенного набора привычных действий, представлений, мифов – всего того, что в теории Бурдье сосредотачивается в категории «габитус» – социально структурированной когнитивной способности [5], которая, в свою очередь, детерминирует повседневные практики, т. е. оказывает влияние на поведение. Состояние идентичности и ее динамика сказываются на уровне лояльности населения к национальному государству. У. Бек утверждает, что общества заключают

свои идентичности в «контейнере» государств, социальных групп, страт и т.п. [3] Подобная «контейнеризация» идентичности, по мнению Бека, несколько размывается под влиянием глобализации (ведущей к ослаблению национальных государств).

Последнее утверждение, хотя и может быть применено к идентичностям, связанным с государством, тем не менее, не отменяет того, что другие виды социальной идентичности будут ограниченными, заключенными в своем «контейнере», большем или меньшем по объему, чем государство. В связи с этим при обсуждении статьи Е.С. Крестининой в Интернете А.Ю. Полтораков (Киев) обратил внимание на идею «транснациональной идентичности» Х. Булла.

Этническая, национальная идентичность и этнические образы

Переходя к теме этнической идентичности, мы хотели бы также сделать сначала несколько предварительных замечаний. Этническую идентичность обычно определяют как субъективную сторону этнической принадлежности, состоящую в том, что люди сами причисляют себя к какой-либо этнической общности, связывая некоторые черты собственной родословной с рядом объективных признаков этой общности. Таким образом, этническая идентичность выражается в осознании человеком или группой своей этнической принадлежности. Иногда термины «этническая идентичность» и «национальная идентичность» отождествляются. Это связано с тем, что в европейских языках слово «нация» является синонимом слова «народ» («этнос»), тогда как в России нация понималась и трактовалась обычно как этнокультурная общность.

Как известно, Ю.В. Бромлей ввел в научный оборот узкую и широкую трактовки этнического самосознания: в узком понимании этническое самосознание интерпретируется как осознание принадлежности к этнической общности, в широком – означает еще и представления людей о культуре, языке, историческом прошлом своего народа, в том числе о государственности, территории. Детерминирующими факторами этнической идентичности являются территория проживания, язык, религия, пища, одежда, традиции, обычаи, стереотипы поведения и т. д., которые воспринимаются в качестве культурных символов и позволяют людям выделить свою этническую общность («мы») из других («они») и одновременно ощущать свою принадлежность к данной общности. Под «образом мы» имеются в виду не только автостереотипы, т.е. представления о характерных чертах группы, но и другие представления о своем народе, его культуре, территории и т. д.

Наконец, нужно учитывать и отличия групповых представлений от индивидуальных (на это, в частности, обращал внимание французский психолог С. Московичи). Групповые представления более устойчивы. Будучи транслируемыми из поколения в поколение, они обладают свойством нормативного воздействия на людей. Чаще всего это представления о языке, культуре, историческом прошлом народа, этнической группы. Элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в этнической идентичности является и система этнических стереотипов. Система эта означает, что в связке и взаимообусловленности в самосознании представлены автостереотипы – «этноинтегрирующие атрибуции-представления о действительных или воображаемых чертах группы», и гетеростереотипы – «этнодифференцирующие атрибуции-представления о других группах». Этнические стереотипы – это приписывание каких-то черт народу. Они, конечно, могут отражать те или иные реальности, но в целом их неправомерно оценивать как характеристику народа. С помощью этнических стереотипов изучаются межэтнические отношения и эмоциональные аспекты этнической идентичности.

Проблема взаимных «национальных образов» всегда была одной из наиболее популярных тем алтайского форума. Так, двадцать шестой выпуск «Дневника АШПИ» был целиком посвящен проблемам взаимовосприятия народов Европы и России. Е.А. Горбелева рассмотрела характерные черты образа представителей белорусской народности [6], В.Ю. Грушина попыталась раскрыть стереотип восприятия России в массовом сознании Великобритании в период Первой мировой войны, Л.Е. Козлов (Владивосток) проанализировал образ Германии в Приморском крае, В.Н. Козулин рассказал об образе предреволюционной России у английского писателя Джерома К. Джерома, Д.М. Кошлаков (Брянск) затронул проблему генезиса внешнеполитического образа постсоветской России в странах Европы, Н.Ю. Кузьминых (Санкт-Петербург) осветил современную «имиджевую политику» Латвии в отношении Европы и России, О.Ю. Курныкин обратил внимание на проблему восприятия стран Запада в мусульманском мире, О.Ч. Реут (Петрозаводск) проследил динамику российского восприятия Баренцева Евро-Арктического региона. С.Н. Третьякова (Северодвинск) проанализировала образ России в сочинения британского журналиста У.Т. Стэда.

Проблема «этнических стереотипов» затрагивалась и на других конференциях АШПИ. Несколько статей на эту тему представлены также в последнем выпуске «Дневника». В первых двух из них (авторы В.Н. Козулин и Ю.Г. Чернышов) анализируются основные тенденции эволюции стереотипов восприятия Европы и европейцев в России [19], а в исследовании нашей коллеги из Финляндии С. Макинен (г. Тампере, Финляндия) рассматривается

эволюция восприятия образа и эволюция идентичности русских в европейской и финской традициях [19]. Данные материалы представляют интерес попытками «обзорного охвата» больших периодов и выявления наиболее важных тенденций в каждом из них.

Проблема формирования «постсоветских» идентичностей

Сразу же после распада СССР начинается бурный процесс формирования национальных идентичностей в новообразовавшихся странах. Формированием новых идентичностей озаботились правящие элиты новых государств и, конечно, в этот период наблюдается значительное влияние идеологии на исторические концепции, на преподавание национальной истории в постсоветских государствах. Согласно концепции Ж. Пиаже, этническая идентичность в полном объеме формируется в школьный период (10–11 лет). Поэтому роль преподавания истории в формировании идентичности трудно переоценить. Проблема соотношения истории и идеологии, национальных исторических мифов на материале изучения учебников по истории в разных странах мира была интересно освещена французским историком М. Ферро. А попытка комплексного освещения «национальных историй» в постсоветских государствах впервые была предпринята в коллективной монографии под редакцией К. Аймермахера и Г. А. Бордюгова. Эта актуальная проблема не оставила равнодушными и участников алтайского форума.

Весьма полезной в теоретическом отношении оказалась статья ведущего научного сотрудика ИНИОН РАН О.Ю. Малиновой (Москва), приезжавшей на конференцию АШПИ в 2007 г. Она отмечает, что было бы неверно представлять противостояние «западничества» и «антизападничества» как исключительно российское явление: проблема коллективной самоидентификации по отношению к «прогрессивному» Западу вставала во многих странах «догоняющей модернизации», раскалывая элиту на призывающих к скорейшему освоению передового опыта «западников» и уповающих на национальную самобытность «почвенников». Однако в России данный тип дискурса воспроизводится беспрецедентно долго, периодически он приобретает значение одного из главных идеологических водоразделов, в этом дискурсе явно преобладают полярно противоположные образы и оценки. В силу нынешних тенденций развития российской политической системы (сужение поля публичной политики, идеологическое доминирование «центра» и др.) игры с «цивилизационной» идентичностью по-прежнему остаются значимым фактором структурирования политико-идеологического спектра.

Тема «постсоветского антизападничества» как средства самоидентификации была продолжена и в статье Л.А. Кокумбаевой (Павлодар, Казахстан).

По ее оценке, чувство сохранения своей идентичности широко распространено в современном глобализирующемся мире. Наиболее полемически заостренной в происходящих идентификационных процессах является национальная идентичность. Один из показательных ответов на вызов глобализации – Россия в рамках треугольника РФ – Западная Европа (Старый Свет) – Америка (Новый Свет). Образ Запада в массовом сознании россиян в данном случае как бы раздваивается, разделяется на образ Западной Европы и образ США, которые оцениваются и воспринимаются по-разному. США традиционно ассоциируются с военно-политической угрозой, в то время как страны Западной Европы, как правило, не воспринимаются в качестве такой угрозы. Это суждение распространяется не только на россиян: в той же мере оно актуально и для казахстанцев, и других народов и стран бывшего Союза [21].

В.Н. Козулин в своей статье, посвященной роли идеологии в национальных концепциях украинской истории, выразил озабоченность всплеском национализма на территории бывшего СССР и попытками переписать национальную историю. Национальные элиты захлестнули эмоции, а попытки объективного исторического анализа были достаточно редкими. Данная тенденция в полной мере затронула украинскую элиту и общественное мнение. В свою очередь, в России (может быть, как реакция на такой негатив) также вместо объективного взгляда на собственную историю предпринимаются попытки возродить старые «имперские» стереотипы в отношении соседних народов – вплоть до отрицания, например, самого существования украинского народа и украинского языка. По мнению автора, для преодоления негативных взаимных стереотипов восприятия украинцев и русских необходимо освободить преподавание истории от власти идеологии, поставить во главу угла научный, а не идеологический принцип и формировать объективную картину истории. Наиболее естественной и продуктивной концепцией украинской истории, по мнению автора, может служить подчеркивание фактов интернационализма, различных этнических влияний и «этнической уживчивости» украинцев. С этой точки зрения, главное своеобразие, уникальность истории Украины – в неоднородности ее территории, составленной из различных (в историко-этнологическом и в религиозном отношениях) частей.

Тема поиска украинской идентичности и цивилизационного выбора была продолжена в том же выпуске «Дневника АШПИ» (№18) в статье М.А. Шепелева (г. Днепропетровск, Украина). Автор утверждает, что основная проблема во внешней политике современной Украины состоит в неспособности преодолеть буферную геополитическую природу Украины. По-прежнему стремление к политическому сближению с Западом сочетается с невозможностью игнорировать экономическую зависимость от России. Тем самым закреп-

ляется периферийный статус Украины в европейском и евроатлантическом пространстве. Для внешнеполитического прорыва ей необходимо выдвинуть и реализовать такой геополитический проект, который был бы невозможен без центральной, интегрирующей роли Украины. Представляется, что его основой может стать идея Большой Европы от Атлантики до Тихого океана – единой системы коллективной безопасности, единого экономического, правового и информационного пространства, интегрированного также в политической сфере. Именно идея Большой Европы сегодня положена в основу российско-европейского сближения. Статья вышла в свет в 2003 г., но, как видим, многие выводы представляют интерес и с позиций сегодняшнего дня.

Идея формирования общей «европейской идентичности» Украины и России, в настоящий момент уже кажущаяся утопичной, не раз высказывалась участниками нашего форума. Наиболее подробно об этом написал в своей статье «Европейская идентичность как фактор региональной безопасности» А.Ю. Полтораков. По его словам, несмотря на то, что и Россия, и Украина «избрали» европейскую идентичность, ни в одной из стран она не зафиксирована окончательно. При этом «за скобками» (по крайней мере, политическими) остается то обстоятельство, что, как верно подметил итальянский лингвист Д. Марани, «кажется ошибкой противопоставление одной идентичности другой, непонимание, что существуют переходные зоны между культурами», а «разные идентичности не исключают друг друга, а питают взаимно». И подобное не(до)понимание, еще более принципиальное для сферы геополитики, существенно осложняет диалог, в том числе в сфере региональной безопасности. Такое отношение накладывает отпечаток на будущую судьбу Украины (да и России) в так называемой «Большой Европе».

Споры о российской идентичности вообще, пожалуй, стоило бы выделить в отдельный блок – столь значительное место они всегда занимали на нашем форуме. Впервые эта проблема подробно была рассмотрена Ю.Г. Чернышовым еще в 2003 г. в статье «Место России в мире: кризис утопической самооценки». Говоря о «самооценке», автор имеет в виду широко распространенные в массовом сознании и закрепленные на уровне государственной идеологии представления о собственной стране, о ее месте и роли в мире. Россия, по его словам, неоднократно переживала периоды увлечения «миссионизмом». Однако XX в. стал веком крушения многих не только традиционных, но и новых концепций. Пришедшая из Византии концепция православной империи рухнула в начале этого века вместе с архаичным царским режимом. Пришедшая ей на смену идея «мировой революции» и освобождения мирового пролетариата лишь на короткое историческое время позволила придать новое дыхание утопической самооценке. Вместе с кру-

шением Советского Союза и других коммунистических режимов эта концепция также утратила актуальность. Еще короче оказалась популярность либерально-западнической утопической идеи о скором превращении России в Европу. По мнению автора, кризис утопической самооценки для России – это закономерное отражение реальной ситуации и в стране и в мире. В нынешней ситуации наиболее оправдан реалистичный подход, направленный на то, чтобы Россия занимала достойное место «сильного среди сильных». Что же касается имиджа России, то имперские амбиции могут лишь повредить ей в восстановлении связей со странами ближайшего окружения. Имидж России было бы полезно развивать и пропагандировать с опорой не на пугающие имперские стереотипы, а на экономическое сотрудничество и лучшие гуманитарные традиции российской культуры. Нужно демонстрировать реальные выгоды сотрудничества с Россией – только так в нынешних условиях можно стимулировать интеграцию со странами ближнего и дальнего зарубежья. Спустя семь лет, в своей вступительной статье к 26-му выпуску «Дневника АШПИ», автор по-прежнему констатирует «неопределенность» российской идентичности.

В другой своей статье Ю.Г. Чернышов затронул проблему задействования исторической памяти в формировании имиджа России. Интересный материал для анализа здесь дают разного рода теле- и интернет-конкурсы, призванные выявить «героев» (или, наоборот, «антигероев») отечественной истории. Имидж государства (как образ, конструируемый с определенными целями и оказывающий эмоционально-психологическое воздействие на сознание людей) во многом состоит из символов, в число которых входят и «великие имена». Олицетворяют ли эти имена развитие страны в «должном» направлении, или они в большей степени ассоциируются с качествами «героев» (их харизматичностью, характером их миссии и т.д.)? Стремление определить пантеон своих «героев» издавна свойственно многим культурам, однако с появлением телевидения, телефонных голосований и особенно Интернета такого рода конкурсы превратились в массовые шоу и масштабные общественные дискуссии, позволяющие не только выявлять тенденции общественных настроений, но и в значительной степени способствовать кристаллизации новых идентичностей, корректировать имидж страны и государства. Подобным интернет-проектом стал в 2005 г. телепроект «Имя Россия», в котором победителем конкурса стал князь Александр Невский. В риторике сторонников Александра Невского зачастую проявляется не столько «европейская» идентичность, сколько «антизападный» настрой, оправдывающий сотрудничество с монголо-татарскими завоевателями и подчеркивающий особую роль православной церкви. В конечном итоге, в мифологизирован-

ном образе политического лидера во многом находят отражение черты желаемого имиджа государства.

Проблема кризиса российской идентичности наиболее активно обсуждалась на алтайском политологическом форуме в 2005 г., когда темой нашей традиционной конференции была как раз проблематика национальной и региональной идентичностей. Острая дискуссия прошла после докладов И.А. Еремина и В.Н. Козулина, представивших во многом альтернативные взгляды на роль Русской православной церкви в формировании национальной идентичности, на отношение россиян к западной культуре. В.Н. Козулин выдвигал тезис о необходимости формирования новой, так называемой европейской русской идентичности. Здесь автор ссылался, в частности, на дореволюционного публициста Г.А. Евреинова, который призывал уметь находить в истории такие национальные начала, которые годились бы для прогрессивного развития, уметь отцедить их «от татарской дикости и византийского мертвящего догматизма». И.А. Еремин выступал за особую роль Русской православной церкви в формировании современной российской идентичности, за максимальное использование того ресурса, которым она обладает, «для защиты духовного здоровья православного населения страны» [13].

О кризисе российской идентичности и путях выхода из него рассуждали на страницах «Дневников АШПИ» Е.В. Дмитрова (Томск), А.А. Корякина (Якутск) и О.В. Семенкина (г. Ростов-на-Дону) [9]. По мнению О.В. Семенкиной, высказанному еще в 2003 г., современная Россия не может стать лидером антизападного лагеря, поскольку по своим экономическим и финансовым возможностям уступает быстрорастущим гигантам «третьего мира». Россия не может занять позицию изоляции в глобализирующемся мире, так как подобная стратегия повлечет за собой глубокий экономический кризис. Весьма интересно исследование К.И. Усовича (г. Санкт-Петербург) о глубинном имидже России в парадигме мифологического мышления. Он полагает необходимым изменить так называемый глубинный имидж России и перевести ее тем самым на рельсы другого мифологического сценария.

А.С. Чесноков (Екатеринбург) рассмотрел проблему «цивилизационного раскола» на восточноевропейском и постсоветском пространствах. Он говорит, что исторически так сложилось, что сначала Российская империя, а затем и СССР смогли объединить (но не синтезировать!) в своих границах народы, принадлежащие к четырем разным цивилизациям: восточноевропейской, западноевропейской, исламской и буддийской. Таким образом, на территории Европы пересеклись ареалы и интересы несколько цивилизаций, и одной из них стала Восточноевропейская, представленная, прежде всего, Россией. В советское время цивилизационный конфликт скрывался под ил-

люзией «семьи социалистических народов». Однако очевидно, что ни имперская, ни советская, ни даже современная российская федеративная модели государственности вовсе не решают проблему внутреннего межцивилизационного конфликта. Интолерантность, ставшая нормой в межнациональных отношениях в первой половине 90-х гг. XX в. на всем восточноевропейском пространстве, несмотря на кажущуюся стихийность, на самом деле была вполне системным явлением, поскольку с самого начала процесса размежевания в социалистическом лагере отчетливо проявилась тенденция «цивилизационной» перегруппировки новых независимых государств.

Помимо украинской и российской идентичностей в АШПИ обсуждались и другие постсоветские идентичности. Например, Е.А. Горбелева проанализировала перипетии формирования современной белорусской идентичности (между Европой и Россией) [6], М.А. Дедюлина (Таганрог) проследила амбивалентность армянской диаспоры на постсоветском пространстве [7], а Г.Р. Цулая (Тюмень) рассмотрел эволюцию грузинской идентичности (после так называемой «революции роз»).

Европейская идентичность и локальные европейские идентичности

Весьма значительное место в дискуссиях АШПИ всегда занимала проблематика европейской идентичности. Отчасти мы затрагивали эту тему в предыдущем блоке, говоря о российской и украинской идентичностях, которые многие исследователи видели частью европейской или пытались вписать в так называемую «макрорегиональную» европейскую идентичность.

Проблема европейской идентичности впервые подробно и в разных аспектах рассматривалась в АШПИ в 2005 г.

Старший научный сотрудник ИНИОН РАН Д.В. Ефременко (г. Москва) в своей статье проанализировал дискуссию об истоках, сущности и значении европейской идентичности, вновь активизировавшуюся в связи с подготовкой Конституции Европейского Союза. Эта дискуссия характеризуется двумя основными подходами. Представители первого апеллируют к универсалиям европейской культуры и концентрируют свое внимание на пространственно-временном измерении европейской идентичности. Представители второй точки зрения рассматривают эту проблему через призму общности политических принципов и институтов. По сути дела, для них европейская идентичность есть не что иное, как идентичность Европейского Союза. Ключевым в культуралистской версии европейской идентичности являются образ «другого», «внешнего». Без Не-Европы невозможно представить Европу. Однако с началом европейской интеграции политическая динамика стала все более опережать устоявшиеся представления об историко-культурных основаниях евро-

пейской идентичности. Так, уже со вступлением Греции в Европейское Сообщество в 1981 г. исчезла возможность говорить о том, что важной культурной основой европейской интеграции является лишь западное христианство. В 2004 г., еще до начала официальных переговоров о вступлении в Европейский Союз Турции, политически предпочтительным стал полный отказ от упоминания христианства как предпосылки культурного единства Европы.

По мнению Д.В. Ефременко, все большая релятивизация историко-культурных пределов Европы, связанная с динамическими процессами и в самой культуре европейских народов, и с политическими изменениями рубежа XX–XXI вв., выдвигает на ведущие позиции интерпретацию европейской идентичности в первую очередь как политической идентичности Европейского Союза. Такая идентичность представляет собой ансамбль политических ценностей и принципов, получивший широкое признание в качестве основы единства ЕС. В случае Европейского Союза речь идет об истолковании европейской идентичности как особой политической идентичности, являющейся результатом и одновременно предпосылкой межгосударственной интеграции. Сознательный перенос акцентов с историко-культурных оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую является свидетельством укрепления позиций социально-конструктивистского подхода. При таком подходе европейская политическая идентичность рассматривается как социальный конструкт или проект [14].

Говоря о перспективах формирования российской идентичности, Д.В. Ефременко утверждает, что представление России как Не-Европы связано с фундаментальным расхождением политических идентичностей ЕС и России. Но не вызывает сомнений, что любой из возможных вариантов формирования российской идентичности будет тем или иным образом соотноситься с европейской идентичностью, или, по крайней мере, с ее преобладающей трактовкой. В первую очередь это будет определяться тем, насколько формирующаяся российская идентичность основывается на политических ценностях и принципах. Благодаря этому и можно будет судить о ее совместимости или несовместимости с европейской идентичностью.

В этом же сборнике В.Н. Козулин приводит трактовку «европейской идентичности» современного русского философа В.К. Кантора, который понимает «европейскость» как некий культурно-этический идеал, к которому стремятся все европейские и не только европейские, а вообще цивилизованные народы. Европеизация, по нему, – это своего рода модернизация под эгидой почти мистического европейского гуманизма и либерализма. В своем понимании «европейскости» В.К. Кантор отталкивается от тезиса известного философа В.С. Соловьева, который утверждал, что европеец есть понятие не

географическое, а культурно-этическое, «с определенным содержанием и с расширяющимся объемом». При этом русская идентичность, по мнению В.К. Кантора, это уже давно, то есть исторически, европейская идентичность.

Преимущественно в правовом аспекте проблему европейской идентичности рассматривает В.А. Лукашевич. По его словам, в последние десятилетия даже традиционные политико-правовые институты, такие как гражданство, остававшиеся неизменными в течение многих поколений, изменяются. Любое государство на различных стадиях своего развития желало знать, кто из людей, находящихся на его территории, «свой», а кто «чужой». Появление в Договоре о Европейском Союзе 1991 г. гражданства Европейского Союза вывело этот древний институт из исключительной сферы влияния государства и вызвало к жизни многочисленные споры о будущем наднациональной модели гражданства. Исключение идентичности из структуры гражданства, в духе «чистой теории права» Ганса Кельзена, неизбежно лишает гражданство связи с реальностью, оставляя ему лишь существование в сфере права. Безусловно, Европа была и остается регионом множества древних национальных культур. Но одной из основных функций федеративных политических систем является интеграция гетерогенных сообществ, при условии сохранения их культурной и/или политической автономии. Общую идентичность невозможно навязать сверху, но когда она уже существует, возможным представляется создать такие условия, в которых она могла бы развиться максимально быстро. Такой вывод делает автор статьи.

В новейшем 29-м выпуске «Дневника АШПИ» проблема европейской идентичности также рассматривается довольно подробно.

С.В. Арапина (г. Кемерово) дает определение европейской идентичности и прослеживает процесс ее конструирования. Автор отмечает, что, согласно оценкам некоторых экспертов, европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта, а главное, не был разработан план по ее развитию в контексте европейской интеграции. «Отцы Европы» Р. Шуман, Ж. Монне полагали, что процесс интеграции и создания новой Европы окажется долгим поэтапным мероприятием. В европеистике европейская идентичность оценивается как социальный конструкт, который связан с процессами интеграции. Но, несмотря на то, что на обложках загранпаспортов граждан стран ЕС появилось прямое указание на их принадлежность к Европейскому Союзу, – заключает автор статьи, – стратегия конструирования европейской идентичности пока не дала ожидаемых результатов. Европейское политическое пространство в сознании граждан ассоциируется с реализацией проекта «большой Европы»: «быть европейцем» означает быть гражданином Евросоюза. Это, безусловно, свидетельствует о влиянии инсти-

тутов ЕС на формирование гражданской идентичности. Но для создания Европы с общими демократическими принципами этого явно недостаточно [3].

Профессор Л.В. Дериглазова (Томск) сосредоточила внимание на деятельности Европейского Союза по формированию европейской идентичности. Автор отмечает, что целью деятельности институтов ЕС в данном направлении является стремление создать единую политическую общность и, таким образом, легитимировать существование такой политической сущности, как ЕС. Формирование идентичности ЕС является попыткой совместить без противопоставления и соподчинения национальную и наднациональную идентичность граждан ЕС, выделяя важные объединяющие элементы идентичностей. Наряду с идеей минимального вмешательства институтов ЕС в деятельность национальных правительств, развивается правовая база формирования общего гражданства ЕС. Как полагают специалисты, идентичность формируется как результат социального взаимодействия, которое часто отсутствует в случае ЕС. Взаимодействие европейцев происходит в большей степени в рамках национального государства, что и определяет характер их самоидентификации. В основе идентичности ЕС, – заключает Л.В. Дериглазова, – лежит идея «размытой государственности» с опорой на гражданство ЕС, а культурные, этнические и языковые особенности народов, населяющих Европу, должны создать «этническую и культурную мозаику» или «единство в разнообразии». Деятельность ЕС по формированию идентичности ЕС направлена на сочетание элементов культурно-социальной и политической, гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС и повышения его «присутствия» в повседневной жизни европейцев [12].

Востоковед О.Ю. Курныкин затронул проблему «вызова» европейской идентичности со стороны европейских мусульман-иммигрантов. Нынешнюю волну иммигрантов в страны Европы, преимущественно из бывших колониальных владений, можно рассматривать как некую историческую расплату за бывшее колониальное величие. Прежняя колониальная периферия ответила бывшим метрополиям все более значительными миграционными потоками. В современной Европе, как отмечает автор, возникает коллизия между стремлением европейского общества сохранить свое лицо и призывами ко все более жесткой регламентации въезда в страну мигрантов и закрепления для них норм жизни, соответствующих принципам либерального, правового и светского государства. К иммигрантам предъявляются требования знания языка и основ культуры страны пребывания. Акцент был перенесен на укрепление национальной идентичности и недопущение опасного для стабильности общества культурного обособления, прежде всего, мусульманских общин.

Большим вкладом в исследование проблемы европейской идентичности является и статья литовской коллеги И. Матоните (г. Вильнюс, Латвия) об особенностях элитарных и массовых восприятий европейской идентичности в Прибалтийском регионе. Кроме того, немало интересных исследований, посвященных проблемам европейской идентичности и интеграционным процессам в Европе, осуществили молодые исследователи (студенты, магистранты и аспиранты) – Д.В. Гаврилов (Кемерово), А.В. Граубергер, А.В. Ильин, А.С. Кирилина (Кемерово), А.В. Лачкова, А.В. Речкова (Кемерово), Ю.С. Сапрыкина, В.А. Сдельников, М.В. Степанова (Кемерово), Г.Н. Хайдуков (Тюмень) и Д.П. Царевская (Тюмень) [5; 15; 17; 24; 31; 32; 33; 36]

Что же касается проблематики локальных европейских идентичностей, то наиболее обсуждаемой на конференциях АШПИ была, пожалуй, проблема немецкой идентичности. Вероятно, это связано с тем, что на Алтае проживает значительная диаспора российских немцев и даже существует немецкий национальный район.

Проблема немецкой идентичности на страницах «Дневников АШПИ» впервые была подробно исследована Е.В. Уфимской. Сорок лет германского раскола, по словам автора статьи, оставили в мировой истории не только биографию двух государств – ГДР и ФРГ, но и создали все условия для складывания двух наций внутри одной – немецкой. После долгожданного воссоединения Германии состояние всеобщего воодушевления закончилось довольно быстро. Призывы к обретению былой силы немецкой нации стали утихать, как только восточные немцы испытали первое разочарование, увидев воочию, как же далеко несопоставимы уровни жизни двух государств. И самое главное состояло в том, что достижение этого уровня требовало от западных немцев в основном крупных инвестиций в экономику ГДР, а от восточных – полной перестройки их восточного немецкого самосознания. У многих мучительно долго рассеивались иллюзии о «лучшем обществе», которое восточные немцы отождествляли с западным. Тот, кто сначала думал, что единство – это синтез лучшего из двух частей, очень скоро об этом забыл. Предполагаемого синтеза не получилось, и одним из основных препятствий в этом стал «ментальный барьер», обоснованный, прежде всего, преобладанием различных доминант в структуре западного и восточного социального характера. Различие этих характеров выражается как в семейной и социальной жизни, так и в уровне и содержании самооценки, в ценностных предпочтениях, в отношении к работе, досугу, деньгам и т. д. Все это и определяло ситуацию, в результате которой восточный или, соответственно, западный немец воспринимал своего соотечественника по ту сторону германо-германской границы в качестве этнически чуждого. Доказательством та-

кой отчужденности, – заключает автор, – являются слова, появившиеся и устойчиво закрепившиеся в немецком языке особенно после объединения страны, а именно – «Ossie» и «Wessie».

Тема идентичности российских немцев наиболее подробно освещается в статье В.В. Овсянниковой. Пытаясь определить этническую идентичность российских немцев, она выделяет четыре типа этой идентичности, предлагаемых современными авторами: 1) немецкая – тип мигранта, отсутствие этноса как такового; 2) русская и немецкая одновременно; 3) российско-немецкая и 4) русская, немецкая и российско-немецкая (учитывающая случаи возвращения российских немцев в Германию). Наиболее обоснованной из этих концепций автор признает «русско-немецкую идентичность», которую обосновывают В.Ф. Баумгертнер и Г.Г. Вормсбехер, признающие российских немцев отдельным молодым этносом, отличным от близкородственной старонемецкой нации и имеющим специфические особенности по сравнению с нацией русской.

Автор также делает вывод о наличии «конфликта самоидентификации» разных групп российских немцев, основной причиной которого является отсутствие целостного, единообразного видения проблемы этничности, официального определения идентичности и возможностей ее культивирования широкими массами «немецко-русского» населения. Усилия интеллектуальной элиты российских немцев в этом направлении не дали пока существенных результатов. Таким образом, национальная идентичность российских немцев еще долго будет оставаться предметом оживленных дискуссий, и аргументированное мнение по данному вопросу может оспариваться на основе столь же весомых аргументов.

Региональная идентичность (на примерах регионов России)

Поскольку Алтайский край является одним из регионов Российской Федерации, региональный аспект темы идентичностей в его узком (а не только в «макрорегиональном» смысле), конечно, не мог не быть затронутым на нашем форуме. Проблеме российских регионов и их роли в формировании имиджа страны была посвящена отдельная конференция АШПИ и соответствующий выпуск «Дневника» (№24). Хотя слово «идентичность» и не вошло в заглавие этого сборника, тема региональной идентичности постоянно затрагивалась авторами статей и выступлений на конференции. Как уже отмечалось выше, проблемы идентичности и имиджей, образов, позиционирования «себя» в противовес «другому» связаны самым тесным образом.

Е.А. Антипина в своей статье о региональном маркетинге совершенно справедливо утверждает, что результатом формирования и управления

брендом региона является создание его капитала, т. е. нематериального актива, который имеет регион в случае успешной реализации своей идентичности. Бренд региона эта исследовательница определяет как существующий в сознании совокупности различных групп реальных и потенциальных потребителей комплекс восприятий, образов, ассоциаций, ожиданий по отношению к региону, который представляет рациональную и/или эмоциональную ценность, формируемую в процессе взаимоотношений между брендом и его потребителем. Что же касается термина «имидж территории», то автор замечает, что, несмотря на активное использование этого понятия, его формулировка встречается очень редко. Е.А. Антипина характеризует имидж территории/региона как уникальный набор ассоциаций, существующих у реальных и потенциальных потребителей по отношению к региону, представляющих собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений о регионе. Формирование имиджа региона является одним из направлений маркетинга территорий.

Интересное исследование «репрезентации образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов России» предлагает в этом выпуске «Дневника» Е.С. Крестинина (г. Москва). Автор констатирует, что Москва в СМИ других регионов достаточно часто предстает в проблематизированном контексте. Наиболее часто негативные оценки деятельности москвичей встречаются в СМИ Краснодарского края (по мнению автора, это связано с выкупом земли под олимпийские объекты, а также в связи с Олимпиадой), и Новосибирской области (также в связи с массированным проникновением московских предпринимателей). Наименее часто проблематизируется образ москвича в СМИ Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Московской области. В наиболее позитивном ключе о Москве и москвичах пишут СМИ Чеченской республики (по мнению автора, это связано с политикой руководства) и Татарстана. При этом только в СМИ Московской области москвичи практически не выступают в образе «внутреннего другого». Исключение из целостного восприятия страны ее столицы достаточно опасно, так как в этом случае серьезно затрудняется установка общегосударственных, гражданских идентичностей, что, в конечном итоге может даже привести к сепаратизму в отдельных регионах, – заключает автор.

Проблема идентичности населения Алтая обсуждалась также подробно на конференции АШПИ 2005 года. [1; 11]. Интересный аспект видения проблемы предложил Ю.Г. Чернышов. Он рассматривает понятие региональной идентичности в соотношении с понятием имиджа. Региональная идентичность, как отмечает автор, – это осознание жителями региона своей общности, это ответ на вопросы «кто мы?», «какие мы?», «где мы?». Проводимые

опросы показывают, что в России есть примерно одинаковые по численности две группы жителей (около 35–40%): одни считают себя «в первую очередь жителями своего региона», другие «в первую очередь россиянами». Зачастую «регионалы» – это сельские жители, которые почти не выезжали за пределы своего региона. Для них любовь к России проявляется через любовь к родному краю. Понятие «малая родина» лежит у них в основе патриотизма. В связи с этим автор выражает озабоченность по поводу идеи укрупнения регионов России. Ему представляется, что не следовало бы грубо и произвольно перекраивать карту страны, стирая с нее «малые родины». Имидж региона и региональная идентичность, по словам автора, – это отнюдь не те вещи, которые можно с легкостью перекраивать, которыми можно произвольно манипулировать. Любая административная реформа, не учитывающая этого, не только обречена на провал – она может нанести серьезный ущерб и интересам регионов, и интересам страны в целом.

Рассмотрение проблемы политического имиджа как средства формирования региональной идентичности Алтайского края продолжила Я.Ю. Шашкова. Имидж региона, по ее замечанию, имеет в первую очередь экономическое значение, так как от показателей развития и сложившегося образа будет зависеть интерес к региону торговых партнеров и инвесторов. В связи с этим многие российские регионы перешли к целенаправленному формированию своего имиджа, чего, к сожалению, нельзя сказать об Алтайском крае. Его имидж никто и никогда специально не формировал и потому каких-либо содержательных позитивных ассоциаций край, по утверждению автора, пока не приобрел. Данные суждения, следует отметить, после 2005 г. нуждаются в корректировке: об имидже региона теперь говорят очень много, хотя имеющиеся наработки в этой области явно оставляют желать лучшего.

В целом мы упомянули лишь некоторые из многих публикаций, имеющих отношение к теме идентичности. Более подробно ознакомиться с содержанием дискуссий по этой тематике можно с помощью «Дневника АШПИ», который есть в наличии в центральных библиотеках, а также представлен на сайте Школы. Надеемся, что этот обзор поможет читателю лучше ориентироваться в опубликованных работах. Мы, в свою очередь, постараемся продолжить обсуждение данной тематики с привлечением самого широкого круга специалистов.

Литература

1. Авралев Н.В., Ефимова И.Н. Формирование и развитие идентичности в региональных социально-политических процессах // Дневник АШПИ. №21.

2. Арапина С.В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) // Дневник АШПИ. №29.

3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.

4. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. Том 6. № 3. Май 2005.

5. Гаврилов Д.В. Свободная демократическая партия Германии: взгляд на европейскую идентичность в современном мире // Дневник АШПИ. №29.

6. Горбелева Е.А. Между Европой и Россией: дискуссии о белорусской идентичности // Дневник АШПИ. №29.

7. Дедюлина М.А. Амбивалентность диаспоры в постсоветском пространсве // Дневник АШПИ. №18.

8. Дериглазова Л.В. Деятельность Европейского Союза по формированию европейской идентичности // Дневник АШПИ. №29.

9. Дмитрова Е.В. Россия в поисках своего места в современном мире // Дневник АШПИ. №18.

10. Дневник АШПИ. №21. Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005.

11. Дневник АШПИ. №29. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: АЗБУКА, 2013.

12. Должиков В.А. Движение сибирских областников: официозный миф и национально-региональная идентичность // Дневник АШПИ. №21.

13. Еремин И.А. Роль Русской православной церкви в формировании национальной идентичности русского народа в условиях глобализации // Дневник АШПИ. №21.

14. Ефременко Д.В. Европейская идентичность как фактор становления новой российской идентичности // Дневник АШПИ. №21.

15. Ильин А.В. Барселонский процесс и формирование средиземноморской идентичности // Дневник АШПИ. №29.

16. Калашникова В.Б. Концепт «Центральной Европы»: модель интеграции или дезинтеграции? // Дневник АШПИ. №29.

17. Кирилина А.С. Европейская идентичность немцев // Дневник АШПИ. №29.

18. Козулин В.Н. Культурная идентичность России: новый взгляд на западничество и почвенничество // Дневник АШПИ. №21.

19. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России (Ч. 1. От Древней Руси до Империи) // Дневник АШПИ. №29.

20. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России (Ч. 2. Советский и постсоветский периоды) // Дневник АШПИ. №29.

21. Кокумбаева Л.А. О процессах формирования национальной идентичности на постсоветском пространстве // Дневник АШПИ. №23.

22. Крестинина Е.С. Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект // Дневник АШПИ. №26.

23. Курныкин О.Ю. Мусульмане-иммигранты и европейская идентичность // Дневник АШПИ. №29.

24. Лачкова А.В. Европейская идентичность и проблема безопасности (на при-мере событий 11 сентября 2001 г.) // Дневник АШПИ. №29.

25. Лукашевич В.А. Европейское гражданство: право и идентичность // Дневник АШПИ. №21.

26. Малинова О.Ю. Зеркальный лабиринт: «долгий дискурс» российского западничества / антизападничества и проблемы формирования национальной идентичности // Дневник АШПИ. №23.

27. Овсянникова В. В. Об этнической идентичности российских немцев // Дневник АШПИ. №29.

28. Петросян Д.И., Свинцов И.В. Самоидентификация населения Алтая: региональная идентичность против общенациональной? (по материалам социологического исследования) // Дневник АШПИ. №21.

29. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / отв. ред. И.С. Семененко. Т. I. Идентичность как категория политической науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

30. Полтораков А.Ю. «Европейская идентичность» как фактор региональной безопасности // Дневник АШПИ. №26.

31. Речкова А.В. Евразия или европейское сообщество дружбы народов? // Дневник АШПИ. №29. Барнаул, 2013.

32. Сапрыкина Ю.С. Соотношение европейской и национальной идентичности на примере Финляндии // Дневник АШПИ. №29.

33. Сдельников В.А. Роль ультраправых сил в формировании европейской идентичности // Дневник АШПИ. №29.

34. Семененко И.С. Конфликт идентичностей и проблемы формирования гражданских наций // Дневник АШПИ. №29.

35. Степанова М.В. Problems of «European identity» in the European Union // Дневник АШПИ. №29.

36. Хайдуков Г.Н. Европейская идентичность как феномен Европы // Дневник АШПИ. №29.

37. Цулая Г.Р. Грузинская идентичность: Европа – «цель» или «средство»? // Дневник АШПИ. №29.

38. Чернышов Ю.Г. Имидж Алтайского края и формирование региональной идентичности // Дневник АШПИ. №21.

39. Чернышов Имидж государства и национальные конкурсы «великих имен» // Дневник АШПИ. №25.

References

1. Avralev N.V., Efimova I.N. Formirovanie i razvitie identichnosti v regional'nykh sotsial'no-politicheskikh protsessakh. Dnevnik AShPI. №21.

2. Arapina S.V. Evropeiskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotorye aspekty). Dnevnik AShPI. №29.

3. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu. M., 2001.

4. Burd'e P. Formy kapitala. Ekonomicheskaya sotsiologiya. Tom 6. №3. Mai 2005.

5. Gavrilov D.V. Svobodnaya demokraticheskaya partiya Germanii: vzglyad na evropeiskuyu identichnost' v sovremennom mire. Dnevnik AShPI. №29.

6. Gorbeleva E.A. Mezhdu Evropoi i Rossiei: diskussii o belorusskoi identichnosti. Dnevnik AShPI. №29.

7. Dedyulina M.A. Ambivalentnost' diaspory v postsovetskom prostransve. Dnevnik AShPI. №18.

8. Deriglazova L.V. Deyatel'nost' Evropeiskogo Soyuza po formirovaniyu evropeiskoi identichnosti, Dnevnik AShPI. №29.

9. Dmitrova E.V. Rossiya v poiskakh svoego mesta v sovremennom mire Dnevnik AShPI. №18.

10. Dnevnik AShPI. №21. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (natsional'naya, regional'naya identichnost' i mezhdunarodnye otnosheniya): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. pod red. Yu.G. Chernyshova. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2005.

11. Dnevnik AShPI. №29. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Zapad i Vostok: mezhtsivilizatsionnye vzaimodeistviya i mezhdunarodnye otnosheniya): sbornik nauchnykh statei. pod red. Yu.G. Chernyshova. Barnaul: AZBUKA, 2013.

12. Dolzhikov V.A. Dvizhenie sibirskikh oblastnikov: ofitsioznyi mif i natsional'no-regional'naya identichnost'.Dnevnik AShPI. №21.

13. Eremin I.A. Rol' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v formirovanii natsional'noi identichnosti russkogo naroda v usloviyakh globalizatsii. Dnevnik AShPI. №21.

14. Efremenko D.V. Evropeiskaya identichnost' kak faktor stanovleniya novoi rossiiskoi identichnosti. Dnevnik AShPI. №21.

15. Il'in A.V. Barselonskii protsess i formirovanie sredizemnomorskoi identichnosti. Dnevnik AShPI. №29.

16. Kalashnikova V.B. Kontsept «Tsentral'noi Evropy»: model' integratsii ili dezintegratsii? Dnevnik AShPI. №29.

17. Kirilina A.S. Evropeiskaya identichnost' nemtsev. Dnevnik AShPI. №29.

18. Kozulin V.N. Kul'turnaya identichnost' Rossii: novyi vzglyad na zapadnichestvo i pochvennichestvo. Dnevnik AShPI. №21.

19. Kozulin V.N., Chernyshov Yu.G. Evolyutsiya stereotipov vospriyatiya Evropy i evropeitsev v Rossii (Ch. 1. Ot Drevnei Rusi do Imperii). Dnevnik AShPI. №29.

20. Kozulin V.N., Chernyshov Yu.G. Evolyutsiya stereotipov vospriyatiya Evropy i evropeitsev v Rossii (Ch. 2. Sovetskii i postsovetskii periody). Dnevnik AShPI. №29.

21. Kokumbaeva L.A. O protsessakh formirovaniya natsional'noi identichnosti na postsovetskom prostranstve. Dnevnik AShPI. №23.

22. Krestinina E.S. Politicheskaya identichnost' kak faktor dvustoronnikh otnoshenii: teoreticheskii aspekt. Dnevnik AShPI. №26.

23. Kurnykin O.Yu. Musul'mane-immigranty i evropeiskaya identichnost'. Dnevnik AShPI. №29.

24. Lachkova A.V. Evropeiskaya identichnost' i problema bezopasnosti (na primere sobytii 11 sentyabrya 2001 g.). Dnevnik AShPI. №29.

25. Lukashevich V.A. Evropeiskoe grazhdanstvo: pravo i identichnost'. Dnevnik AShPI. №21.

26. Malinova O.Yu. Zerkal'nyi labirint: «dolgii diskurs» rossiiskogo zapadnichestva/antizapadnichestva i problemy formirovaniya natsional'noi identichnosti. Dnevnik AShPI. №23.

27. Ovsyannikova V. V. Ob etnicheskoi identichnosti rossiiskikh nemtsev. Dnevnik AShPI. №29.

28. Petrosyan D.I., Svintsov I.V. Samoidentifikatsiya naseleniya Altaya: regional'naya identichnost' protiv obshchenatsional'noi? (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya). Dnevnik AShPI. №21.

29. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2-kh tt. otv. red. I.S. Semenenko. T. I. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011.

30. Poltorakov A.Yu. «Evropeiskaya identichnost'» kak faktor regional'noi bezopasnosti. Dnevnik AShPI. №26.

31. Rechkova A.V. Evrabiya ili evropeiskoe soobshchestvo druzhby narodov? Dnevnik AShPI. №29. Barnaul, 2013.

32. Saprykina Yu.S. Sootnoshenie evropeiskoi i natsional'noi identichnosti na primere Finlyandii. Dnevnik AShPI. №29.

33. Sdel'nikov V.A. Rol' ul'trapravykh sil v formirovanii evropeiskoi identichnosti. Dnevnik AShPI. №29.

34. Semenenko I.S. Konflikt identichnostei i problemy formirovaniya grazhdanskikh natsii. Dnevnik AShPI. №29.

35. Stepanova M.V. Problems of «European identity» in the European Union. Dnevnik AShPI. №29.

36. Khaidukov G.N. Evropeiskaya identichnost' kak fenomen Evropy. Dnevnik AShPI. №29.

37. Tsulaya G.R. Gruzinskaya identichnost': Evropa – «tsel'» ili «sredstvo»? Dnevnik AShPI. №29.

38. Chernyshov Yu.G. Imidzh Altaiskogo kraya i formirovanie regional'noi identichnosti. Dnevnik AShPI. №21.

39. Chernyshov Imidzh gosudarstva i natsional'nye konkursy «velikikh imen». Dnevnik AShPI. №25.

НАШИ АВТОРЫ

ИВАНОВСКИЙ Збигнев Владиславович – доктор политических наук, профессор, руководитель группы политической конъюнктуры, Институт латинской америки РАН, (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические процессы в Латинской Америке.
IWANOWSKI Zbigniew – doctor of political sciences, professor, head of Group of Current Political Situation in the Institute for Latin America of Russian Academy of Science, (Moscow, Russia).
Science interests: political processes in Latin America.
E-mail: z.w.iwanowski@gmail.com

КАПИЦЫН Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет, (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая идентификация, сравнительное государствоведение.
KAPITSYN Vladimir – doctor of political sciences, professor of department of comparative political science, Moscow State University, (Moscow, Russia).
Science interests: political identification, comparative political science.
E-mail: kapizin@yandex.ru

КАРАТКЕВИЧ Александр Григорьевич – доктор политических наук, доцент, заместитель руководителя Центра трудовых отношений и социального партнерства, Академия труда и социальных отношений, (Москва, Россия)
Область научных интересов: политические институты, политический процесс.
KARATKEVICH Alexander – doctor of political sciences, associate professor, deputy head of the Center of labor relations and social partnership, Academy of work and the social relations, (Moscow, Russia).
Science interests: political identification, comparative political science.
E-mail: karatkevich@mail.ru

КОЗУЛИН Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет, (Барнаул, Россия).
Область научных интересов: проблемы этнических образов, история культурных связей России и Запада.
KOZULIN Vyacheslav – PhD in historical sciences, assistant professor of general history and the international relations, Altai State University, (Barnaul, Russia).
Science interests: problems of ethnic images, history of cultural communications of Russia and West.
E-mail: kozulin@bk.ru

КРУПКИН Павел Ливерьевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, научный руководитель, Центр изучения Современности; член Российской ассоциации политической науки, (Москва, Россия);
Область научных интересов: политическая философия, политическая идентичность.
KROOPKIN Paul – candidate of physical and mathematical sciences, senior research associate, research supervisor, Center of studying of the Present; member of the Russian political science association, (Moscow, Russia).
Science interests: political philosophy, political identity.
E-mail: kroopkin@mail.ru

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром европейских и американских исследований, заместитель директора по науке, Институт этнологии и антропологии РАН, (Москва, Россия).
Область научных интересов: межэтнические отношения, молодежная политика, толерантность, этнические конфликты.
MARTYNOVA Marina – doctor of history, professor, deputy director, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies, (Moscow, Russia).
Science interests: ethnic conflicts, multicultural communication.
E-mail: martynova@iea.ras.ru

РАХВАЛ Мартин – PhD, доцент факультета политических наук и журналистики, Университет имени Адама Мицкевича в Познани, (Познань, Польша).
Область научных интересов: политическое преобразование в Польше, Центральной, и Восточной Европе.
Rachwał Marcin – PhD, Assistant Professor, Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznan, (Poznan, Poland).
Science interests: political transformation in Poland and Central as well as Eastern Europe.
E-mail: marcin.rachwal@op.pl

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия).
Область научных интересов: политические процессы, политический протест, механизмы политической власти.
SKIPERSKIH Alexander - doctor of political sciences, professor of the humanities department, National Research University «Higher School of Economics», (Perm, Russia).
Science interests: political processes, political protest, mechanisms of political power.
E-mail: pisatels@mail.ru

ЧЕРНЫШОВ Юрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; директор, Алтайская школа политических исследований; председатель, Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, (Барнаул, Россия).
Область научных интересов: актуальные проблемы мирового политического процесса, этнические стереотипы, имидж страны и региона, история социальных утопий.
CHERNYSHOV Yury – doctor of history, professor, head of the department of general history and the international relations, Altai State University; director, Altai school of political researches; chairman, Altai office of the Russian political science association, (Barnaul, Russia).
Science interests: actual problems of world political process, ethnic stereotypes, image of the country and region.
E-mail: ashpi@hist.asu.ru

ШАРКОВ Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; заслуженный деятель науки РФ, (Москва, Россия)
Область научных интересов: социальная коммуникация, политическая коммуникация.
SHARKOV Felix – doctor of sociological sciences, professor, head of the department of public relations and media policy, Russian academy of national economy and public service at the President of the Russian Federation; The Honored worker of a science of the Russian Federation, (Moscow, Russia)
Science interests: social communication, political communication.
E-mail: sharkov_felix@mail.ru

ЯШКОВА Татьяна Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский государственный гуманитарный университет; член Российской ассоциации политической науки, (Москва, Россия).
Область научных интересов: трансформация современного общества.
Yashkova Tatyana – doctor of political sciences, professor of chair of the public and municipal administration, Russian State Humanitarian University; member of the Russian political science association, (Moscow, Russia).
Science interests: transformation of modern society.
E-mail: Yashkova@yandex.ru

THE CONTENTS

CIVIL AND POLITICAL IDENTITY

M. Kapitsyn
IDENTITY: ESSENCE, STRUCTURE, DYNAMICS
(DISCOURSE AND EXPERIENCE VISUALIZATION) **8**

M. Martynova
EDUCATION AS RESOURCE OF DESIGNING OF IDENTITY OF YOUTH.
RUSSIAN EXPERIENCE **33**

P. Krupkin
POLITICAL COLLECTIVE IDENTITY
IN THE POST-SOVIET RUSSIAN FEDERATION **61**

T. Yashkova
CONCEPTION AND FORMATION OF IDENTIFICATION
IN THE MODERN RUSSIAN FEDERATION **88**

A. Karatkevich
CIVIL SOCIETY UNDER CONDITIONS OF POST-SOVIET
TRANSFORMATION: PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL IDENTIFICATION **98**

ARTICLES

Z. Iwanowski
CONSTITUTIONAL REFORMS IN LATIN AMERICA AND THEIR POLITICAL
CONSEQUENCES (END OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURY) **111**

M. Rachwal
VOTER TURNOUT AND THE QUALITY OF DEMOCRATIC POLITICAL SYSTEM **141**

F. Sharkov
POLITICAL CONSCIOUSNESS – POLITICAL PRACTICES –
POLITICAL COMMUNICATION **153**

REVIEWS

A. Skiperskih
INNOVATIVE DISCOURSE OF THE RUSSIAN POLICY **166**

SCIENTIFIC LIFE

V. Kozulin, Yu. Tchernyshov
PROBLEMS OF NATIONAL AND REGIONAL IDENTITY:
ALTAI SCHOOL OF POLITICAL STUDIES **172**

Our Authors **196**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 428023, Россия,
Чувашская Республика, г. Чебоксары,
ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7 952 027 6618.
E-mail: editor@politbook.ru.
http://j.politbook.ru

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 15.04.2014
Дата выхода в свет

Формат 60x90⅛.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
в типографии ИП Сорокина А.В.
«Новое время». 428034, Чебоксары,
пр. М. Павлова, 50/1.
Тел. (8352) 412798
E-mail: newtime1@mail.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2014

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.ru.
http://j.politbook.ru
http://niiopn.com

© Institute of Social and Political
Sciences, 2014